

Океан
развитых
надежд

МАКС УЭЙД

16+

Макс Уэйд

Океан Разбитых Надежд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65652247

SelfPub; 2023

Аннотация

У шестнадцатилетней Кэтрин, внучки директора детского дома и дочери известного стилиста, есть всё: внимание противоположного пола, удачные контракты и шанс на роскошную жизнь. У Лукаса, подопечного её бабушки, нет ничего. Он молчалив, не терпит громких вечеринок и часто пропадает на берегу забытой речушки. И лишь одно шуточное письмо связывает их крепкими узами настоящей любви. Но как долго Кэтрин будет скрывать правду? И к чему приведёт эта опасная игра?

Содержание

Плейлист	6
Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	40
Глава 3	56
Глава 4	68
Глава 5	89
Глава 6	105
Глава 7	112
Глава 8	116
Глава 9	124
Глава 10	132
Глава 11	152
Глава 12	176
Глава 13	202
Глава 14	238
Глава 15	257
Глава 16	275
Глава 17	292
Глава 18	302
Глава 19	314
Глава 20	326
Глава 21	333

Глава 22	351
Глава 23	361
Эпилог	366

Макс Уэйд
Океан Разбитых Надежд

Твой голос – не пустой звук...

Плейлист

Feel something – Bea Miller

Knew Better / Forever Boy – Ariana Grande

The lakes (original version) – Taylor Swift

Lost at Sea – Rob Grant, Lana Del Rey

SLOW DANCING IN THE DARK – Joji

Everything I wanted – Billie Eilish

Question...? – Taylor Swift

I miss you, I'm sorry – Gracie Abrams

Swept Up – Kaatii

Hope ur ok – Olivia Rodrigo

Пролог

«Иногда человек должен быть глупцом в начале, чтобы стать мудрым в конце»

Ирвинг Стоун, «Жажда жизни»

Люк, 2021

Осенний вечер незаметно прокрадывается в квартиру через приоткрытое окно. Прохладный ветер начинает мерить шагами небольшую прихожую, как будто это он тут хозяин. Да, пора тёплых свитеров и шерстяных носков всегда наступает здесь быстро и почти нагло. Не успеваешь моргнуть, как она уже прогнала лето и собралась вломиться в дом. Но кто мы такие, чтобы состязаться с ней? В такие дни только и остаётся повыше натянуть воротник и спрятать руки в карманах.

Стоя перед зеркалом, я потуже затягиваю пояс на пальто и на всякий случай беру с собой перчатки. Послушно дождавшись меня у двери, чемодан радостно гремит колёсиками в лифтовом холле, пока я качу его за собой.

Стоит мне выйти на улицу, как солнце тут же ныряет за тучу. Ветер хлещет в лицо, раскидывая по сторонам отросшие до плеч кудри. Вообще-то я никогда не планировал от-

пускать волосы. Они у меня вьющиеся, и я думал, что будет слишком сложно за ними ухаживать. И я был прав – мне приходится изрядно помучаться перед тем, как уложить их, зато какой бывает результат! Друзья из университета говорили, что мне давно было пора сменить имидж. Что ж, я рискнул – и не прогадал.

Откуда близкие знают, как будет лучше? И почему мы прислушиваемся к ним так редко?

Пятая авеню сегодня в ударе. Куда ни посмотришь, всюду народ. Неужели людям не сидится дома в такой холод? Я медленно перехожу улицу, любуясь потускневшими аллеями Центрального парка, и направляюсь прямо к припаркованному такси. Серые тучи отражаются в окнах небоскрёбов. Я задерживаю на них взгляд, и... Не то чтобы мне не нравилось в Нью-Йорке, просто этот город точно не для меня. Я с детства жил рядом с цветущим садом и рекой, среди широких британских полей, и смена провинции на мегаполис, где в воздухе смог, а в небо вместо деревьев устремлены бетонные штыки, стала для меня серьёзным ударом. Идея переехать из Хантингтона в Нью-Йорк впервые возникла у Лиамы, и ему удалось быстро уговорить Сару. Мы оставили в Великобритании бабушку с дедушкой, но это не проблема: я всё равно навещаю их несколько раз в год, и они этому несказанно рады. Да, здесь есть огромный парк, по которому можно бродить часами, и чудесная река Гудзон, иногда льют дожди и светит солнце. Но Нью-Йорк, каким бы он ни

был, никогда не заменит мне маленький Хантингтон на севере Англии. Воспоминания о *доме* согревают меня лучше чашки чая. Наверное, даже сейчас там цветут одуванчики и дует тёплый ветер.

Молодёжи там делать нечего, но только на первый взгляд. Всё меняется, когда вы знакомитесь с Кэтрин. И жизнь делится на «до» и «после».

Пока я складываю чемодан в багажник такси, начинает моросить. Улица как по щелчку пальцев скрывается под сотней носящихся туда-сюда зонтиков. Ветер срывает с Центрального парка последние листья и уносит на юг, в сторону ближайшего Хилтона. Водосточные трубы гудят после долгого молчания. Закрыв багажник, я запрыгиваю на заднее сидение, и мы берём курс на аэропорт.

– Ну и погодка, – бормочет водитель себе под нос, когда в небе сверкает раскат.

Я и сам когда-то терпеть не мог грозу. Что может быть хорошего в том, чтобы мокнуть под дождём? Но теперь, когда я оставил свои шестнадцать далеко позади, мне хочется заново встать под ливень, прокричать всему миру, что я ничего не боюсь, и снова влюбиться в Кэтрин, как тогда, много лет назад.

Кэтрин научила меня любить грозу. Она разорвала сковывающие меня цепи страха так легко, как будто это были нитки.

До встречи с Кэтрин я видел мир вокруг себя, после –

только в ней.

Я закрываю глаза и в который раз начинаю вспоминать, с чего всё началось.

А началось всё с одной безобидной шутки...

Глава 1

Кэтрин, 2016

Я взяла фамилию своей бабушки, когда мне было не больше двух лет. В нашей семье это никогда не обсуждалось, и я считала, что так и должно быть. Меня звали по фамилии Лонг, а маму – Гофман, но мне не казалось это чем-то из ряда вон выходящим. Я просто глупо улыбалась, когда взрослые переводили взгляд с мамы на меня и обратно. Да, миссис Гофман хорошо делала вид, что всё в порядке, чтобы у девятилетней дочери не возникало вопросов. Как она любит говорить, всё сложилось «наилучшим образом», но непонятно, для кого. Сейчас мне шестнадцать, и у меня всё по-прежнему. Каждый раз, когда фотограф обращается ко мне, я почти не задумываюсь о своём отце. Об отце, которого я никогда не знала.

Я была глупой, но не настолько, чтобы думать, что его просто не существовало. Если была миссис Гофман, значит, был и мистер Гофман. И, если мама не хотела мне рассказывать о нём, я должна была сама узнать правду. Любопытства мне было не занимать, поэтому я так загорелась этой идеей, что перерыла все ящики в поисках фотографии и даже нарисовала себе бороду черным фломастером, чтобы одним глаз-

ком посмотреть на папу в отражении. Правда, мама не поддержала эту затею, так что уже через пять минут я растирала лицо мочалкой. Огонёк был потушен, но не навсегда.

Я знаю, что не навсегда.

– Мисс Лонг, улыбка! – рявкает фотограф.

Интересно, она вправду такая же, как у отца?

– Извините.

Вспышки следуют друг за другом в бешеном ритме, и мне приходится каждую секунду менять позу – но я ни разу не сбиваюсь. По крайней мере, ни разу с тех пор, как фотограф прикрикнул на меня. Когда я прижимаю локти к телу и слегка касаюсь пальцами подбородка, как он командует, очередная тень остаётся запечатлённой на белой стене за моей спиной.

Иногда кажется, что меня вечно будут заставлять перевоплощаться из волка в Красную Шапочку, ведь главная задача модели – соответствие образу при любых обстоятельствах. И всё ради какого-то портфолио, которое откроют всего раз в середине лета! В лучшем случае вся эта многочасовая попытка окажется в дальнем ящике стола, если не в мусорном ведре. Я заметила, что всё чаще задаю себе один и тот же вопрос: действительно ли это жизнь, о которой мечтала я?

Но, когда твоя мама – Вивиан Гофман, остаётся только смириться. Стоя в дверном проёме, она смотрит на меня так, будто это я подсыпала ей соль в капучино на прошлой неделе. Я старательно делаю вид, что не замечаю её, но сердце в

груди стучит предательски громко. Не важно, о чём мечтаю я – важно, о чём мечтает она.

Но теперь я сомневаюсь, что она получит за меня ещё хоть цент.

Когда фотосессия заканчивается, я молча беру у неё кофе, и мы выходим на улицу. Я наконец набираю полную грудь. По-летнему душный воздух немного обжигает лёгкие. Так бывает перед грозой, когда Хантингтон накрывает тучами. Кажется, что на город вот-вот обрушится ливень.

– Ты работала не в полную силу, – замечает мама.

Я отвечаю, не поворачиваясь:

– По крайней мере, я старалась.

– Стараться недостаточно, чтобы иметь контракт, – её тон заставляет меня напрячься. – Нужно быть лучше всех.

Мне хочется возразить, но я успеваю прикусить язык. Без толку доказывать, что я и так лучше всех, что есть и те, кто не проходил всего из-за одного жалкого критерия, и бла-бла-бла. Да, всё закончится именно этим глупым *бла-бла-бла*, заменившим бы маме весь ответ. Ведь пока я не свожу всех с ума, как Мэрилин Монро, мне есть, к чему стремиться.

Мы подходим к припаркованному белому автомобилю BMW. Я открываю дверь – здесь застоялся аромата лимона и лайма, – и, оставив недопитый кофе в подстаканнике, запрыгиваю на заднее сидение. Мама садится следом и поворачивает ключ зажигания.

Пятиминутная поездка до дома кажется вечностью. Всю

дорогу мама нервно барабанит пальцами по рулю, как будто пытается нащупать какую-то невидимую кнопку. Её злобный взгляд, который я случайно ловлю в зеркале, заставляет меня вжаться в кресло. Я нервно сглатываю. Мы обе знаем, что я у неё на мушке.

– Почему ты просто не можешь сделать то, что тебе говорят? – выстреливает она.

Потому что даже так ты найдёшь, к чему придраться.

Сидя в школьном кафетерии, я рассматриваю пену в чашке с остывшим кофе и пытаюсь собраться с мыслями. Я почти не притронулась к салату, только перебрала вилкой кусочки помидора. Сейчас мне больше всего хочется забраться под одеяло и проспать следующие несколько дней. Идя в школу, я и не подозревала, что учителя решат сговориться и устроить мне целых три контрольные подряд. И всё бы ничего, если бы это не были контрольные по математике, экономике и – барабанная дробь! – физике. В старшей школе Хантингтона огромное внимание уделяется точным наукам – как раз таким, в которых я полный ноль. Видимо, администрация просекла это и решила выжать из меня все соки, когда большинство учеников ушло на каникулы ещё вчера.

На контрольных я показала себя не с лучшей стороны, но уж точно не ударила лицом в грязь. Без искрящихся розеток на практической по физике не обошлось, зато я почти на «отлично» справилась с тестом. Да и задач по математике с

экономикой я решила с запасом, так что беспокоиться не о чем. Наверное.

Я всё-таки заставляю себя сделать пару глотков кофе, чтобы хотя бы доползти до дома после уроков. Кофе горький и совсем не такой, какой мама покупает мне после фотосессии, но всё же лучше, чем ничего.

– Привет, – Морис ставит свой поднос рядом с моим и перешагивает через скамью. – Надеюсь, ты не заждалась?

– Тебя можно ждать целую вечность, но так и не дожидаться, – с шуточным укором говорю я и немного отодвигаюсь.

– Я решил исправиться.

– В последний учебный день?

Ехидно улыбнувшись, Морис отвечает:

– Лучше поздно, чем никогда.

Кто знает, Морис, кто знает.

– Бетти задержится ещё на пару минут, математик никак не может оставить её в покое. Надеюсь, наша мисс Пунктуальность не сильно разозлится? – он надувает губы и смотрит на меня щенячьим взглядом.

– Брось! Нет, конечно.

Морис победно улыбается и приступает к своему ланчу. Хотелось бы мне сейчас оказаться на месте этого свежего, всегда бодрого парня, которому достаточно съесть всего один сэндвич, чтобы весь день быть в хорошем настроении. Даже сейчас он широко улыбается, как будто я рассказала какую-то хорошую шутку. Глядя на его взъерошенные тёмные

волосы и небрежно заправленную рубашку, и сам невольно засмеёшься.

– Как продвигаются твои дела? – осторожно спрашивает он.

Я лишь обессилено вздыхаю.

– Понятно, – он поджимает губы. Моё уставшее выражение лица сказало всё за меня. – Ну, а контрольные-то ты все сдала?

– Это был тот ещё квест, – признаюсь я.

– Почему не вышла и не написала нам с Бетти? Мы бы помогли, ты же знаешь.

Я пожимаю плечами.

– Наверное, привыкла не искать лёгких путей.

– Или просто оставила телефон дома? – поддевает меня

Морис.

– Не в этот раз!

Я легко толкаю его в плечо, и мы негромко смеёмся. Ни один, даже самый крепкий кофе не бодрит меня так, как Морис.

– Ты поешь немного, – резко сменив тон на серьёзный, он придвигает мне мой же салат. – Давай, день будет долгим.

Я фыркаю, но решаю не возражать, хотя и планирую провести весь день в кровати. Наколов на вилку несколько ломтиков огурца, я отправляю их в рот. Морис сминает упаковку от сэндвича и выбрасывает её в ближайшую мусорку.

– Слушай, Кэт, – говорит он, вернувшись за стол. – Мы

с Бетти хотим закатить вечеринку у меня в честь окончания учебного года, как ты на это смотришь?

– Как на изощрённый способ самоубийства, если честно, – я ставлю пустую миску на поднос и допиваю остывший кофе. – Ты не считаешь, что ещё рано для вечеринок?

Только Морис успевает открыть рот, как из неоткуда у нашего стола появляется Бет.

– Привет! – радостно вскрикивает она. Я снимаю сумку с колен и встаю, чтобы обняться. От Бет веет мятной жвачкой. – Ну что, Морис уже позвал тебя?

Даже будь я за десять метров от неё, я не могла бы не разглядеть искры в её глазах. Да она вся светится! Пригладив волосы, Бет садится рядом с Морисом и, шепнув ему тихое «привет», вопросительно смотрит на меня. Мне знаком этот взгляд. Так смотрят на зануду, который бесконечно обламывает весь кайф. А для Бет жизненно необходимо веселиться двадцать четыре часа в сутки.

Иногда мне кажется, что она работает от батареек.

Помедлив, я отвечаю:

– Да, позвал, но я ещё не решила, пойду или нет. Видишь ли, у меня фотосессия завтра утром, и я...

– Не надо оправдываться! – прерывает меня Бет. – Если люди идут в бар в пятницу, их почему-то совершенно не беспокоит то, что будет в субботу.

– Бетти дело говорит, – соглашается Морис.

– Когда ты в последний раз выходила из дома? – продол-

жает она.

– Правильнее будет спросить, когда я в последний раз там была.

Бет закатывает глаза.

– Мне осталось доработать совсем чуть-чуть, – продолжаю я. – Завтрашняя фотосессия будет последней, понимаешь?

– Вообще-то нет. Либо ты говорила так же месяц назад, либо у меня дежавю. Так кто из нас врёт?

– Я...

– Вот именно. Хватит мучить саму себя. Один вечер, проведённый с друзьями, тебе не повредит.

– Ну, не вредничай, Кэт, – встречает Морис. Я смотрю на него круглыми глазами – я-то думала, что на этот раз он будет на моей стороне! – Ты же знаешь, у меня обычно весело.

– Это точно. Наверное, твои соседи прячут голову под подушку, чтобы уснуть.

– Ага, – кивает он.

– И какая муха тебя укусила... – качает головой Бет, глядя на меня. – Смотри, на урок не опоздай.

Я испуганно проверяю время на экране телефона, пока Морис тихо смеётся. До меня слишком поздно доходит, что ребятам снова удалось меня подловить. До конца перемены ещё целых пять минут.

– В общем, можешь подумать до шести, – говорит Морис. – Или приходи раньше, если тебе вдруг вздумается. Две-

ри моего дома для тебя всегда открыты.

Как и для остальных учеников нашей школы, мысленно добавляю я. Сколько бы я ни проходила мимо, там всегда много людей. Вообще-то мне не привыкать к большим компаниям, вот только я совсем не знаю своих сверстников – и поэтому мне вряд ли удастся повеселиться. А портить радостную картину своей кислой миной мне не хочется.

– Я подумаю, – отвечаю я и добавляю: – Спасибо за приглашение.

Иногда на съёмках я пытаюсь прыгнуть выше головы, чтобы выиграть несколько выходных. Правда, когда фотограф замечает мой настрой, он обычно предлагает мне поработать ещё, и ещё, и ещё. Я собственноручно загоняю себя в ловушку, но лишь для того, чтобы после всего этого кошмара как следует оторваться в компании скучной, как выражается Морис, книжки, или мягкой подушки.

После занятий я выхожу на улицу и радуюсь, что утренние тучи уплыли за горизонт, а над головой светит солнце. Частые дожди здесь не редкость, да и снег в мае никогда не бывает в диковинку. Конец же этой весны ознаменован по-настоящему летней погодой. Ребята помладше, все красные, гоняют мяч по школьному двору, с полей веет зеленью, а на небе не облачка. Я замедляю шаг и позволяю ветру самому вести меня по озарённым счастливыми лицами дорогам Хантингтона.

Свежий воздух – вот моя батарейка. Мне достаточно побыть на улице несколько минут, чтобы прийти в себя после учебного дня или затянувшихся фотосессий.

Стоя на крыльце и ища в сумке ключи, я снова делаю глубокий вдох, чтобы насладиться запахом лета. Он похож на веселье, вафельный рожок, только скошенную траву и ещё на много что. Он зовёт меня остаться. Наверное, если бы какой-нибудь парфюмер решил создать духи с ароматом лета, они бы стали моими любимыми.

«Маленькая тусовка ещё никому не вредила», – напеваю я, уверенно шагая в гардеробную. Ферги, звучащая в моих наушниках, точно знает, что мне нужно. Я уже еле сдерживаюсь, чтобы не затанцевать.

У мамы как раз должно найтись что-нибудь подходящее. В её гардеробе платьев на любой вкус и цвет: от прогулочного белого до тёмного вечернего. Толкнув тяжёлую дверцу шкафа, я словно приоткрываю настоящий сундук с сокровищами. Как только на глаза попадает нежно-голубое платье, я легко дёргаю его за край и влюбляюсь в белое кружево подола окончательно и бесповоротно.

Часы обещают мне ещё немного времени, поэтому я решаю принять душ и немного накраситься. Сложив платье у себя в комнате, я иду в ванную, а затем и завиваю волосы. Уже через час на мне блестят бриллиантовые серёжки, а над глазами порхают чёрные ниточки ресниц. Я аккуратно разглаживаю последние складки на платье и выдвигаюсь в путь.

Мама не против моего общения с Морисом, даже наоборот – она видит в парне потенциал. Если его семье далась жизнь в пригороде Йорка, требующая сотни и сотни фунтов, значит, с ним я точно не пропаду. Ни для кого не секрет, сколько денег Морис спускает по выходным. Мне, конечно, не приходится мечтать о таких суммах, и я ни в коем случае ему не завидую. Но мой выбор в пользу *другого* всё равно кажется маме глупым.

Как и всё, что я делаю.

Она была бы рада узнать, что сейчас я собираюсь именно к Морису. Наверное, ей пришлось бы отменить все свои планы, лишь бы увидеть это своими глазами. «Вы красиво смотрите вместе», – сказала однажды она, когда заметила нас вместе выходящими из школы. Вообще-то с нами была ещё и Бет, но мама отмахнулась от моего замечания, как от надоедливой мухи. «Вы чудесная пара, Кэтрин», – продолжила она, но я-то знала, что она могла точно так же сказать своим новеньким туфлям. Красота, конечно, спасёт мир, но разве это главное? Морис высокий, одежда сидит на нём, как на модели, и я почти согласна, что у него хорошее чувство юмора. Он ещё и богатый в придачу. Со всем этим не поспоришь.

Но этого недостаточно.

А что для тебя достаточно?

Я ловлю собственный испуганный взгляд в зеркале и застываю.

Не знаю. Билли Акерсу виднее.

Натянув на пороге новенькие кеды, я оглядываю дом. Телевизор молчит, кондиционер отключён, и лишь где-то в кухне слышится негромкое гудение холодильника. Щёлкнув выключателем, я выхожу на улицу, прямо в маленький зелёный сквер перед крыльцом – и оказываюсь на свободе. Тёплый вечер опускается на черепичные крыши Хантингтона, окрашивая их в ярко-оранжевый. Над Ривер Фосс – протекающей неподалёку речушкой – разливается стрекот цикад.

Ну здравствуй, мир!

Моё платье развеивается на ветру, волосы подпрыгивают над плечами, и, кажется, я не хочу выходить из этого образа – свободной шестнадцатилетней англичанки, идущей навстречу приключениям, прямо как героиня какого-нибудь романа. Каждая встреча с Морисом – настоящее приключение, это уж точно. Он привык держать дверь открытой, поэтому по выходным весь крошечный Хантингтон стоит на ушах.

Хотя иногда кажется, что веселье совсем не подходит этому городу. На нашей маленькой набережной всегда тихо, и мне нравится проводить там время, глядя в воду и о чём-нибудь думая. Когда стрелка оставляет позади девятый час, на улицах уже никого не встретить. Разве что в небольшом соборе, который находится в центре, весной, перед Пасхой, в это время всё ещё проходят молебны. Рядом с ним всегда царит умиротворение. Если прислушаться, то и сейчас мож-

но услышать спокойное, почти убаюкивающее пение хора. Мне кажется, что проводить службы в таких местах – настоящая честь для любого священника. А наслаждаться чудным пением хора – удовольствие для прихожан.

Но мой родной городок, правда, и рядом не стоял с Йорком. Вот, кто по-настоящему славится своими церквушками. Если посмотреть на этот город с высоты, можно подумать, что он выстроен из золота. Сотни куполов украшают его улицы вот уже тысячи лет. Но вишенкой на торте является именно Кафедральный собор – невзрачный издалека, но величественный вблизи. Вы когда-нибудь чувствовали себя крошечным?

Неспешная ходьба, запах реки и рокотание стрекоз хорошо очищает голову от ненужных мыслей, поэтому, когда за углом появляется белый коттедж Мориса, я бесстрашно иду прямо к крыльцу. Похоже, выпивать начали задолго до моего прихода, потому что повсюду уже валяются жестяные банки и стаканчики. Гостеприимство Мориса всегда его подводило.

Дверь распахивается раньше, чем я успеваю постучаться. Меня обдаёт волной музыки и смеха.

– Кэтрин, ты всё-таки пришла! – вскрикивает Бет. – Я так рада тебя видеть! Прекрасно выглядишь!

Я почти не узнаю её голос в этом балагане. Разговоры смешались в гул, пробки от бутылок со свистом разлетаются по сторонам, а из-за топота дрожат стены. За спиной Бет людей

не меньше, чем на стадионах Манчестера во время матчей.

– Спасибо, – сдержанно отвечаю я.

– Пойдём, всё уже началось!

– Так вы не выделили мне свободную комнату? – подшучиваю я. – Ну вот, а я уже принесла с собой подушку.

Бет усмехается. Накручивая на палец блестящие волосы и лопая надутой жвачкой, она говорит:

– Не будь такой наивной. Мы и не собирались.

Ну, разумеется. Это же Бет, второй после Мориса самый отвязный человек во всей Великобритании. Видимо, чтобы я точно не передумала веселиться, Бет хватает меня за руку и ведёт в гостиную.

– Только не отпускаяй, – предупреждает она. – В такой толпе легко потеряться.

– Вы что, позвали всю школу?

– Обещаешь не падать в обморок, если я скажу «да»?

– М-м-может быть, – нерешительно отвечаю я.

– Да, всю среднюю школу.

– Морис что, раздаёт здесь бесплатное пиво?

– Не обязательно раздавать бесплатное пиво, чтобы иметь много друзей, – хохочет Бет. – Кстати, у Мориса есть джин-тоник и виски. Тебе взять что-нибудь? Я вот не против пропустить бокал-другой.

– Нет, спасибо, – тихо говорю я. – Ты уверена, что это хорошая идея?

– Конечно! Да и что может произойти?

Я борюсь с желанием напомнить Бет, что на её счету несколько пьяных драк, два вдребезги разбитых смартфона и отравление, наступившее в самый неподходящий момент.

– Ничего, забудь.

По дороге я успеваю прихватить чистый пластиковый стаканчик – они тут на вес золота! – и какую-то газировку.

Морис, держа в руках бутылку со стаканом, выглядывает из комнаты в конце коридора. Что-то мне подсказывает, что бутылка уже пуста. Бет верещит от радости и тянет меня за собой.

– О, Кэт? – спрашивает Морис, удивлённо глядя на меня. Его дыхание отравлено дешёвой выпивкой.

– Собственной персоной! – торжественно объявляет Бет.

– И сколько же ты ей заплатила?

– Ни цента, представляешь?

– Ну, раз так, тогда чего мы ждём? – Морис открывает дверь шире. – Проходите!

Я делаю вид, что не расслышала их, и прохожу в небольшую комнату. Здесь помимо нас ещё человек пять, но все они заняты своими делами. Кто-то пялится в телефон, лениво потягивая пиво, а кто-то жалуется на «предков», как будто никто их не слышит. Некоторых я знаю в лицо, поэтому мы обмениваемся скромным «привет». Когда Бет приглушает музыку, мы втроём и ещё некоторые ребята рассаживаемся по краям шерстяного коврика. Журнальный столик завален коробками из-под пиццы, поэтому я ставлю свой стакан-

чик с газировкой прямо на пол.

– Итак, ребятки, сегодня играем в «Бутылочку», – запекает Морис.

Один парень посвистывает, и, судя по всему, очень некстати. Девушка рядом с ним недовольно фыркает и отворачивается. Смех сыпется со всех сторон. От стыда хочется закрыть лицо руками, и, чтобы хотя бы немного отвлечься, я открываю свою газировку. Все эти игры точно не для меня.

– Эй, чего такая грустная? – Бет легко толкает меня в бок, замечая, что я отсаживаюсь.

– Не бери в голову, – отмахиваюсь я. – Просто не в настроении, вот и всё, – язык заплетается, пока я вытягиваю из себя слова. Я тянусь к своему стаканчику и делаю несколько глотков.

– Можем попросить Мориса сыграть в другую игру, хочешь? – предлагает Бет.

– Нет-нет, что ты!

Актриса из меня хуже некуда. Я даже промолчу насчёт невольной улыбки от мысли, что неприятности обойдут меня стороной. Лишь бы не пришлось целоваться с кем-нибудь! К этому я ещё не готова.

Я сама не заметила, как сжала подол своего платья.

– Всё в порядке? – настороженно спрашивает Бет.

– В полном, – вру я.

Бет поднимается на ноги.

– Морис, давай сыграем в другую игру? – начинает она,

нахмутив брови. – Мне не хочется играть в «Бутылочку».

– Бет, не стоит! – я поднимаюсь за ней, чуть не опрокидывая газировку.

– Что ж, – Морис покачивается из стороны в сторону, – давайте в «Правду или действие»?

Бет сияет и плюхается назад на ковёр. Остальным уже всё равно, во что играть. Все медленно расходятся по дому. Кто-то засыпает на диване в гостиной, так и не дождавшись начала настоящего, по их мнению, веселья, кто-то продолжает рубиться в видеоигры, а кто-то лежит в пьяном полуобмороке в нескольких метрах от нас.

– Ну, – хмыкает парень. – Я смотрю, мы сегодня в ударе. С кого начнём? – он вопросительно смотрит то на меня, то на Бет.

Никто, кроме нас, не обращает внимания на Мориса. Кажется, все тут живут своей жизнью.

– Так, Кэт, пора начинать, – останавливается на мне он. – Правда или действие?

– Правда, – без раздумий отвечаю я.

– Твой любимый исполнитель?

Ну, это настолько легко, что у меня даже поднимается настроение.

– Битлз.

Бет быстро подключается к разговору:

– Правда? Я их обожаю!

Мне приятно, что хотя бы кто-то разделяет мои интересы.

Обычно их разделяет только отражение в зеркале. Поэтому, невысоко подняв свой стаканчик, я произношу тост:

– За встречу верных фанатов!

Подруга смеётся, и мы чокаемся. Морису не понять некоторых вещей, но это и не обязательно. Он бы точно поддержал разговор, если бы речь зашла о тяжёлом роке. Уверена, в этом ему нет равных.

– Так, Бетти, правда или действие? – спрашивает он.

– Правда.

Морис, довольнo улыбаясь, спрашивает:

– Ты порвала бы с парнем, если бы влюбилась в другого?

– Звучит по-детски, – говорит Бет, отхлёбывая газировку, – ну да ладно, может быть. Что насчёт тебя? – вдруг спрашивает она у меня.

Но Морис не отступает:

– Надеюсь, ты порвёшь с ним из-за меня.

Бет закатывает глаза.

– Было бы, из-за чего «рвать». – она снова поворачивается ко мне. – Ну, а ты, Кэт?

– Я выбираю действие, – неуверенно бормочу я.

– Эй, нельзя уклоняться от вопроса! Это против правил, забыла? – театральное разочарование на её лице выводит меня из себя.

– Да брось, – Морис вскидывает брови и выпучивает на меня свои пьяные глаза. – Неужели есть нечто, заставляющее Кэт молчать?

– Лучше не смотри на меня так, – предупреждаю я.

– Это просто игра, – обиженно фыркает он.

– Личная жизнь – никакая не игра, – подкальываю я парня, который меняет девушек как перчатки.

Бет кладёт руку мне на плечо.

– Мы поняли, Кэт, мы поняли, – она широко улыбается и, кажется, краснеет. – Морис, тебе придётся принять поражение.

– Даже не смей расслабляться, Кэт, тебе придётся выполнить действие, – любезно напоминает мне он.

– Дай угадаю, заставишь меня выпить три стакана виски?

Морис скрещивает руки на груди и надует губы.

– Вообще-то я непредсказуемый.

– Ты? – усмехаюсь я. – Очень смешно.

– Кэт, прекрати, – улыбается Бет.

– Он первый начал! – упираюсь я.

Подруга мягко заканчивает:

– Вы оба хороши.

– Ты должна написать письмо с признанием в любви любому парню из детского дома, – говорит вдруг Морис, и я давлюсь газировкой.

Билли Акерс не будет в восторге от этой идеи – это первая мысль, проскользнувшая в моей голове.

– Нет уж, – отрезаю я.

– Тогда выпей три стакана виски, – Бет пихает меня в бок и смеётся. – Выпьешь, и будь по-твоему. Да и смелости при-

бавится.

Смелости у меня не прибавится, а вот проблем – точно.

– Спасибо, не буду, – робею я. – Вы уверены, что не хотите дать мне другое задание?

– С тобой неинтересно играть, – вздыхает Морис, – кажется, мы зря позвали тебя на вечеринку, – он точно знает, как на меня подействовать.

– Я и не просилась. Вы сами предложили мне составить вам компанию, забыли?

– Остынь, он шутит, это просто игра.

– Чувства других – не игра.

Наверное, я так уверена в этом, потому что игрались с моими. Я знаю, каково это, когда обдаривают обещаниями, а потом отбирают всё в одно мгновение. Я знаю, каково это – быть зажжённой, как спичка, а затем резко потушенной.

– Если ты не хочешь, то можешь не писать, – пожимает плечами Морис. Я внимательно смотрю на него и гадаю, к чему он клонит. – Вообще-то я считаю, что Бетти права насчёт того, что это безобидно. Ты же не в постель к кому-то прыгаешь!

– Фу, – морщусь я.

– Никто не заставляет тебя влюбляться. Просто посмейся. Если ты, конечно, умеешь, – многозначительно заканчивает Морис.

– Вы бы сами выполнили такое задание? – я перевожу взгляд с него на Бет и назад, ожидая ответа. – Ну?

– Ты знаешь, – говорит Морис.

– Серьёзно?

Ребята одновременно кивают. Я снова злюсь – и на них, и на себя.

– Хорошо, – нехотя соглашаюсь я.

– Тогда тебе придётся приступить прямо здесь.

– Зачем?

– Чтобы мы убедились, что ты нас не обманула, – поясняет мне Морис, как маленькому ребёнку. Я фыркаю и поднимаюсь с колен.

– Горю желанием обвести вас вокруг пальца.

Было бы неплохо подложить что-то под лист, поэтому я осматриваюсь в поисках чего-нибудь подходящего. Я подхожу к журнальному столику, на котором лежит коробка с остывшей пиццей, и, убедившись, что она никому не нужна, возвращаюсь на своё место вместе с ней. Оставшиеся кусочки мы с ребятами делим между собой.

– Мы серьёзно, Кэт, – напоминает мне Морис. – Если не хочешь пить виски, тебе придётся выполнить задание.

– Я соглашаюсь только потому, что на завтрашней фотосессии мне нужно быть трезвой, – отвечаю я, запивая пиццу газировкой. – У вас классные закуски!

– Ещё бы, – оживает Морис. – Так, когда ты приступишь к написанию письма?

Моя попытка сменить тему не увенчалась успехом.

– Ну, раз у меня нет выбора, то сейчас, – отвечаю я.

Бет достаёт из небольшого шкафа несколько листов и ручку.

– Кого-то выбрала? – интересуется она.

Я бы с радостью написала письмо Билли Акерсу, но, к моему сожалению, ребята уже в курсе наших отношений. Скорее всего, придётся писать Люку Грину. Он кажется мне беспрюирышным вариантом: с ним мы не раз пересекались в старшей школе, и ложь о моей влюблённости хотя бы отдалённо будет напоминать правду. Что до реакции Билли, то я легко смогу убедить его в том, что всё это не более чем шутка.

Поставив на колени коробку из-под пиццы, я беру у Бет лист и начинаю писать.

*«Дорогой Люк,
Пишет тебе Кэтрин Лонг.*

Перед тем, как ты начнёшь читать, я хочу сказать, что ты очень смелый. Будь я на твоём месте, я бы никогда не распечатывала это письмо. Люк, я безмерно виновата перед тобой, но и держать в себе переживания я тоже не могу. Я очень надеюсь, что ты правильно поймёшь меня. Спасибо.

Примерно в шестом классе я начала замечать за собой странные вещи. Например, однажды, стоя около школьного крыльца, я любовалась твоей хитрой улыбкой, которая иногда украшала твоё унылое лицо. О чём ты тогда думал? О том, что снова сбежал с урока незамеченным? Я ещё тогда

представляла, как тебе влетит от мистера Симпсона на следующий день, потому что мы собирались проходить какую-то очень сложную тему. Но ты оказался хитрее и сказал моей бабушке, что заболел. Я хорошо запомнила этот случай. Я хорошо запомнила твою хитрую улыбку.

Помнишь, как ты засмотрелся на меня и споткнулся на занятии физкультуры? Я тоже смотрела на тебя. Помнишь, как ты единственный смеялся с моих шуток, хоть в них не было ничего особенного? Я тоже смеялась – с тобой за компанию. Я могу перечислить ещё сотню таких же «помнишь», но тогда забуду сказать о главном, поэтому... просто позволь мне сделать это. Ты влюблял меня, Люк, своей редкой улыбкой. Той, которая не была ни для кого предназначена, но всегда попадалась мне на глаза...»

В реальности же всё наоборот. Я ни разу не замечала улыбки на лице Люка, о которой только что написала. И на то наверняка были свои причины, ведь Люк всю жизнь рос в детском доме. Я громко стучала высокими каблучками, когда проходила по школьному коридору, и, пока все парни любовались моими длинными ногами, Люк куда-то пропал. На занятиях физкультуры мы и вовсе не пересекались.

Я кладу ручку рядом и перечитываю письмо. Пробежавшись глазами по предложениям, состоящим из грязной лжи, я вздыхаю и сминаю лист.

– Что за дела? – негодует Морис.

– Мне нужно собраться, – монотонно произношу я.

Когда «письмо» превращается в маленький неаккуратный комочек, я бросаю его в мусорное ведро. Я сосредоточенно смотрю на новый чистый лист перед собой и, делав глубокий вдох, начинаю выводить слова.

*«Дорогой Люк,
Пишет тебе Кэтрин Лонг.*

Когда мама советует мне разложить мысли по полочкам, я всегда смеюсь – потому что невозможно отделить одну мысль от другой, когда они касаются тебя. Этот клубок просто не распутывается! Поэтому я начну с того, что посчитаю нужным. С того, что мне больше всего нравится в тебе.

Мне нравится слушать тебя ещё со времён младших классов. Помню, как ты рассказывал какую-то историю своему соседу по парте, наверное, думая, что никто не обращает на тебя внимания. Но это было не так. Я не могла перестать слушать тебя. Ты с таким восторгом описывал всё, что помнил, как будто снова и снова переживал это наяву...»

Я неуверенно ставлю точку.

– Ну, что там? – Бет наклоняется ко мне.

Люк никогда не говорил в школе. Он молчал и на уроках, и на переменах. Я никогда не слышала его.

Я бросаю ручку и, вздыхая, провожу ладонью по мокрому лбу. Морис с Бет дали мне слишком сложное задание – не только солгать человеку, но и постараться разгадать его. Разгадать его настоящего, чтобы письмо выглядело правдоподобно.

– Я так не могу, здесь слишком шумно, – оправдываюсь я. – Можно я закончу дома?

– Хорошо, как скажешь, – соглашается Морис, помедлив. – Но обещай, что передашь письмо парню. И помни – это всего лишь игра.

– Я помню. И да, завтра же опущу его в почтовый ящик.

– Ты так скоро уезжаешь из Хантингтона? – удивляется Бет. – Мы же совсем не успели повеселиться!

– Мне срочно нужен отдых за городом, – смеюсь я. – Да и у бабушки завал на работе, а этим летом я обещала ей помогать.

– Очень жаль, – Бет опускает голову. – Надеюсь, мы скоро увидимся.

Подруга поднимается на ноги и встаёт рядом в ожидании, что я сделаю то же самое. Мы тепло обнимаемся.

– Тоже на это надеюсь.

– Спасибо, что пришла, – повторяет она. – Прошу тебя, отдохни летом, ты вся на нервах.

– Нет проблем. Уверена, мы ещё не раз встретимся. У Мориса, например, – шучу я.

– А я тебя звал? – встревает он.

– Куда ты без Кэт, – Бет отстраняется и поднимает газировку с пола. – За нас!

Мы в последний раз смеёмся, провожая учебный год, и, махнув ребятам на прощание, я выхожу на улицу.

Я перешагиваю порог своего дома в половину восьмого, пока мама ещё на работе. Сейчас здесь только я и бешеный стук сердца. Только я и ложь, которую я принесла с собой. Я переодеваюсь в пижаму, смываю макияж, наливаю кружку чая и иду в свою комнату. Положив перед собой лист с ручкой, я сразу же сажусь за письмо.

*«Дорогой Люк,
Пишет тебе Кэтрин Лонг.*

Чёрт возьми, я больше не могу молчать – так и знай. Я больше не могу отмахиваться от собственных фантазий. Я больше не могу смотреть на тебя и при этом ровно дышать. Я больше не могу сдерживать себя. Твоё молчание заставляет меня говорить, твоя быстрая походка заставляет меня бежать за тобой, а в томном взгляде искать ответы на вопросы. Твой загадочный вид выдёргивает меня из образа, который я тщательно оттачиваю каждый день. Я хочу разгадать тебя. Я жажду знать, почему ты действуешь на меня подобным образом...»

Хочешь солгать – скажи долю правды, а остальное доду-

май. Так я и поступаю. В этом мире не осталось ничего святого, раз правду мы теперь выдаём за ложь. Поставив последнюю точку, я отбрасываю исписанный лист в сторону и даю себе обещание, что обязательно закончу позже.

Я осторожно-осторожно делаю несколько глотков зелёного чая, и кипяток обжигает язык. Мята всегда меня успокаивает, напоминая об одном далёком Рождестве. Тогда я была в третьем классе. На зимних каникулах я, как и обычно, осталась в детском доме у бабушки на несколько дней. Всё было украшено сверкающими гирляндами, повсюду шуршала мишура, а подарочные коробки были на каждом шагу. Под Рождество самые добрые люди Йоркшира отправляют туда горы подарков. Обёрточная бумага шелестела так громко, что не все дети слышали тихий перезвон колокольчиков Хью – поварихи лет шестидесяти, которая до сих пор работает в детском доме. Эта милая старушка приглашала нас за праздничный стол, где нас ждал чай с листьями мяты, пудинги и бесконечно долгие, но очень интересные истории из её жизни.

Я медленно перемещаюсь в гостиную. Включив телевизор, я начинаю листать канал за каналом, но мне даже посмотреть нечего. В тишине раздаются щелчки пульта. Шестнадцать – это когда тебе уже не интересно смотреть американские ситкомы, но и к чему-то более взрослому переходить не хочется. Это возраст, когда ты уже не смеёшься с нелепых шуток из любимого шоу и не дрожишь от страха от «Скуби-Ду». Интересно, что смотрит Люк? Да и смотрит ли

он телевизор вообще?

«Дорогой Люк,

Во всём мире только звезда загадочнее тебя. Ты, прямо как она, бороздишь в окутывающей тебя темноте, освещаешь путь и не нуждаешься в свете других. Тебя можно разгадывать днями, месяцами, годами, но так никогда и не узнать, что скрывается за твоим таинственным светом. Его светлые лучи падали на меня последние несколько дней и заставили широко раскрыть глаза. Ты заставил меня прозреть, и теперь я так хочу знать, почему это произошло.

Девушки – создания с необычайным количеством интересующих их вещей. Наверное, я могу поздравить тебя: ты полностью интересуешь меня. Я разрываюсь на части, когда дело касается выбора, о чём бы мне спросить тебя. В моей голове зреют тысячи вопросов одновременно, представляешь? И, наверное, первым и самым желанным станет твой голос. Бархатный и чистый, быть может, хриплый и срывающийся – мне всё равно. Меня дико интересует твой голос, каким бы он ни оказался. Меня интересует голос, который никто никогда не слышал. Какой он? Мне бы хотелось, чтобы ты говорил со мной, будь ты в хорошем или плохом настроении. Длинная фраза или одно слово, любой твой вздох, Люк, – мне необходимо слышать тебя рядом. Ты можешь поговорить со мной?..»

Я отчаянно пытаюсь представить его голос, но у меня ничего не выходит. Сколько бы я ни вспоминала, я не могу услышать его в голове так же отчётливо, как голос Мориса или Билли, например. Единственное, в чём я не сомневаюсь, так это в том, что он вовсе не такой уверенный, как у остальных. Только так могут говорить люди, у которых нет друзей. Если они, конечно, не молчат всю жизнь.

Внутри всё сжимается, когда я это осознаю. Каждое написанное слово для меня как удар лезвием по сердцу – моему и Люка одновременно. И, когда их становится всё больше, я даже представить не могу, какую боль они причинят нам обоим.

«Дорогой Люк,

Твои прикосновения – это чудо. Твои ладони грубые и черствые, а может, мягкие и приятные. Кожа на них сухая, а может, похожа на шёлк. Другие боятся прикасаться к тебе. С тобой не здороваются за руку. Иногда даже не пересекаются.

Но это не про меня. Я представляю наше первое прикосновение, и моя ладонь вспыхивает таким пламенем, что можно было бы осветить весь Хантингтон. Да что там, огоньки были бы видны даже из самой отдалённой части Йорка. Твои руки пускай и черствые, зато они наверняка теплее солнца. Наверное, одно твое касание, Люк, способно зажечь меня...»

Глава 2

Последняя фотосессия осталась позади, а это значит, что моё портфолио будет готово со дня на день. Что ж, режим ожидания включён. Протягивая мне кофе, мама впервые улыбается от уха до уха. Пока мы вместе идём к выходу, мне даже начинает казаться, что она вот-вот похвалит меня.

– Думаешь, тебе продлят контракт?

И на что я надеялась?

– Может быть, – отвечаю я.

Но на самом деле мне просто хочется поскорее покончить с чередой испытаний вроде сегодняшней фотосессии. Если контракт не продлят, мама будет всё лето таскать меня по Хантингтону, чтобы «обеспечить достойное будущее». Я уже достаточно глубоко пустила корни в моделинге, чтобы рыпаться, и, если мне откажут, я буду вынуждена всюду носить-ся за мамой, как хвостик.

Меня никогда не тянуло к моде. Я была готова носить дешёвый, но удобный сарафанчик, ходить в кедах круглый год и не тратить два часа на макияж. Зато у меня получалось хорошо ходить на каблуках. Вообще я считаю, что в жизни нет такого дела, которому нельзя обучиться. Если я буду заниматься достаточно усердно, то в один прекрасный день разгадаю тайну числа «пи» или встану на самые высокие в мире

каблуки. Но к делу обязательно должна лежать душа.

И я солгу, если скажу, что не понаслышке знаю об этом.

Хлопающий по спине рюкзак подгоняет меня к остановке, и с каждым шагом ощущение наступающего лета усиливается. Тёплый ветер приносит из булочной запах свежего хлеба, перед которым невозможно устоять; вдоль дороги розовеют пышные кусты; даже колокола сегодня бьют как-то особенно легко. Мне как будто снова шесть, и мне не важно, где я: в кипящем туристами центре Йорка или на окраине безлюдного Хантингтона. Главное – не наступать на щели! Правда, я всё же нарушаю это негласное правило, когда забегаю в пекарню за маленькой булочкой с корицей.

Теперь каждое моё лето начинается с жужжания молнии, пробежки до остановки и долгожданной встречи с бабушкой. Но так было не всегда. Когда-то меня бросало в дрожь от одной мысли, что мне придётся провести три месяца с ребятами, которые постоянно то ссорятся, то мирятся, то устраивают вечеринки каждые выходные, то не выходят из комнат – в основном в сезоны дождей. Мне всегда казалось, что бабушкины воспитанники на своей волне. Но, когда я немного пожила с ними под одной крышей, я поняла: всех, даже самых разных, объединяет одно.

Они все здесь не по своей вине.

Вот, например, восьмилетняя Луиза попала в приют совсем крохой. Русоволосая девочка, обожающая плюшевые

игрушки и толстые энциклопедии, стала кляксой на семейном портрете. Я никогда не интересовалась её родителями, но знала, что им было куда приятнее развлекаться с деньгами, чем с маленькой, к тому же «незапланированной» дочерью. Вот, что бывает, когда человек появляется не в то время и не в том месте. Плюшевый мишка – её единственное напоминание о прошлой жизни.

Но разве это была *жизнь*?

Джейкоб попал сюда после несчастного случая. Его родители погибли в автокатастрофе под Йорком восемь лет назад. В тот день снег валил стеной, а колёса автомобиля чудом не сходили с трассы. Но чудо, как ему и полагается, было недолгим. Кроме оглушающего металлического скрежета, предсмертных хрипов и сирен спасательных служб Джейкоб не помнит оттуда, наверное, ничего. Единственным напоминанием о родителях ему служит прямоугольное зеркало в ванной, откуда на него смотрят два лица из одного. Джейкоб постоянно отшучивается, когда ему задают вопросы насчёт прошлого. Так юмор и стал частью его характера – он стал пластырем, под которым скрывается шрам.

Ростом он едва дотягивает до моего подбородка, постоянно красит волосы в ярко-рыжий, из-за чего больше похож на осенний лист. Его настоящий цвет схож с моим – оттенок горького шоколада. Сейчас его карие глаза горят жизнью, и Джейкобу никогда не сидится на месте. Этот карлик носится по всему корпусу, то подкалывая парней, то дёргая дево-

чек за косички. Во всём этом мало приятного, но... он всего лишь ребёнок. Конечно, ничего плохого в свои тринадцать Джейкоб натворить не сможет, в отличие от Билли.

Лин в детский дом тоже сдали маленькой. Покорительница социальных сетей родилась с пороком сердца, который поставил точку в браке её родителей, но лишь запятую в сердце моей бабушки. Скоро Лин исполняется пятнадцать.

Но я совсем не интересовалась Люком. Я не знаю, чем он любит заниматься, с кем общается, как раз-таки не знаю ничего, кроме имени.

Как только я выхожу из автобуса, передо мной вырастают высокие, состоящие из переплетённых прутьев ворота, за которыми виднеется главный корпус. Над забором колышутся нависшие кроны, под которыми мы с ребятами в своё время прятались и от солнца, и от ливней. С тех пор фруктовый сад успел перерасти в настоящий парк, и теперь после каждого порыва ветра я слышу, как маленькие, ещё не созревшие яблочки падают на землю. Душистый аромат лилий обволакивает меня с ног до головы, стоит только сделать шаг. Он впитывается в кожу, одежду, распущенные волосы. Окружённые холмами долины отсюда виднеются как на ладони и завораживают своим простором. Никакого транспорта, никаких фотосессий. Собор остаётся совсем далеко, и талантливый хора, исполняющего молебны, как и колокольного звона, тут не услышишь. Одно только журчание близкой речушки Ри-

вер Фосс, мелодичный стрекот цикад и шелест листьев.

Даже во дворе детского дома всё так же пусто. На небольшой парковке стоит всего две машины, на одной из которых, красной, бабушка разъезжает по Хантингтону на выходных. Эта старенькая, выцветшая, но всё ещё красивая крошка грохочет так, что любой гонщик ей позавидует. А вот вторую машину, на фоне которой бабушкин драндулет прибавляет в возрасте лет так тридцать, я вижу здесь впервые. Из опущенного окна доносятся что-то активно обсуждающие взрослые голоса.

Не обращая внимания на гостей, я решительно иду к почтовому ящику. Скинув рюкзак со спины, я шмыгаю рукой под молнию. Долго искать конверт не приходится: я специально положила его сверху. Письмо летит в почтовый ящик и уже через секунду глухо приземляется на дно.

Несмотря на жару, мои коленки дрожат. В последний раз глубоко вдохнув, я решительно направляюсь к крыльцу. Тонкая извилистая дорожка ведёт меня к главному входу, где меня уже ждёт широко улыбающаяся бабушка. Она одета в серую юбку с белой блузкой, а на плечах лежит прозрачная накидка бордового цвета. Её маленьких голубых глаз почти не разглядеть за толстыми линзами очков, но одно я знаю точно – в них нет осуждения, которое есть во взгляде мамы. Бабушка принимает меня любой: на каблуках или в кедах, в комбинезоне или в платье, с пухлыми щеками и без них. Наверное, это любовь.

Пока я иду, из машины выходит мужчина средних лет. Его белоснежная рубашка идеально выглажена, а пуговицы застёгнуты все до единой; серый пиджак перекинут через левую руку; классические туфли местами покрыты уличной пылью, но она несколько не портит их вид – даже наоборот, делает его более естественным. Седые виски выдают возраст, но лицо остаётся подтянутым. Бабушка в растерянности смотрит то на гостя, то на меня. Я замедляю шаг и дружелюбно ей улыбаюсь. Бабушка, приняв мой одобряющий жест, подходит к гостю и тепло с ним обнимается. Вскоре из машины выходит и женщина – одетая так же стильно, как и её спутник. Я смотрю на них, не скрывая интереса.

– Добрый день! – говорю я, остановившись рядом.

Бабушка наклоняется и чмокает меня в обе щеки.

– Привет, дорогая! Мистер и миссис Кларк, знакомьтесь, это моя внучка, Кэтрин, – она приобнимает меня за плечи и прижимает к себе, как маленькую. – Она помогает мне здесь летом. Милая девочка, не правда ли? Это она в маму. Кэтрин, знакомься, это мистер и миссис Кларк, они помогают нам материально.

Я бросаю взгляд на заднее сидение их машины, заставленное картонными коробками.

– Очень приятно, – скромно отзывается миссис Кларк, протягивая мне руку. Я протягиваю руку ей в ответ. – Сара. Это Лиам, мой муж и самый щедрый человек, которого я знаю, – с гордостью заявляет она, и я не могу не улыбнуться.

– Здравствуйте, – говорю я.

– Вот и славно, – бабушка отпускает меня и поправляет накидку, – Кэтрин, поднимайся к себе, я подойду через минутку, – заканчивает она.

Усеянная мелкими камешками грунтовая тропинка ведёт меня сквозь раскалённый воздух. Чем ближе я подхожу к корпусу, тем отчётливее слышу уже знакомый смех Джейкоба, бормотание Луиса и бесконечные перепалки Луизы и Зои. Забавно, как всё здесь предсказуемо – как будто история, начатая однажды, никогда не заканчивается. Но сейчас, после долгой дороги и... сами знаете, чего, я точно не готова нырнуть в неё с головой, хоть и давно этого ждала. Но я обязательно сделаю это. Может, вечером, когда у меня появится немного сил?

Джейкоб готов болтать без умолку с утра до вечера. Как только он подходит ко мне «перекинуться парой фраз», я моментально – и без особого удовольствия – забываю об обеде и ужине.

Зато лучший друг Джейкоба, восемнадцатилетний Луис, – его полная противоположность. Он едва заметит меня, даже если я встану в центр комнаты и начну сверлить его взглядом. Луису нравится делать вид, что он постоянно занят делами чуть ли не мирового масштаба, и всегда удивлялась, как Джейкобу удалось стать для него кем-то значимым.

Бесшумно поднявшись по задней лестнице, я иду по кори-

дору и останавливаюсь напротив своей комнаты. Стоит мне только толкнуть дверь, как отовсюду начинают подниматься хлопья пыли, как будто здесь сто лет не убирались. Хотя, наверное, так и есть: после того, как эта комната досталась мне, здесь никто не живёт. Поставив сумку на кровать, я иду к окну и широко распахиваю створки. Свежий летний воздух вдыхает новую жизнь в этот Богом забытый уголок. Раскрыв рюкзак, я раскладываю одежду в небольшом шкафу у двери, затем выкатываю из-под письменного стола тумбочку и ставлю бутылку газированной воды.

Я начала ночевать тут несколько лет назад, когда Луиза и Зои переехали в соседнюю комнату. Раньше бабушка самостоятельно присматривала за девочками, и поэтому выбирала для них комнату поближе к её кабинету. Здесь до сих пор стоит вторая кровать, предназначенная для Зои, над которой висит её фотография с Луизой, а на нижней полке шкафа всё ещё ютятся потрёпанные куклы. В отличие от Луизы, Зои любит, когда у неё много игрушек.

Я оставляю туфли, в которых приехала с фотосессии, при входе и снимаю с себя комбинезон. Если солнце продолжит жарить так же, как утром, то долго в этой штуке я просто не протяну. Я решаю переодеться в нежно-голубое платье и кеды, которые прихватила с собой в последний момент. Осторожно просунув руки через рукава, я завязываю на талии тканевый ремешок и ныряю ногами в обувь. Затем, взяв с собой бутылку воды и связку ключей, которую бабушка до-

верила мне ещё в прошлом году, я выхожу в тёмный коридор.

Тут всё так же ни души. Лишь отголоски разговоров долетают откуда-то снизу и часы под потолком тихо-тихо отбивают секунды.

Всё это совсем не похоже на суматоху, которая творится у меня дома, в Хантингтоне. Мама постоянно таскает меня по спортивным центрам, рассказывает о диетах, затем СНОВА таскает по центрам и СНОВА рассказывает о диетах – другими словами, она идёт на всё, чтобы агентство, с которым у нас сейчас заключён договор, продлило его. Для мамы я всегда была кем-то вроде Барби, за которую хорошо платили.

Найдя нужный ключ из связки, я открываю бабушкин кабинет. Он с годами не меняется: старые шкафы с книгами в потрепанных обложках всё так же закрывают стены, массивный стол как обычно завален стопками бумаг и папок, а зелёное кожаное кресло всё такое же большое и глубокое. И, на удивление, такое же скрипучее, поэтому я присаживаюсь в него так осторожно, как это только возможно. Стена у двери – или то место, в которое просто не поместился очередной шкаф – вся завешена старыми фотографиями в узорчатых деревянных рамках.

С одной из них на меня смотрит маленький русоволосый Билли, держащий в руках пару наливных яблок. Трудно поверить, что из милого мальчика он превратился в ходячий шкаф с огромным носом, больше похожим на клюв, и толстыми губами, с которых всегда слетают пошлые шут-

ки. Природа наделила его грязным умом, широкой спиной и кулаками. Крупный, мускулистый и сексуальный... девочки из средней школы готовы его боготворить. Акерс не из тех, кто обрабатывает селфи, отбеливая зубы или накладывая рельефный пресс. У него всё это имеется и без фотошопа. А как он говорит! Когда у парней его возраста ещё толком не сломался голос, Билли басит так, будто всю жизнь выступал в операх. На этом, правда, его отличия себя исчерпывают. «Тебе и целого мира будет мало», – кричат мне все в один голос, когда узнают, что я не питаю к Билли особой симпатии.

Но минусы Акерса почему-то играют ему на руку.

Мои пальцы начинают нервно стучать по подлокотникам кресла. Эту привычку я переняла у мамы.

Три коротких удара по двери раздаются так неожиданно, что я подпрыгиваю на месте, а в груди что-то обрывается. На секунду я даже подумала, что за дверью никто иной, как сам Билли. Я точно увидела, как он ногой выламывает дверь, с яростью выдёргивает меня из кресла и швыряет в сторону. В ушах раздаётся пронзительный звон, тяжёлые книги с грохотом падают с полок, поднимая в воздух непроглядную пыльную тучу. Внутри всё сжимается, острые кости впиваются в лёгкие, и я больше не могу дышать. Моя шея, щёки, лоб – всё в миг покрывается потом, и лицо бледнеет, будто бы я только что умылась ледяной водой.

Но это лишь мимолётный страх – или отличная завязка

нового романа Стивена Кинга, как знать. Будь это Акерс, одного удара было бы достаточно, чтобы проломить хлипкую дверь. И всё же что-то не даёт мне быть полностью уверенной в том, что за дверью не он. Пока я уязвима, мне будет страшно – до головокружения, до потери сознания. Тяжёлым трудом мне удаётся развеять ужасные картины перед глазами и сосредоточиться на глухом размеренном стуке. Я встаю на ноги и тихо, почти на носочках подхожу к двери. Дрожащей рукой берусь за ручку, а потом нерешительно нажимаю на неё и тяну дверь на себя. Скрип пронзает тишину.

Мне не спрятаться.

Он высокий, намного выше меня. Рядом с ним я чувствую себя не больше куклы. Приходится поднять голову, чтобы посмотреть ему в глаза. И тут я замечаю в них... что-то не то. Как будто в глубине зрачков застыла... печаль? Восхищение? А может, всё сразу? Мне хочется знать, угадала ли я, но надолго меня не хватает. Растерявшись, я начинаю смотреть по сторонам, как будто пытаюсь смахнуть пыль с мебели одним взглядом.

Потому что я в его глазах – произведение искусства. И это меня смущает.

– Э-э-э, привет?

– Здравствуйте, мисс Лонг, – вступает Люк, словно скрипка. – А миссис Лонг у себя?

– Вообще-то нет. Но ты можешь подождать её здесь, если

у тебя что-то важное.

Он вскидывает брови от удивления, но заходить не торопится.

– Бабушка внизу, но она скоро подойдёт, – говорю я, чтобы прервать неловкое молчание.

– Понятно, – Люк поджимает губы. – Тогда я лучше найду потом, мисс Лонг.

Он разворачивается и скрывается во тьме коридора раньше, чем я успеваю ответить. Хотя, мне и ответить-то нечего. Всё, на что я сейчас способна, это сказать, где я и как меня зовут – и то с трудом! «Меня зовут Кэтрин, меня зовут Кэтрин», – зачем-то повторяю я про себя до тех пор, пока не осознаю, как глупо выгляжу со стороны. Похлопав себя по щекам, я выглядываю из кабинета, но Люк как сквозь землю провалился.

Может, мне всё это привиделось?

– Зови меня Кэтрин, – почти разочарованно говорю я.

– Хорошо, Кэтрин, – отчётливо отвечает мне силуэт в конце коридора, и я вздрагиваю от неожиданности. Скрепя половицами, Люк медленно возвращается ко мне. – Я не видел, как вы приехали.

– Никто не видел, – смеюсь я, открывая дверь шире. Не верится, что я правда чуть не решила, что он – всего лишь галлюцинация. – И ты первый, кто узнал об этом. Так всё же, зачем ты пришёл?

– Хотел взять книгу у миссис Лонг.

- Что же ты сразу не сказал? – я закатываю глаза. – Я до-
стану тебе любую, какую ты хочешь?
- Что-нибудь от Николаса Спаркса.
- Любишь романтику? – интересуюсь я.
- Да, а вы?
- Ну, – я беру из тумбочки маленькую связку ключей и
подхожу к закрытым полкам. Люк мнётся в дверном про-
ёме. – Не знаю, никогда не читала ничего подобного. А вот
Агату Кристи перечитала почти всю, представляешь?
- Здорово, – сухо отвечает он.
- Открыв шкаф, я начинаю штудировать полку за полкой в
поисках Спаркса.
- Кажется, нашла, – я бросаю на Люка взгляд через плечо.
Он вытягивает шею, как лебедь.
- Там есть «Спешите любить»?
- Да, – осторожно взявшись за корешок, я тяну на себя
нужную книгу. – Что-то ещё?
- Нет, спасибо.
- Тогда приятного чтения, – скромно улыбаясь, я протя-
гиваю Люку его книгу. Я не могу не заметить, как загораются
его тёмные глаза, когда он берёт её в руки.
- Спасибо, мисс Лонг. Сообщите, пожалуйста, миссис
Лонг, что я взял её книгу.
- Кэтрин, – я закрываю шкаф, – просто Кэтрин.

Иногда бабушка удивляет меня своей способностью пре-

вращать пару минут в час. Она настоящий мастер долгих разговоров. Они всегда начинаются с чего-то безобидного, а заканчиваются... точнее, не заканчиваются. Бабушка теряет счёт времени, когда находит себе собеседника. Ей просто нравится делиться всем подряд. Наверное, дело в том, что она даже из маленького, совсем незначительного события может сделать приключение. Её жизнь будет понасыщеннее многих, поэтому бабушка просто не нуждается в чужих историях – ей вполне хватает своих.

Выбрав какую-то книгу, я возвращаюсь в кресло и начинаю читать под тихое гудение настольной лампы, детский смех и журчание Ривер Фосс. Из приоткрытого окна хорошо слышно, как вода старательно точит камни и почти льётся через край. Надо же, за зиму я успела отвыкнуть от голоса реки. В Хантингтоне у меня нет времени, чтобы обращать на него внимание, а здесь... здесь кажется, что Ривер Фосс всегда пытается мне что-то сказать. Может, то, что лето наконец наступило и мне стоит навестить своего старого друга? Я закрываю книгу, так ничего и не прочитав, и решаю всего одним глазком посмотреть на Ривер Фосс.

Но у Билли на меня другие планы.

Как только я выхожу в коридор, Акерс отталкивается от стены и в два шага оказывается около меня. Над его широкими плечами вьются тёмные волосы, синяя футболка обтягивает мышцы, а широко расставленные ноги говорят об уверенности – чрезмерной уверенности. Я подаюсь назад и

прислоняюсь спиной к уже захлопнувшейся двери.

– Надолго ты останешься? – спрашивает Билли, подходя всё ближе.

Я нервно поправляю платье и отвечаю:

– Ещё не в курсе, – я не узнаю собственного голоса.

– Что насчёт контракта?

– Я пока не знаю, согласятся со мной работать дальше или нет. Но, если согласятся, я буду вынуждена периодически ездить в Хантингтон.

Билли заглядывает мне в глаза, как будто пытается понять, не вру ли я. Мне хочется спросить, как я могу врать тому, кто взял мою жизнь в свои руки, но от страха не могу даже открыть рот. Когда за его спиной исчезает весь коридор, я понимаю, что, в худшем случае, не смогу даже отбежать. А если ему не понравится, что я скажу, может произойти всё что угодно.

Это чёртова русская рулетка.

Билли берёт меня за талию и притягивает к себе, чтобы... обнять?! Жжение в глазах становится невыносимым, и я почти плачу, не в силах расторгнуть объятия с настоящим дьяволом во плоти.

Прости, Ривер Фосс. Может, как-нибудь в другой раз?

– Ты чего плачешь?

– Устала с дороги, да и вообще, – хныкаю я, уткнувшись в его твёрдое плечо.

– Тебе просто нужно поспать, – Билли поднимает мой под-

бородок и смотрит прямо в глаза. – Да?

– Да.

Глава 3

За завтраком только мелькающие тут и там Луиза и Зои не дают мне уйти в свои мысли. Когда миссис Хью, наша главная повариха, исчезает на кухне, они, как ураган, проносятся через кафетерий, опустошая вазочки с домашним печеньем. Да, Хью прекрасно готовит! Кажется, впервые она испекла это печенье на Рождество две тысячи двенадцатого. Я и не замечаю, как сама тянусь к вазочке на своём столике. Пока Хью стаскивает в раковину грязную посуду, я разрешаю себе всего одно крошечное печенье. А потом ещё, и ещё. Я запиваю всё чаем и уже хочу пойти по своим делам, как мне на глаза случайно попадается... Люк.

Как ни странно, именно о нём я и думаю весь последний час. Сидя за крайним столиком, он с таким интересом читает книгу, что не слышит даже носящихся по кафетерию девочек. Рукава его рубахи закатаны до локтей, и я вижу, как его руки обмотаны нежно-голубыми венами, словно ниточками. Под лучами утреннего солнца его волосы отливают тёплым медовым оттенком. Люк так мирно сидел за столом, когда я вошла, что я умудрилась его не заметить. Зато теперь я не могу от него оторваться, как будто тайна, написанная на его лице, жаждет, чтобы я её разгадала. Но пока он остаётся для меня всё тем же незнакомцем. Тем самым неприглядным

мышонком, с которым и поговорить-то не о чем.

Проходя мимо столика Люка, я как бы невзначай спрашиваю:

– Как тебе книга?

– Очень грустная, – он даже не поднимает на меня глаза, когда перелистывает страницу. – Спасибо, что дали мне её. Хотите почитать?

– О, нет, спасибо. У меня полно дел.

– Жаль, – Люк оставляет позади ещё одну страницу. – Ну, тогда не буду отвлекать.

Пока я мою за собой посуду после завтрака, его совсем не похожий на Билли голос продолжает звучать в голове далёким, еле уловимым эхом. Я слышу Люка, словно находясь на дне океана. И, пожалуй, в его голосе действительно есть что-то завораживающее. Что-то, о чём Люк никому не рассказывает. Что-то, о чём он предпочёл бы забыть.

Старшие ребята помогают мне перенести ящики с цветами из сарая к клумбам. Они пустеют с прошлой весны: аномальная для Хантингтона жара сделала своё дело. Бутоны нежно-розовых пионов так легко покачиваются на ветру, что мне уже не терпится начать рассаживать их. Фиалки соседствуют друг с другом в маленьком ящичке, гордые астры широко раскинули лепестки... красота. Иногда мне хочется, чтобы цветы были повсюду. Когда я вдыхаю их аромат, мне кажется, что я могу взлететь.

Если это Рай, я готова остаться.

В Хантингтоне я почему-то не чувствую всего этого, хотя там и нет проблем с тем, чтобы наслаждаться природой. Стоит только выйти за двор, как из небольшого городка ты попадаешь в сказочный лес, окружённый холмами и скалами. Но только здесь я чувствую себя свободно. Здесь я вижу бескрайние зелёные луга как на ладони, особенно мне нравится наблюдать за скачущими лошадьми, которых разводят на ферме неподалёку. Когда их выводят на прогулку, под ногами дрожит земля, но это определённо того стоит.

А маме наоборот больше нравится в Хантингтоне, но дело совсем не в природе. Она обожает быть в центре внимания, а в Лондоне, где каждый третий турист, а пятый – член английской знати, это проблематично. Наш отделанный коттедж сильно контрастирует с соседними домами, и мама почему-то гордится этим. Я не понимаю, как её может радовать, что наши деньги считают все кроме нас. Да и как это вообще может кого-то радовать?

Иногда я втайне мечтаю остаться тут, у бабушки, навсегда.

Пока ребята дружно работают в саду, я выкапываю лунки и пересаживаю в них цветы. Солнце ласково гладит меня по спине, и я закрываю глаза от удовольствия. Пионы не такие пышные, как астры, и этим они мне нравятся: их очень удобно пересаживать. Пока я сажала астры, то повредила несколько стеблей из-за тяжёлых бутонов, и пара цветов оказалась в горке с сорняками. С пионами такого не проис-

ходит. Я внимательно слежу за тем, чтобы расстояние между ними оставалось одинаковым. Когда очередь доходит до фиалок, я радуюсь, как ребёнок, потому что это мои любимые цветы.

Голос Билли раздаётся за спиной как гром среди ясного неба.

– Как идёт работа, крошка?

Я сморщиваюсь, но заставляю себя ответить:

– Всё нормально, – резче, чем надо, говорю я. – Правда, всё хорошо. Уже закончила с астрами и пионами, остались только фиалки. Только посмотри, какая красота!

– Встань, – командует он.

Я вздыхаю и поднимаюсь на ноги. Идиллия, которую я так старательно создавала весь последний час, постепенно рушится.

На Билли рабочий джинсовый комбинезон, белая футболка и панاما, зачем-то натянутая на уши. С садовых перчаток сыпется грязь.

– Не хочешь передохнуть?

– Нет.

– Ты даже не обедала, – замечает он.

– Я пока не хочу.

– Уверена?

– Если бы я хотела, то обязательно пришла, – огрызаюсь я. – И вообще, разве тебе не нужно помогать остальным в саду?

Я слишком поздно осознаю, какую же большую ошибку только что совершила. Пытаться увернуться от тяжёлой ладони Билли всё равно что пытаться уплыть от акулы. Он ударяет меня резко. Метко. Так, что из головы вышибает все мысли. Я вскрикиваю и хватаюсь за щеку двумя руками.

– Пойди умойся, ты вся грязная, – ржёт он. Я медленно тру лицо, но боль не утихает. Она жгучая, как будто кожу натёрли перцем. – И придержи язык за зубами.

Тогда мы перестали бы общаться ещё позапрошлым летом.

«И чего ты добилась?», – спрашиваю я у своего отражения, стоя перед раковиной в ванной комнате. Проведя рукой по заплёванному зубной пастой зеркалу, я присматриваюсь к своему лицу и замечаю на щеке след от ладони Билли. Кроваво-красная царапина тянется от уха к самому носу. В глазах застыл страх, а слёзы из последних сил держатся за ресницы, чтобы не упасть. «Ничего ты не добилась. И не добьёшься», – злорадует голос Билли в моей голове.

Сопrotивляться нужно было сразу, как только запахло жареным. А это было очень-очень давно. Когда Билли в свои одиннадцать поклялся мне в вечной любви, я увидела в нём кого-то большего обычного мальчишки. Это было необычно, романтично, почти сказочно, и продолжалось до его двенадцатилетия, когда он, как отважный рыцарь, решил добиться моего сердца. В четырнадцать с ноготком он доказал, что

готов пойти по головам, чтобы получить то, что ему хочется. Его лицо покрывалось ссадинами не по дням, а по часам вплоть до пятнадцатого дня рождения. Тогда я сказала Билли, что не хочу встречаться, но к тому времени он уже научился не слышать никого, кроме себя. Четырёхлетний спектакль удался, браво! Мне оставалось только подыгрывать, чтобы не наживать себе врагов.

И я подыгрывала. Подыгрываю.

Даже сейчас, обливая лицо перекисью, я иду по сценарию, который Билли заранее для меня приготовил. Сейчас я закончу обрабатывать рану, вернусь в сад, широко улыбаясь, нежно поцелую Акерса и скажу, что случайно задела себя тляпкой, пока рылась в клумбе. Он, конечно же, по достоинству оценит бред, который я буду нести, и попросит меня быть аккуратнее. Наступит антракт, но ненадолго. Всё повторится с точностью до минуты.

Внезапно дверь широко распахивается, и от испуга я роняю на пол бутылочку с перекисью.

– Извините, здесь было открыто, – оправдывается Люк.

Только не это.

Я перекрываю воду, хватаю первое попавшееся полотенце и вытираю щеку. Как назло, под рукой нет даже крема, чтобы замазать царапину. На глаза попадает только зубная паста, но я понимаю, что в этом случае не смогу придумать себе достаточно правдоподобное оправдание. Бросив полотенце в корзину с грязным бельём и достав из-за раковины

половую тряпку, я торопливо прохожусь ею туда-сюда по луже под раковиной.

– Ничего, я почти закончила, – говорю я, и дверь вновь открывается.

Люк неуверенно входит в ванную, глядя на меня, как на привидение. Я поздно замечаю, что он без одежды. Точнее, на нём только штаны. Через предплечье перекинута футболка, а вокруг шеи обвязано белое махровое полотенце.

– Всё в порядке? – осторожно спрашивает он.

– В полном.

– Что за царапина?

– Тяпка, – вру я.

Щеку продолжает щипать перекисью, но я стараюсь не жмуриться.

– Будьте аккуратнее. Зовите, если понадобится помощь.

– Хорошо, – отвечаю я, подходя к двери. – Только я почти закончила. Ты не хочешь присоединиться к остальным? Мы рассаживаем фиалки и деревья.

– Вам нравятся фиалки?

– Да, – киваю я. – Так ты пойдешь?

– С радостью, только схожу в душ. Представляете, помогал Хью с готовкой, и не уследил, как убежало молоко, – Люк демонстрирует мне футболку с мокрым пятном.

Я не могу скрыть нелепой улыбки, когда представляю, как он пытит у плиты.

– В следующий раз постарайся не отвлекаться. Хью очень

это не любит, – говорю я.

Люк почёсывает затылок, и я прыскаю.

– Да, это я уже понял.

– Что ж, тогда я пойду?

– Э-э-э, ну, наверное.

Неприлично широко улыбаясь, я проскальзываю в коридор и заставляю себя закрыть дверь. Почему-то мне кажется, что, если подождать всего пару секунд, Люк обязательно скажет мне что-то вдогонку. Я уже готова ответить, как замочек за моей спиной глухо щёлкает. За закрытой дверью начинает шуметь вода.

Заклеив царапину пластырем, я возвращаюсь к рассаде и провожу остаток дня в одиночестве. Чувство чего-то упущенного преследует меня до самого заката. Я пересчитываю посаженные цветы, садовые инструменты, даже ребят, носящихся перед глазами, но всё равно не могу понять, в чём дело. Люк, кстати, тоже подключился к работе незадолго до того, как я покончила с фиалками. Абсолютно обычный день вдруг кажется мне каким-то неполноценным.

Может, из-за слов, вставших в горле комом?

Когда сад натягивает на себя покрывало тумана, я возвращаюсь в корпус и иду к бабушке сообщить, что работа выполнена. Скрипя деревянной лестницей, я поднимаюсь всё выше и вскоре вовсе исчезаю в темноте коридора. И как только бабушка не спотыкается об все эти маленькие коври-

ки около каждой комнаты? «Она проводит здесь куда больше времени», – напоминаю я себе. Найдя на ощупь дверь кабинета, я осторожно вхожу внутрь.

Бабушка перебирает книги в шкафу, смахивая с них пыль. Дверцы широко распахнуты, и в комнате уже настоялся запах древесины и тысячу раз перечитанных страниц.

– Мы закончили, – радостно говорю я.

– Да, я видела, – отвечает бабушка, не поворачиваясь. – Передай всем, что они молодцы.

– Без проблем, – я улыбаюсь от уха до уха. – Сегодня мы и вправду постарались.

– Я верю, Кэтрин, – вздыхает бабушка.

Я хочу развернуться и выйти, но что-то меня останавливает.

– Всё в порядке?

– Не совсем, – признаётся она. Я вопросительно изгибаю бровь и жду, когда она продолжит. Когда бабушка разворачивает, я замечаю на её лице следы от слёз и ужасаюсь. – Книга пропала.

– Боже...

– Кто-то шарился в моём кабинете, Кэтрин. Кто-то из *ребят*, представляешь?

– Может, ты сама взяла её и забыла?

– Что у тебя с щекой? – вдруг спрашивает она, и по спине пробегают мурашки.

– Ничего особенного.

Бабушка некоторое время смотрит на меня, пытаюсь понять, правду ли я говорю.

– Будь осторожней в саду, – мягко наказывает она.

– А какая именно книга пропала?

– «Спеши любить» Николаса Спаркса.

Точно!

– Это я взяла её, – говорю я, облегчённо выдохнув.

Бабушка выглядит обескураженной.

– Ты же только что сказала, что...

Я перебиваю её, вскидывая руки к груди:

– Люк приходил вчера попросить у тебя её, и я дала. Прости, что забыла сказать, – я вывожу ногой узоры на махровом ковре.

Неловко вышло. Я уже не в первый раз заставляю бабушку волноваться по пустякам, но этот случай настолько глупый, что мне хочется провалиться под землю. Бабушка заметно веселеет после моих слов и, закрыв шкаф, идёт к своему креслу.

– Всё в порядке. Люк часто берёт у меня романтику, – она кладёт ключи в ящик под рабочим столом.

– Правда?

– Да. Он уже перечитал все романы Даниэлы Стил, которые у меня были!

Ого. Зная, сколько их у бабушки, я не могу не удивиться, что Люк прочитал каждый из них. Никогда бы не подумала, что парень вроде него забивает свои книжные полки

до отказа. Люк всегда был каким-то незаметным, как тень – поэтому мне и казалось, что всё, что он делает, это без дела слоняется по корпусу.

– Он обычно читает в оранжерее в саду. Кстати, ей бы не помешала небольшая уборка. Не хочешь помочь Люку с этим?

Бабушкино предложение меня удивляет – и это мягко сказано. Мы с Люком хоть и давно знакомы, но я ведь совсем его не знаю. Хотя, если так посмотреть, работа с Люком не кажется такой опасной, как с Билли. Он выглядит сдержанным и закрытым – вряд ли он решит сделать мне каре бензопилой.

– А он не справится сам?

– Новые знакомства всегда полезны, Кэтрин, – отвечает бабушка. – Ты же не сможешь вечно общаться здесь с одним только Билли.

Если он захочет, то...

– Не пойми меня неправильно, но тебе следует завести друзей.

– Среди парней?

– Можешь и среди девушек. Насколько мне известно, многие хотели бы познакомиться с тобой поближе.

– Ты имеешь в виду...

– Я ничего не имею в виду. Я просто хочу, чтобы ты немного расслабилась.

– Э-э-э... ну, хорошо, – соглашаюсь я, помедлив. – Только

предупреди Люка, что я буду завтра с ним, ладно?

– Без проблем. Он хороший парень, Кэтрин.

Я перевожу взгляд на бесчисленные сувениры и побрякушки на столе и стараюсь не думать о Люке слишком много: мыслей о нём куда больше, чем мне хотелось бы. К тому же румянец, проявляющийся на моих щеках, не сулит ничего хорошего.

– Я знаю.

Я *совсем* ничего о нём не знаю.

– Уверена, вы подружитесь.

– Очень надеюсь. Ладно, может, тебе помочь с чем-то в кабинете?

Бабушка складывает локти на столе. Тот сияет от чистоты, и я заранее знаю ответ.

– Нет, спасибо. Вы и так хорошо поработали сегодня.

– Угу, – я подхожу к двери. – Тогда я буду у себя.

– Не засиживайся допоздна, Кэтрин, – бабушке не нравится, когда я ложусь позже отбоя. – Спокойной ночи.

Глава 4

Чем мне действительно нравится отдых за городом, так это тем, что я могу по-настоящему выспаться. В Хантингтоне я привыкла заводить по три-четыре будильника, чтобы не опоздать на фотосессии, но здесь я наконец-то могу забыть об этом. А забывается такое, как правило, очень быстро. Похоже, я проспала всю ночь как убитая, раз не слышала, как поднялись ребята. Обычно девочки бегут по лестнице так, что их слышно во всей округе. Вряд ли это утро было исключением – просто учебный год, обустройство клумбы и... кое-что ещё, о чём я не хочу вспоминать, действительно вымотали меня. А стрелка часов, между прочим, вот-вот перепрыгнет через одиннадцать.

Стараясь как можно дольше оставаться на позитивной ноте, я переодеваюсь из пижамы в свою обычную одежду и, потирая глаза, спускаюсь к поварихе Хью. Кажется, что я не делала этого целую вечность, хотя и провожу с ней на кухне пару часов в день каждый раз, когда приезжаю сюда. Сегодня что-то отличается, и мы с Хью обе чувствуем это. Вот только что?

Стоя у неё под боком, я всё так же внимательно слушаю её урок. Время как раз подходит к полднику, так что я решаю, что было бы неплохо немного попрактиковаться в сер-

вировке и заодно помочь в кафетерии. Вот они – знания, которые мне по-настоящему пригодятся. Может, я и не планирую работать официанткой, но от умения красиво подавать еду зависит половина успеха всего завтрака, ужина или любого другого случая, на который я собираюсь готовить.

– И запомни, – говорит Хью, поправляя свой грязный колпак. – Ножи всегда лежат справа от тарелки лезвием вверх, а вилки – слева.

Она гордо виляет пальцем в воздухе, а я держу ухо востро. Тонкостей тут пруд пруди, но и я пришла не ворон считать. По крайней мере, мне очень хочется в это верить. Почему-то вместо ножей и вилок, которые я вообще-то очень люблю путать местами, я думаю о предстоящей работе в оранжерее вместе с Люком. И именно последнее заставляет меня возвращаться к мыслям об этом каждые несколько минут. «Скоро полдник. Надо сосредоточиться! А после полдника мы пойдём в оранжерею. Скоро полдник. Надо сосредоточиться! А после...», – покручиваю я в голове, стараясь выкинуть оттуда слова об оранжерее, но они как назло засели глубже и крепче всех.

– Салфетка должна лежать под углом, всё поняла? – громко продолжает Хью, когда замечает, что моё внимание приковано к совсем другим мыслям. Мыслям о другом человеке. Мыслям о Люке.

Я киваю, даже не обращая внимания на стол. Не подумайте, что мне всё равно на эти уроки – я всё ещё считаю их доб-

рейшим жестом со стороны Хью. Но мне так сложно сконцентрироваться на каких-то салфетках, когда где-то поблизости ходит Люк.

– Вот и славно, – Хью одаривает меня скромной улыбкой, после чего довольная скрывается за многочисленными тележками.

Может, я и не лучшая ученица, но Хью всё равно нравятся эти уроки. Мало кто из ребят помогает ей, а если и помогает, то чаще всего так, как Люк вчера – то есть устраивая на кухне настоящую катастрофу.

Следуя примеру Хью, я покидаю кухню и, приняв душ, направляюсь к оранжерее. Сегодня на мне жёлтая блузка, края которой завязаны в бант, такого же яркого лимонного оттенка кеды и голубые джинсы. Я беру садовые перчатки из небольшого комода в холле и направляюсь к выходу.

Погода шепчет: солнце явно не собирается прекращать баловать нас на этой неделе. Раньше в такое время я любила ходить на Ривер Фосс. Берега представляют из себя крутые метровые склоны, заросшие камышами. Зато какие там деревья! Ни у корпуса, ни в Хантингтоне не найти настолько больших крон. Летом там постоянно снуют птицы, а осенью начинается самый красивый листопад, который только можно увидеть. В общем, место очень живописное. Правда, когда я выросла, я стала меньше времени проводить за городом: мне нужно было бегать от одной студии до другой, чтобы успеть на все запланированные фотосессии. Думаю, я

многое теряю, когда в очередной раз прохожу мимо тропинки, ведущей к Ривер Фосс. Изю дня в день я даю себе слово, что обязательно схожу на берег, но... сами знаете, дела.

Я подхожу к оранжерее и, ни о чём не задумываясь, легко толкаю дверь. Ещё с улицы я замечаю множество спускающихся с подвешенных полочек зелёных лоз, но, когда я оказываюсь внутри, то словно попадаю в сказочный лес, скрытый под стеклянным куполом. Цветы здесь большие и гордые, паутинка украшает каждый угол, а оседающая на стенах вода стекает тонкими ручьями. Муравьи бегут из-под каждого ящика, а божьих коровок так много, что кажется, что они могут поднять оранжерею в небо. Из-за того, что садовник бывает здесь только по воскресеньям, внутри очень душно. Я оставляю дверь приоткрытой и, будто замороженная, захожу вглубь.

Люк уже ждёт меня на небольшом, обитом светлой тканью в полосочку диване в центре оранжереи. Вальяжно закинув ногу на ногу и зажевав колосок, он чем-то напоминает мне лорда Генри из «Портрета Дориана Грея».

– Даже спрашивать не буду, почему ты здесь сидишь, – я смахиваю ладонью спускающуюся по лбу капельку пота.

На Люке те же мешковатые штаны, что и вчера, а футболка на этот раз белая.

Он хмыкает.

– Но вы уже спросили, – мне хочется улыбаться, когда я слышу его довольный голос.

– Так ты ответишь?

– Тут было не заперто.

– И ты готов войти в оранжерею только потому, что она *не заперта*?

– В принципе, как и вы.

Его легкомыслие заставляет меня встать в ступор. Бегая глазами по заставленной растениями оранжерее, я пытаюсь подобрать нужные слова, но с губ слетает лишь растерянное мычание.

– Температура тут перевалила за сто градусов по Фаренгейту¹, – я указываю на установленный при входе термометр.

Люк широко улыбается и, достав изо рта колосок, говорит:

– Не волнуйтесь, со мной ничего бы не случилось.

Я вовсе не волнуюсь – мне просто интересно, как ему удастся сидеть в оранжерее, когда внутри стоит такая жара. Ведь так?

– Зря ты прогуливал уроки биологии, – вздыхаю я.

– Почему это?

– Ты что, ни разу не слышал про тепловой удар?

– Может, и слышал, но не придавал особого значения, – пожимает плечами Люк.

Я ещё раз протираю лоб – вся рука уже мокрая – и подхожу к окнам, перешагивая через цветочные горшки.

Помню, как долго мы с бабушкой их выбирали. Пока она

¹ 100 градусов по шкале Фаренгейта = 37 градусов по шкале Цельсия

изучала каждый сайт, где был раздел «для дома и дачи», я составляла список всевозможных покупок. В итоге мы заказали целый ящик садовых инструментов из Манчестера и огромную партию горшков. Последнюю, кстати, привезли в тот же вечер. С тех пор бабушка ни разу не пожалела: все горшочки отлично сохранились, несмотря на дикий холод в январе и аномальную жару в прошлом году. Садовник периодически промывает маленькие, спускаясь к Ривер Фосс, и аккуратно протирает тряпками большие.

Я распахиваю створки настолько широко, насколько это возможно. Прохладный ветерок приятно обдувает шею. Сделав несколько глотков чистого воздуха, я вновь окунаюсь в духоту оранжереи. Через открытое окно задувает ветер и, бродя по кладке, подхватывает опавшие сухие листья.

– С чего начнём? – Люк встаёт с дивана и разглаживает футболку.

Я осматриваюсь и понимаю: работы много. Нужно подровнять кустики, подмести, протереть полки и полить все растения. А их тут, судя по всему, больше, чем на улице.

– Польём цветы, пока они не засохли, – решительно говорю я, пробираясь назад к диванчику. – Лейки должны быть где-то здесь.

– Они стоят за стеллажами, – опережает меня Люк.

Я округляю глаза.

– Похоже, ты тут дольше, чем я думала.

Он ведёт меня к стеллажам, заставленными ящиками с

рассадой. Совсем ещё маленькие росточки вытягиваются над рыхлой землёй.

– Я просто бываю здесь намного чаще вас.

Люк достаёт две небольших жёлтых пластмассовых лейки из-за стеллажа и протягивает мне одну:

– Смотрите-ка, лейка дополняет ваш образ, – смеётся он.

– Твой образ, – поправляю я его, – и да, я обязательно пойду с ней на следующую фотосессию, – в той же манере отвечаю я Люку.

Я вспоминаю, что мама до сих пор не позвонила. Обычно модельное агентство не задерживается с ответами. А это означает, что моё портфолио как следует просматривают.

Но помимо этого я замечаю, что сегодня Люк в приподнятом настроении. Мне нравится, что он начал разговаривать со мной намного живее, чем раньше. Обычно слова из него приходилось буквально вытягивать, а теперь он даже умудряется шутить – и довольно неплохо. Я стесняюсь в этом признаться, но мне определённо нравится.

Я не успеваю принять из его рук лейку, как он уже притягивает её назад со словами:

– Я схожу и наполню её.

– Ты спускаешься к Ривер Фосс?

Люк с прищуром смотрит на меня.

– Да, а что, разве нельзя? – медленно спрашивает он.

Даже не знаю, как правильно выразиться.

– Можно мне с тобой?

Что я творю? Иду с незнакомым парнем за рошу к речке, у которой даже нет набережной в этой части – вот что. Но почему-то мне совсем не страшно.

Я опускаю голову и начинаю оправдываться:

– Я давно не была на Ривер Фосс.

– Хорошо, – помедлив, Люк соглашается. – Тогда я возьму вторую лейку, а то одной нам не хватит.

У меня появляется лишняя секунда для того, чтобы передумать, но я почему-то не делаю этого. В голове что-то щёлкает, и теперь я могу думать только о приближающейся встрече с Ривер Фосс. В оранжерее как будто становится жарче, но я знаю: это всё моё волнение.

Когда мы с Люком, как бы странно это ни выглядело, вдвоём выходим на улицу, я наконец-то вдыхаю полной грудью. Воздух горячий и насыщенный, но он всё равно на порядок прохладнее, чем внутри. Я даже позволяю себе немного опередить Люка, чтобы первой ловить свежий ветерок.

Так мы и выходим на берег, обогнув пару кочек и оставив позади высокие заросли. Над водой кружат чёрные мушки, где-то в цветах жужжат пчёлки, а под небом щебечут птицы. Но мы по-настоящему понимаем, что пришли, только когда журчание Ривер Фосс начинает растворять наши тихие шаги. Сладкий запах хочется вдыхать снова и снова. Солнце припекает, но поднимающаяся от Ривер Фосс прохлада приятно оседает на разгоряченной коже.

Передав мне одну лейку, Люк осторожно спускается к во-

де. Наверное, ещё не привыкнув к гостям, река выкатывает небольшую волну и задевает штанину Люка, как только он встаёт на один из небольших камней.

– Как водичка? – смеюсь я.

– Прохладная, – бурчит Люк.

– Уверена, тебе показалось!

В Ривер Фосс можно купаться уже в середине июня: река неглубокая и прогревается меньше чем за пару дней. Я помню, как мы с ребятами часто ходили сюда поплескаться, пока луна не сменяла солнце. Вспоминаю запах поджаренного на костре зефира, резвящихся рыбок, вспоминаю игру на гитаре под открытым небом... красота, одним словом.

– Летом здесь хорошо, – тоскливо продолжаю я. – Жаль, что теперь я редко прихожу сюда.

– Ну, – смеётся Люк. – Сегодня нам предстоит ещё не раз спуститься сюда.

– Это точно, – мечтательно отвечаю я.

Мимо меня проносится пчёлка, дребезжа тонкими крыльшками, и садится на самую наливную ягоду смородины, какая только растёт на кустике неподалёку. Где-то в чаще беспорядочно квакают лягушки, прыгая с пенёк на пенёк, но их несурзные мелодии прерывает пение соловья. Птицы поднимаются над деревьями и, шумно порхая, спускаются к реке, чтобы напиться. Устраиваясь на камнях около Люка, они вытягивают шеи и поочерёдно делают несколько маленьких глотков.

Я засматриваюсь на кружащих над камышами стрекоз и... наслаждаюсь. Впервые за год мне так хорошо. Время как будто замедляется, и я понимаю, что жизнь состоит не только из бесконечных фотосессий, уроков, фотосессий, уроков... Даже не верится, что все эти кувшинки постоянно цветут, что облака плывут по небу, что Люк... тоже есть. Я не могу не гадать, о чём он думает, когда замечаю в воде, среди отражающихся в ней облаков, его серьёзное лицо. Почему он свёл брови? Почему не поправляет растрёпанные волосы?

Вдруг Люк бросает на меня короткий взгляд, и я чувствую себя пойманной с поличным. Торопливо отойдя назад, я начинаю искать, за что бы зацепиться взглядом, но, как нарочно, ничего не нахожу. Люк медленно поднимается на ноги и поворачивается ко мне.

– Я набрал воды, – он протягивает мне полную лейку и забирает пустую. Всё происходит так быстро, что я даже не сразу обращаю внимание на непонятно откуда взявшуюся тяжесть в руках.

– Ну что, за работу? – спрашивает Люк, когда набирает вторую лейку.

Я лишь растерянно киваю и разворачиваюсь к тропинке. Я снова иду впереди, но слышу, что Люк меня догоняет. Попытка ускориться оборачивается трагедией для моих джинсов, потому что вода в лейке, оказывается, тоже может быть мокрой. Облив себе все бёдра, я встаю посреди зарослей и...

– Давай сюда, – Люк осторожно берёт мою лейку в сво-

бодную руку. – Всё хорошо? Ты не перегрелась?

– Я в порядке, – отвечаю я. – Правда. Просто немного по-торопилась. Тебе не тяжело нести сразу две лейки?

– Сейчас руки отвалятся.

– Давай я тебе помогу.

Я уже берусь за одну из ручек, как Люк вдруг с хитрой улыбкой говорит:

– Да я пошутил, – я смотрю на него вытаращенными глазами. – Давай я лучше буду таскать лейки, а ты открывать мне дверь, хорошо?

– Да, – соглашаюсь я, всё ещё поражённая его... добротой? – Ты прав, давай.

Мы заходим в оранжерею и оставляем лейки около диванчика, а затем плюхаемся на него, поднимая вверх тучи пыли. Я несколько раз громко чихаю и, краснея, извиняюсь. С улицы задувает ветерок, разгоняя застоявшийся жаркий воздух внутри оранжереи, но этого всё равно ничтожно мало. Тепло, исходящее от Люка, обжигает мою кожу, но я не тороплюсь отсаживаться. Вместо этого я продолжаю убеждать себя, что во всём виновато беспрестанно палящее солнце, даже когда догадываюсь, что дело не в этом.

Я поднимаю голову и начинаю рассматривать спускающиеся с потолка лозы. Одна, две, три... сколько их здесь? Наверное, из них уже можно сплести сотню зелёных косичек.

Что за бред? Я снова смотрю на Люка, пытающегося отдышаться, и понимаю: пока он рядом, я могу думать только

о нём. Зачем он помог мне? К чему *такая* забота – одновременно озадачивающая и растапливающая сердце?

– Я возьмусь за папоротники, а ты полей фикусы, – отдышавшись, говорит Люк и встаёт с дивана.

Я заставляю себя посмотреть на горшки с фикусами на небольшом деревянном столике.

– А тебе не кажется, что моя лейка для этого слишком большая?

– Тогда сейчас найдём поменьше, – Люк отходит к стеллажу с инвентарём и достаёт оттуда маленькую лейку. – Как тебе эта?

Я откидываюсь на диване и пытаюсь понять, не шутит ли он.

– Она больше похожа на игрушечную.

Люк соглашается:

– Да. Кажется, это лейка Зои.

– Девочки тоже занимаются оранжереей?

– Было дело. Миссис Лонг даже похвалила их.

– Ну да, – я встаю с дивана и отряхиваюсь от пыли. – Оранжерея сияет от чистоты.

Люк усмехается:

– Они ещё дети, мисс... – запинается он. – Кэтрин. Мы быстро наведём тут порядок. Так, мы приступим?

Я беру у Люка игрушечную лейку, и он помогает мне наполнить её водой из настоящей.

– За тобой фикусы, помнишь? – напоминает мне Люк.

– Обижаешь.

Люк хмыкает, и мы расходимся в разные стороны. Но и это никак не мешает мне наблюдать за тем, как он работает. Я неосознанно, но в то же время специально поливаю растения больше, чем нужно, чтобы чаще возвращаться к диванчику за водой и сталкиваться с Люком.

– Ещё воды? – удивлённо спрашивает он, подходя ко мне.

– Земля совсем сухая, – оправдываюсь я.

Люк достаёт с полки ржавую тяпку и протягивает мне.

– Тогда возьми это.

– Э-э-э... спасибо.

Закончив с моей лейкой, он тут же возвращается к своим папоротникам, и я решаю последовать его примеру. Прихватив с собой ножницы, я начинаю ровнять небольшой куст роз, чтобы уж точно отвлечься от Люка – хотя бы на время. Обрезая торчащие стебли, я ловко сметаю их в совок вместе с сухими листьями и выношу на улицу, где я ещё вчера оставила горку сорняков.

Похорошевший сад сразу радует глаз, когда я выхожу из оранжереи. Луис с Джейкобом посадили целых три яблони, Луиза с Зои прибрались в своей песочнице, а девочки постарше, как и я, привели в порядок оставшиеся клумбы. Цветы как будто просят, чтобы их кто-нибудь нарисовал, а созревающие плоды – чтобы их наконец сорвали. Чем глубже я прохожу, тем больше полянки покрываются ягодами. А может, взять корзинку и пойти собирать всё, что попадётся.

ся на пути? А потом сесть в дальней беседке и вспомнить все-все разговоры, случайно оставленные на скамейке перед ужином, и закончить их?

– Ты скоро?

Я оборачиваюсь и вижу выходящего из оранжереи Люка, подёргивающего за мокрую от пота футболку.

– Да, сейчас.

Я высыпаю листья в горку сорняков и возвращаюсь к Люку.

– Здесь очень красиво, – наконец произносит он. – Неудивительно, что ты засмотрелась.

– Правда?

– Что? – недоумевает Люк.

– Неудивительно, что я засмотрелась? – цитирую я.

Я не претендую на звание человека-настроения, но мне всё же интересно, почему Люк посчитал моё поведение таким предсказуемым.

– Кажется, ты любишь природу, – замечает он.

Я улыбаюсь и вновь оглядываю сад. Люк очень внимательный.

– Да, – киваю я. – И мне кажется, что невозможно её не любить. Она всегда столько даёт нам, а мы... безжалостно уничтожает её. Я считаю своим долгом помочь ей.

– Ого, это... похвально, — Люк потирает подбородок, и я не могу не улыбнуться. – Правда, складывается ощущение, что ты вызубрила отрывок из учебника... по биологии, на-

пример. Признайся, долго репетировала?

– Эй, – я удивлена, как ловко он меня подловил. – Просто я уже не в первый раз объясняю это.

Люк стоит со мной ещё несколько секунд, не произнося ни слова, а затем скрывается в оранжерее. Я вдыхаю запах недалёкой речки, цветущих фиалок, после чего решаю присоединиться к парню. Когда я захожу в оранжерею, то застаю его в самом центре.

– Кто будет заниматься полками? – Люк встал около диванчика и смотрит вверх, задрал голову.

Солнечные лучи бьют ему прямо в лицо, но он даже не жмурится. Я замечаю странный блеск в его глазах.

– Тот, кто выше ростом, – отвечаю я.

Люк вздыхает.

– Тогда мне придётся позаимствовать у тебя маленькую лейку.

Почему-то я представляю, как он поднимает над головой большую, а затем обливается холодной водой с головы до ног. Проглотив нелепый смешок, я протягиваю Люку свою лейку.

– Что смешного? – театрально хмурится он.

– Ничего, – просто случайные мысли заставляют меня улыбаться во весь рот. Да что со мной такое?

Когда вода заканчивается, мы решаем снова спуститься к Ривер Фосс. Чтобы никому не было тяжело (и чтобы больше

ничьи джинсы не пострадали), я предлагаю набирать по одной лейке, и Люк соглашается. Взяв пустую лейку, он выходит из оранжереи и зачем-то придерживает для меня дверь. Проямлив «спасибо», я обгоняю его в надежде, что мой рукавец остался незамеченным, но, похоже, зря.

Потому что его всё-таки замечает Билли Акерс.

Прислонившись к стене корпуса, он ждёт, когда я наконец соизволю обратить на него внимание. Его скрещенные на груди руки после работы в саду кажутся больше, а взгляд – куда более диким. Я останавливаюсь – и очень не вовремя, потому что Люк врывается мне прямо в спину. Приняв это за сигнал, Акерс отталкивается от стены и подходит ко мне, злобно косясь на Люка.

– Куда собралась?

– Набрать воды, – отвечаю я, показывая на пустую лейку в руках Люка.

– Пусть он один идёт и набирает, – цедит Билли сквозь зубы, а затем топает ногой так, что земля уходит из-под ног. Я виновато смотрю на Люка и пытаюсь понять, слышит ли он, как громко колотится моё сердце. – Слышал, Люк? Иди-иди.

Не произнося ни слова, Люк сглатывает, перекладывает лейку в другую ладонь и скрывается за высокой травой, обернувшись всего раз – пока Акерс отходит назад к стене, чтобы поговорить со мной.

– Подойди сюда, – командует Билли.

Я, как послушная девочка, встаю рядом и, опустив голову, жду, когда он продолжит.

Или начнёт.

Капелька пота начинает мучительно медленно спускаться по шее, но у меня не получается даже смахнуть её из-за дрожащих пальцев. И когда только руки успели так заледенеть? И почему голова вдруг кружится, как после карусели?

– Ты обещала не возиться с парнями.

– Я помню, Билли.

– Я помню, Билли! Только не трогай меня, я всё расскажу тебе сейчас же! – дразнит он меня писклявым голоском. Я могла бы обидеться, если бы не одно «но» – я хотела сказать именно это.

– Я всё объясню! – ком в горле мешает говорить.

Лицо Билли искажает настоящий гнев. Я только и успеваю моргнуть перед тем, как его ладони внезапно толкают меня назад к стене. Я непроизвольно сгибаюсь от боли, пронзившей все до единого позвонка. Билли одной левой подхватывает меня за бантик от блузки, а затем дёргает к себе так, что ткань чуть не расходится по швам.

– Я жду объяснений. Ты вертишься вокруг него как собачка уже третий день, – рычит он.

– Но б-бабушка сказала мне, – я заикаюсь, пока Билли смотрит на меня своим устрашающим взглядом, – она сказала, что м-мне нужно, что мне необходимы новые знакомства.

– Мне на-пле-вать. Мне наплевать! Ты не должна общать-

ся с кем-то, кроме меня.

– Но я и не хотела, – мотаю я головой. – У меня даже мыслей не было!

– Если так хочешь обрести новых друзей, то попробуй поговорить с Луизой или Зои, – хохочет он, и я зажмуриваюсь. Сердце сейчас выпрыгнет из груди, а из глаз вот-вот брызнут слёзы. – Уверен, ты с ними на одном уровне.

Жёлтая лейка с водой взлетает вверх и ударяется торцом прямо о затылок Акерса. Парень громко кричит, отпрыгивая назад и хватаясь за голову двумя руками, и я скатываюсь по стене, продолжая содрогаться от страха. Его крик, его ужасный крик заставляет меня закрыть уши.

– Кэтрин, – Люк в два шага оказывается около меня. – Ты в порядке?

Он опускается на корточки и суетливо осматривает моё лицо и руки. Я не могу пошевелиться от шока. Сердце раз за разом разбивается в груди. Люк берёт меня под локти и осторожно поднимает на ноги – я вся трясусь. Осторожно перекинув одну мою руку через шею, он ведёт меня к крыльцу.

– Пошли, тебе нужно отдохнуть.

Акерс всё ещё корчится от боли. Его рубашка облита водой, с головы бегут ручьи, а лицо перекошено от злости. Я стараюсь не смотреть на Билли, но глаза снова и снова возвращаются к нему в ожидании... ответа.

– Ты об этом пожалеешь, шлюха! – выкрикивает он мне вслед. – Вы оба пожалеете!

Люк замечает бегущие по моим щекам слёзы быстрее, чем я.

– Не слушай его, – он отпускает мой локоть и прикасается к лицу, чтобы вытереть слезу, но я громко вскрикиваю. Люк одёргивает руку. – Извини, извини.

Стоит нам переступить через порог детского дома, как я, бормоча что-то себе под нос (наверное, как всегда подыскивая оправдание), вырываюсь из его объятий и бегу куда глаза глядят.

Ненавижу, когда меня касаются. Каждое касание оборачивается жестокой пыткой, как будто кто-то медленно, словно изучая, сколько я протяну, вонзает мне под кожу иголки. И этот *кто-то* не кто иной, как Билли – громкий, дикий и ужасно страшный.

Я пулей залетаю в ванную, даже не проверяя, занята ли она, и захлопываю за собой дверь. Когда щёлкает замок – я точно знаю, что он должен щёлкнуть! – бегу к раковине и, хватаясь за её скользкие края, как за спасательный круг, начинаю плакать навзрыд. Слёзы льются настоящим водопадом, приземляясь на дно раковины одна за другой.

Я сажусь на холодный пол и обхватываю колени руками. Кажется, что эта ванная – единственное место в мире, где меня не тронут. Всё, что мне остаётся, это мечтать, чтобы оно оставалось таковым как можно дольше. И поэтому я закрываю глаза и представляю, что сейчас эта ванная где угодно, но только не в детском доме под Хантингтоном. Может,

в Йорке, Лондоне или где подальше, но только не здесь. Но что-то мешает! Перед глазами всплывают картины, как Билли снова притягивает меня к себе, заглядывает в глаза и кричит, пока я дрожу, как осиновый лист. В ушах всё ещё стоит его ор. Слёзы впитываются в джинсы, те насквозь промокают, но мне уже всё равно.

– Кэтрин, – точно по иронии судьбы за дверью слышится голос Люка. В тишине раздаётся стук перед тем, как он снова спрашивает: – Он бил тебя?

«Нет, дурачок, он бил *тебя?*», – хочется спросить мне, но в горле стоит ком. Я растираю по лицу слёзы – кожа нестерпимо горит! – и заставляю себя подняться на ноги. Подойдя на цыпочках к двери и прислонившись к ней ухо, я надеюсь услышать Люка вновь и убедиться, что я не сошла с ума.

– Кэтрин? – нервно повторяет он, и почему-то это заставляет меня улыбнуться.

– Я здесь, – почти шёпотом говорю я. В голове вертится столько мыслей, что я не знаю, как будет правильное ответить. Иногда мне кажется, что проще промолчать. – Спасибо.

У меня больше нет сил, чтобы что-то добавить. Из всего, что я могла бы сказать, я выбрала самое важное – благодарность. Возможно, последнюю перед тем, как Билли сотрёт меня в порошок – или сотрёт нас с Люком в порошок.

Он выглядел таким униженным, когда Люк замахнулся на него полной лейкой. Интересно, Билли почувствовал ту

боль, которую причиняет мне каждое лето?

Глава 5

И всё же от того, что Билли больно, собственные раны не заживали. Наоборот, тревога внутри росла, прямо как какой-то сорняк. Я выбрасывала из головы мысль о том, что Акерс будет мстить, но она всё возникала и возникала, пугала меня всё больше и больше. Мне оставалось только ждать, но, зная Билли и его больную фантазию, я была уверена: месть будет неожиданной и изощрённой. В конце концов я сдалась.

Как и всегда.

Я не знаю, сколько просидела в ванной – час или десять, секунду или всю жизнь. Поднимая глаза на своё отражение, я уже готовилась увидеть на голове седые волосы, морщины на лбу и у уголков глаз. Но вместо этого передо мной предстала совершенно обычная я – с покрасневшей от слёз кожей, дёргающимся веком и дрожащими губами. Хоть солнце и давно зашло, судя по единственной полоске света под дверью, которая еле-еле освещала ванную, я не могла ошибаться: я действительно выглядела так. «Совершенно обычная», – фыркнула я.

И тут я просыпаюсь от входящего вызова.

Телефон раздражающе жужжит на рабочем столе, как будто пытаюсь добраться до края и спрыгнуть. Я накрываю лицо

подушкой и притворяюсь перед самой собой, что не слышу его, но сна как назло ни в одном глазу. Да и сна вроде того, который приснился, мне, если честно, совсем не хочется видеть. Но вот незадача: это был не сон. Спина ноет, потому что я сидела сгорбленная на полу в ванной битый час, лицо жжёт, потому что я, даже добравшись до кровати прошлым вечером, долго плакала. Люк, Билли, месть – всё это по-настоящему. Смартфон уже приближается к краю, и, если я подойду хотя бы на минуту позже, он точно свалится на пол. Я свешиваю ноги с кровати и ковыляю к столу.

Комната озарена солнечным светом. В воздухе витает запах жареного мяса и овощей. На рабочем столе меня ждёт поднос с завтраком и десертом – вчерашним чизкейком, который мы готовили вместе с Хью.

– Почему я не могу дозвониться до тебя?

Я плюхаюсь на стул и складываю локти на столе.

– Может, потому что сейчас семь утра?

– Сейчас девять, Кэтрин.

Я подношу экран к глазам и, стараясь не жмуриться от белого света, всё же рассматриваю в углу мелкие цифры. Действительно, сейчас девять семнадцать.

– Летом кто-то следит за режимом?

Будь у мамы плохое настроение – её привычное, – она бы уже читала мне нотации. Но, видимо, сегодня какой-то особенный день, раз она спокойно выдыхает после моих слов и продолжает:

– В детском доме есть режим, Кэтрин, и я попрошу бабушку, чтобы она проконтролировала тебя.

– Хорошо, хорошо, – отмахиваюсь я. – Так что-то случилось?

Я накручиваю на палец локон и готовлюсь выслушивать очередные наставления по поводу соблюдения диеты и поддержания хорошей формы. Но мама сегодня превосходит саму себя.

– Да, продлили контракт.

Я отпускаю волосы.

– Правда? – берусь за смартфон двумя руками. – Наверное, это здорово.

– Наверное? – мама явно не оценила мой настрой. – Это настоящее чудо, Кэтрин. Ты приглашена на пробный показ.

Она замолкает, ожидая, что я начну благодарить её, будто это она пробежала марафон и отказывалась от сладкого и жирного на долгих три месяца.

– Спасибо, – я заставляю себя сказать это. – И когда мне...

– Сегодня.

– Сегодня? – переспрашиваю я. – Я же за городом.

Маме не нравится, что я так долго соображаю, поэтому слышу, как её передёргивает. Глупо хихикаю, закрыв пальцем микрофон.

– Я заеду за тобой в двенадцать, будь готова.

Я киваю, будто она стоит передо мной.

– Хорошо, мне брать с собой вещи?

– Можешь оставить всё у бабушки, уже послезавтра ты сможешь вернуться, – мама отключается.

Чизкейк Хью слишком вкусный, чтобы растянуть его хотя бы на десять минут, поэтому я заканчиваю с завтраком почти так же быстро, как и начинаю. Взяв с тумбы первую попавшуюся резинку, я встаю перед зеркалом и собираю волосы в неаккуратный пучок. Кажется, потребуется очень много тонального крема, чтобы скрыть опухшие веки и царапину на щеке. Если бы из агентства позвонили всего днём раньше, я бы, наверное, что-нибудь с этим сделала. А теперь мне остаётся только смириться и не забыть ляпнуть про тяпку. Взяв из шкафа чистую футболку с юбкой и пару полотенец, я спускаюсь в душ – но чуть не теряю равновесие, когда узнаю, что творится внизу.

– Акерс! – взвизгиваю я.

Глухой удар раздаётся раньше, чем я успеваю закрыть уши. На! Ноги подкашиваются, и кажется, что я сейчас упаду. Ещё один удар раздаётся прежде, чем у меня появляется капелька смелости, чтобы посмотреть на Люка. На! Он корчится от боли, а ребята ликуют в дверном проёме игровой комнаты. Они смеются, как на глупом ток-шоу, пока Билли лупит Люка что есть мочи. Мои вещи падают на лестницу, но мне наплевать. Сейчас главное не дать Билли зайти слишком далеко.

Но как, чёрт возьми, заставить себя сдвинуться с места?

Времени на размышления мало: секунды утекают как вода сквозь пальцы. Акерс пыхтит, как паровоз. И, когда его огромный кулак снова поднимается вверх, в голове раздаётся щелчок. Я прыгаю на жёсткую спину, как на кусок асфальта, взявшийся из неоткуда в центре холла, и, крепко схватив Билли за футболку, со всей силы отдёргиваю его на себя. Под серым воротником появляются затяжки, мои ногти синеют, и я чувствую тупую боль на кончиках пальцев.

– Слезь с него! – ору я.

Билли кажется обескураженным, но я до последнего не собираюсь отступить.

– Что тут происходит? – кричит бабушка, впопыхах спускаясь с лестницы.

Я бросаю на неё взгляд, не ослабляя хватки. Бабушка оставляет позади последние ступеньки.

Внезапно Билли одёргивает локоть, и следующим, что я чувствую, становится стонущая боль где-то рядом с виском. Считая звёзды перед глазами, я скатываюсь со спины Акерса, как со снежной горки. Люк лежит рядом и корчится от боли. По его лицу размазана кровь, задранная футболка помята. Мои глаза всё быстрее наполняются слезами, и я тороплюсь отвернуться, чтобы не видеть всего этого ужаса.

– Какого дьявола, Кэт? – прикрикивает на меня Билли, и я пачусь по полу. По поднесённому к виску указательному пальцу стремительно стекает капля крови. Стук собственного сердца раздаётся внутри меня гулким эхом.

– Какого чёрта?! Кэт, ещё вчера он набросился на нас! – продолжает наступать Акерс. Он размахивает руками так, что, кажется, одно неосторожное движение может стать для меня последним.

Снова. Он снова загоняет меня в угол.

– Замолчи сейчас же, Билли! – вмешивается голос бабушки, – марш в свою комнату! – клянусь, бабушка называет ещё около сотни наказаний, подготовленных специально для Акерса.

Дети бросаются к Люку – не чтобы помочь, а чтобы поглазеть. Бабушке приходится расталкивать всех локтями, чтобы хотя бы немного приблизиться к нему. «Аптечку!», – командует она, и несколько человек разбегаются по комнатам. Каждый приносит то, что есть: бинты, пластыри и спирт.

– Кэтрин, Вивиан перезвонила, – голос бабушки вдруг становится мягким и ласковым.

– Я в к-курсе.

Я нерешительно поднимаю глаза, но смотрю будто сквозь стену. Бабушка моментально белеет, и её круглое лицо становится похожим на кукольное.

– Иди в душ, а я пока помогу Люку.

Мою бабушку трудно напугать. Сколько бы страшилок ребята не рассказывали ей в ночь на Хэллоуин, она никогда не дрожала, хотя и делала вид, что истории и приводили её в ужас. Но я всегда знала, что она притворяется. А сейчас... сейчас её лицо бледное, как мел.

Я послушно поднимаю брошенную на лестнице одежду и торопливо скрываюсь в ванной. Трезвые мысли возвращаются ко мне только после того, как я встаю под ледяную воду. Воспоминания волнами захлёстывают друг друга, превращаясь в непроглядную муть, но одно из них, кажется, навсегда въелось в мою память. Люка таскали за кудрявые волосы, били и тушили искры в его карих глазах. Меня пробивает дрожь лишь от мысли, что я больше не смогу услышать от него ни слова.

Я сушу волосы и одеваюсь. Макияж решаю не наносить, так как визажисты и без того поработают со мной перед репетицией. Я оставляю полотенце в корзине и покидаю ванную комнату полная решимости на разговор с Люком и Билли.

Но когда я выхожу, в холле уже никого нет. Я решаю позже проведать Люка, а Билли и вовсе не показываться на глаза. Меньше всего сейчас мне хочется снова ощутить себя его марионеткой – а он с лёгкостью внушит, что я обязана упасть ему в ноги, лишь посмотрев на меня.

Всё ещё шокированная произошедшим, я нервно кручу в руках стаканчик с недопитым кофе, пока мама отвозит меня на показ. Перед тем, как сесть в машину, я почти решила развернуться и сбегать проверить, как там Люк, но кое-что меня удержало. Страх, тяжёлый, как кандалы, не давал сделать ни шага назад. Я шла к машине, не оборачиваясь к

корпусу, но чувствовала, что ребята ждали от меня другого – иначе зачем им пялиться на меня в окно? Даже Билли смотрел – за несколько лет я научилась чувствовать на себе его взгляд. И, поверьте, это далеко не самое приятное чувство.

Пока мои мысли вращаются вокруг Люка и Билли, за окном откуда-то появляется агентство, а вместо радио в машине раздаётся нервный стук маминых пальцев. Оказывается, мы припарковались целых пять минут назад, а я даже не заметила. Мама оборачивается и, забрав у меня стаканчик, указывает себе за спину и говорит:

– Пора.

Я сглатываю и выхожу на улицу. Всё, что от меня требуется, это собраться и не лажать хотя бы до конца дня. Я стараюсь на время забыть о том, что произошло утром, хотя это и даётся с трудом. Когда я с натянутой улыбкой перешагиваю порог агентства, кажется, что земля вот-вот уйдёт из-под ног. Но, стоит одной милой девушке меня узнать, как я сразу перестраиваюсь на рабочий лад.

Главное, создать хорошее впечатление, а дальше всё пойдёт как по маслу.

– О, мисс Лонг! – она торопливо ищет моё имя в списке и, поставив галочку, прячет планшет за спину. – Пожалуйста, пройдите за мной.

Зайдя за ширму, мы попадаем в большую светлую комнату, заставленную деревянными кабинками. В одной из них уже висит моё короткое белое платье, в котором я когда-то

ходила на фотосессии. Я мысленно благодарю маму за то, что мне не придётся выступать в своей мятой одежде, и, когда девушка возвращается в холл, торопливо переодеваюсь. Ткань платья волной скатывается по животу, тихо оставившаяся на отполированной до блеска плитке под ногами.

– Мисс Лонг?

Я поднимаю голову.

– Вас готов принять визажист.

Меня встречает женщина средних лет с приготовленными кисточками для макияжа в руках. Я присаживаюсь в кресло напротив громадного зеркала и выпрямляюсь. В отражении я – само спокойствие, но, если честно, прямо сейчас мне хотелось бы быть где угодно, но не здесь. У меня ощущение, как будто я занимаю чьё-то место – или как будто из зеркала на меня должен смотреть другой человек.

Выставив косметику на столике, визажист приступает к делу, и я заставляю себя хотя бы немного расслабиться. Женщина использует консилер и тональный крем, наносит на мои веки тени тёплого розового оттенка и красит губы в такой же цвет. Плавнo работая кистями, она формирует контур скул. Я рассматриваю в зеркале своё лицо и не могу поверить, что синяка с царапинами больше нет.

– Готово, – говорит визажист, поправляя мои накладные ресницы.

– Ого, – вырывается у меня, и женщина заметно краснеет. – Это... невероятно.

– Не стоит, мисс Лонг.

– Нет, правда. Мне очень нравится.

Девушка с планшетом сообщает, что мой выход через пять минут, и поправляет мою причёску.

Я уверенно выхожу на импровизированный подиум и, тихо поздоровавшись с жюри, прохожу к противоположной стене. В воздухе растворяется прозрачный стук каблуков. Подбородок вздёрнут, руки ходят вдоль бёдер – всё прекрасно. Развернувшись на каблуках настолько изящно, насколько это только возможно, я возвращаюсь на своё прежнее место. Бёдра раскачиваются, будто на качелях – элегантно вверх, затем так же вниз. Лишь бы не переборщить. Тугой корсет впивается в спину с каждым проделанным шагом, но об этом никто не догадывается: я не теряю самообладания. Меня сопровождает пустое молчание.

Было бы лучше, если бы меня просто вышвырнули на улицу.

– Наверное, это был твой лучший пробный показ, – дразнит меня мама, пока мы идём к машине.

– Ты так считаешь?

– Я в этом уверена. Если бы ты выкладывалась на все сто на каждой фотосессии...

Всё, что она говорит дальше, я пропускаю мимо ушей.

– В честь этого даже разрешу тебе сводить друзей в пиццерию.

Я вспоминаю лакомые кусочки «Маргариты» на последней вечеринке и тихо смеюсь. Забравшись на заднее сидение, я прошу отвезти меня к Морису – я уже спросила у ребят, не хотели бы они провести со мной вечер, и Бет была так рада, что пообещала заглянуть на огонёк.

– Морис такой хороший, – говорит мама, выезжая с парковки. – Почему вы так мало общаетесь?

Я откладываю смартфон на подлокотник и пристёгиваюсь.

– Потому что у меня уже есть парень, мам.

– Он же детдомовец, – она с отвращением смотрит на меня через зеркало.

Согласна, Билли не самый лучший претендент на звание моего парня. Все красавчики старшей школы заглядываются на меня не один год, а девушки продолжают кусать локти, когда видят, какой популярностью я пользуюсь среди остальных.

– И что с того?

– У него нет будущего, Кэтрин.

– А у кого есть, мам? – я развожу руками. Никто не может быть уверен в своём будущем в шестнадцать. – Взять даже меня – ты уверена, что я готова связать жизнь с модными показами?

– Уверена, – твёрдо отвечает она, следя за дорогой. – Это у тебя получается лучше всего.

– Я просто не пробовала ничего другого.

Я отворачиваюсь к окну и начинаю разглядывать проле-

тающие мимо домики. Мама считает, что будущее есть у тех, у кого есть деньги. А я считаю, что будущее есть у тех, кто умеет быть собой. *Настоящим собой.*

– Только не говори, что хочешь всё бросить, – её голос грубеет, но я продолжаю молча рассматривать картины за окном. – Ты и так ставишь свою репутацию под угрозу, встречаясь с Билли, но, бросив индустрию моды, поставишь под угрозу себя.

Мама замолкает, наверное, осознавая, что обычный разговор перерастает в настоящий скандал. Она сосредотачивается на дороге и больше не смотрит на меня.

– Всех моделей, присутствующих на пробном показе, приглашают завтра в ресторан на ужин, – говорит она спустя некоторое время. – Мы должны будем там появиться.

Я удивляюсь.

– Мы?

– Да, мы поедem вместе, – настаивает мама. – Какой бы самостоятельной ты ни была, помни, кто помог тебе достичь высот.

У коттеджа Мориса непривычно тихо. Я даже перепроверяю адрес, чтобы убедиться, что мама ничего не перепутала. Наверное, впервые за всю историю этого дома его окна – просто окна, занавешенные шторами, а дверь – просто дверь, а не портал в другое измерение. Я прислушиваюсь, но вместо привычной громкой музыки слышу лишь щебетание птиц.

– Будь дома до девяти, – говорит мама, пока я отстёгиваюсь.

Кивнув, я забираю пустой стаканчик из-под кофе и выхожу из машины. Стоит мне закрыть дверь, как мама тут же даёт по газам и скрывается за ближайшим поворотом.

Выбросив стаканчик в мусорку, я поднимаюсь на веранду и встаю напротив двери так, как будто никогда не стучалась в неё тысячу раз. Мне до последнего кажется, что всё это – большой розыгрыш, и что прямо сейчас на меня вылетит Морис с колпаком набекрень и огромной хлопушкой в руках. Но, даже когда я стучусь, ничего подобного не происходит. Сегодня Морис – обычный (и поэтому ещё более необычный) Морис в лёгкой гавайской рубашке и всего одним домашним коктейлем.

– С возвращением, мисс Пунктуальность.

– Даже не начинай, – посмеиваюсь я, обнимая его. – Что вы здесь устроили? Или, правильнее сказать, *не* устроили?

– В каком смысле?

– Я впервые не услышала музыку за квартал отсюда, – подшучиваю я.

– А, – Морис загадочно улыбается. – Просто мы с Бетти решили немного поболтать, вот и всё. Но, если хочешь потанцевать, вся стереосистема в нашем распоряжении.

– Только не включай тяжёлый рок, – кричит нам откуда-то Бет. – Я его не переносу.

Он усмехается.

– Никто не переносит. На прошлой вечеринке кто-то из соседей вызвал полицию из-за громкой музыки, представляешь, Кэт?

– Узнаю старого-доброго Мориса, – качаю я головой, проходя в гостиную. – А твои родители...

– Уехали на выходные в Манчестер, – отвечает за него Бет, поворачиваясь к нам на барном стуле. – Привет, Кэт! Что тебе налить?

– У меня есть пиво, виски, джин, – говорит Морис, садясь рядом с Бет и... приобнимая её свободной рукой. Это кажется мне странным, но я не подаю вида. Кротко улыбнувшись подруге, я отвожу глаза.

– Я ничего не буду, спасибо, – вежливо отказываюсь я.

– Морис делает отличные коктейли, – добавляет Бет, показывая мне свой бокал с долькой лайма.

– Совсем ничего не буду.

Она делает глоток и показывает мне язык.

– Зануда!

– Может быть, – соглашаюсь я.

Пока Морис, по просьбе Бет, возится со стереосистемой, я запрыгиваю на барный стул и притягиваю к себе пластиковый стаканчик и бутылку газировки. Сладкие духи Бет смешиваются с пахучим запахом коктейля Мориса – кто-то из них явно переборщил. А может, сразу оба?

– Так, значит, последняя вечеринка прошла... не очень хорошо? – спрашиваю я.

– Морис преувеличивает, – смеётся Бет. – Полиция даже не приехала. Ну да ладно, лучше расскажи, как у тебя дела в агентстве?

– Ну, – мнусь я, покручивая в руках стаканчик. – Мне продлили контракт и даже назначили пробный показ... на сегодня, я как раз только с него. Нас готовят к чему-то грандиозному, но мама ничего не говорит.

– Ты рада?

– Я... не знаю. Я запуталась.

Бет отпивает немного своего коктейля и наклоняется ко мне, чтобы Морис её не услышал.

– Возможно, тебе не понравится то, что я скажу, но лично я очень рада, что ушла из этого дела.

– Почему?

– Потому что агентство сильно ограничивало меня, – поясняет Бет. – Шаг влево, шаг вправо – ты труп.

Я лишь пожимаю плечами:

– Я привыкла.

Мне *пришлось* привыкнуть к этому.

– Это ненормально.

– Это часть моей жизни, и мне приходится как-то... жить.

Морис включает стереосистему, и по дому начинают разноситься хиты из свежих плейлистов. Немного убавив громкость, он возвращается к стойке и садится рядом с нами.

– Насчёт детского дома, – он берёт бокал Бет и делает глоток, а подруга шутливо пихает его в грудь. – Письмо дошло

до своего получателя?

– Ещё нет. Почту будут разбирать в конце месяца.

– Но ты уже отправила его? – не отступает Морис.

– Только потому, что не смогла выпить три стакана виски, – напоминаю я, и ребята смеются.

– Думаешь, он сильно обрадуется, когда узнает, что ты в него «влюблена»? – продолжает Морис, изображая пальцами кавычки.

– Не знаю, – я и вправду не думала об этом. – За несколько дней мы немного сдружились, но это ненадолго.

Вряд ли он захочет общаться со мной после всего, что произошло. Билли так жестоко избил его, что, наверное, Люк не поднимется с кровати в ближайшие несколько дней. Я ни на секунду не перестаю винить себя за случившееся, но самое странное – я не перестаю думать о Люке и о своём письме.

– Точно ненадолго, – повторяю я для самой себя.

– Но многие хотят встречаться с тобой, – хмыкает Морис. – Нужно постараться, чтобы подцепить горячую цыпочку вроде тебя.

Я ударяю Мориса по тыльной стороне ладони, и он громко смеётся.

– Скорее не горячую, а перегревшуюся, – вздыхаю я.

Глава 6

Мягкий свет бра рассеивается, не успев достигнуть и центра зала; на хрустальных люстрах под потолком играют радужные блики; тихое шуршание ковров растворяется в музыке незатейливого трио – фортепиано, виолончели и скрипки. На алой бархатной скатерти расположились тарелки для первого и маленькие блюда с позолоченной каёмочкой для десерта. Рядом разложены серебряные приборы и расставлены бокалы. На большом банкетном столе у дальней стены виднеются несколько вёдер с шампанским, наполненные льдом, и закуски.

– А тут красиво, – говорит Энн, осматриваясь и приглаживая волосы.

Не могу с ней не согласиться.

– Ты пьёшь? – спрашивает она, поднимаясь с места вместе с бокалом.

Мы познакомились всего полчаса назад, когда случайно оказались в одной машине. Энн немного старше меня – кажется, ей исполнилось двадцать пару дней назад. Она недавно попала в агентство и только пробует себя в качестве профессиональной модели. Мама сказала, что Энн пару лет изучала макияж в какой-то манчестерской школе. Сама она родилась и до сих пор проживает в Хантингтоне, но ежеднев-

но посещает пары по дизайну в Йоркском университете. Не представляю, как она успевает на утренние лекции.

– Нет, – скромно отвечаю я Энн.

– Принести тебе газировку?

– Э-э-э... спасибо, я сама.

– Как знаешь, – она несколько раз легко хлопает меня по плечу. – Просто ты выглядишь такой нервной, хотела тебя немного подбодрить.

– Всё в порядке, – я натягиваю улыбку. – Пойду подышу свежим воздухом.

Я задвигаю свой стул и, поблагодарив Энн за заботу, иду к выходу под пристальным взглядом мамы. «Ещё бы мне не быть нервной», – думаю я, стараясь не смотреть на её перекошенное от злости лицо. Наша игра в убийственные гляделки началась задолго до ужина. И всё из-за того, что в машине я задала какой-то некрасивый вопрос Энн по поводу её сумочки от Valentino. Ну, разумеется, она обошлась ей не в десять фунтов, и спрашивать цену было не только глупо, но и неприлично с моей стороны. Но не ненавидеть же меня за это!

Охранники открывают для меня двери, и я киваю им в знак благодарности. Прохладный ветер почти выдёргивает меня на улицу. Я осматриваюсь: справа от меня янтарными бликами покрыты стёкла малоэтажных домов, выложенных тёмным кирпичом, а слева живо разъезжаются автомобили. Такси летит вперёд, огибая блестящие иномарки, и, посви-

стывая тормозами, останавливается перед пешеходным переходом. Вообще-то я скептически отношусь к знакам выше, но сейчас решаю, что просто обязана спуститься к набережной.

Народа этим вечером очень много. Йорк, как магнит, притягивает к себе всех, кто оказывается поблизости. Облокотившись на перила набережной, толпа охает при виде блестящего отражения в воде Центрального музея. Звёзды покрывают фасады серебром. Хоть я и была здесь миллион раз, я просто не могу не утонуть в волнах восхищения, раз за разом прокатывающих по улице. Да, и столетний музей, и здание суда рядом с ним для кого-то всего лишь винегрет из различных стилей, но сейчас для всех нас это нечто большее. Любимое место, новое воспоминание, – или дом, увенчанный золотым гербом Йоркшира. Мелкие кафетерии и круглосуточные бары здесь трещат по швам. Отовсюду звучит музыка, доносятся оживлённые разговоры. Но...

Кого я пытаюсь обмануть? Я думаю совсем не об этом.

Я думаю об Энн. Она такая естественная! Ей не приходится притворяться кем-то, чтобы произвести хорошее впечатление, она разговаривает открыто и улыбается по-настоящему. Почему я не могу так же? Почему не могу улыбаться тогда, когда мне хочется, или грустить, когда у меня плохое настроение? Никогда ещё мне так сильно не хотелось быть собой.

Иногда мне удаётся поймать себя на мысли, что я несчаст-

ная, жалкая, что у меня нет ни нормального будущего, ни прошлого, в которое я могла бы оглядываться без зазрения совести. Каждый мой шаг, каждое принятое решение и поступок курировала мама, и складывается впечатление, что позади не моё прошлое, а её. словно девушки по имени Кэтрин Лонг и вовсе никогда не было, что она такая же плоская, как и модель из любого глянцевого журнала. Моя жизнь напоминает сценарий, в котором всё заранее продумал до мелочей. Мой парень, моё хобби, профессия – всё решено за меня, а я слишком труслива, чтобы что-то изменить.

В сумочке вибрирует смартфон. Я достаю его и, приняв вызов, подношу динамик к уху, не отводя глаз от ночного города.

– Кэтрин, где тебя черти носят? Вернись в ресторан сейчас же! – шипит мама в трубку, как змея. – Все уже рассаживаются по местам!

Ветер подхватывает моё платье. Щелчки фотоаппаратов отвлекают от её голоса – туристы спешат запечатлеть на снимках всю красоту и величие древнего города.

– Почему я должна узнавать у других, куда тебе взбрело пойти среди ужина?

– Извини.

– Извини?! – вскрикивает она, негодуя. – Чтобы была в ресторане через пять минут, ты меня поняла?

Я кладу трубку, а уже через несколько минут стою на пороге ресторана, ожидая, когда же оттуда вылетит взбешённая

мама. Но ничего не происходит. Тогда я, медленно вдохнув и выдохнув, пробираюсь сквозь охрану и гостей к своему столу, где меня уже ждалась Энн.

– Ты где так долго пропадала?

– Спускалась к набережной, – отмахиваюсь я.

– Ты точно в порядке?

– В полном.

Энн оставляет свой бокал на столе.

– Слушай, если это из-за меня, то...

Я перебиваю её прежде, чем она начинает извиняться:

– Мы знакомы всего час, ты не могла так быстро меня обидеть, – грустно улыбаюсь я, подбирая со стола вилку.

На ужин подали запечённые овощи под соусом и несколько жареных крылышек. В моём бокале налит фруктовый сок.

– А ты не обидчивая? – непринуждённо спрашивает Энн.

– Совсем нет, – и это настоящее проклятие. – Разве что иногда бываю чересчур капризной.

– О, этого у девушек не отнять, – Энн перестраивается на более дружелюбный лад, и я немного успокаиваюсь.

Рассказы Энн об университете помогают мне немного отвлечься от мыслей о маме, Билли и Люке. Иногда кажется, что я сама выдумала эту троицу и специально поселила её в голове. Но Энн, похоже, умеет колдовать, потому что, наслаждаясь вкусной едой и её обществом, я почти не вспоминаю ни о ком из них. Мы скитаемся от темы к теме, узнавая всё больше нового. Оказывается, Энн никогда не зани-

малась бьюти-съёмкой, только портретной. Наверное, поэтому она такая настоящая – она просто не привыкла скрываться за масками, как это делаю я.

– Дамы, минуточку внимания! – мужчина в строгом костюме стучит по бокалу десертной ложечкой. – Минуточку внимания!

– Сейчас будут объявлять моделей, которые будут участвовать в съёмке для нового сезона, – говорит мне Энн, наклонившись через столик.

Я замечаю маму около банкетного стола с бокалом красного вина. Украшений на ней больше, чем на манекене из ювелирного магазина: она не экономит ни на кольцах с бриллиантами, ни на серьгах с натуральным жемчугом, ни на серебряном колье, которое стоит целое состояние. Вся одежда на маме буквально кричит о достатке.

Остальные гости выглядят не хуже её. Все модели накрашены и одеты в свои лучшие наряды. В холле агентства, где все договорились собраться, я еле могу расслышать разговоры из-за стука высоких каблуков. Вокруг множество дорогостоящих накидок и аксессуаров от Кристофера Бэйли – талантливого дизайнера и по совместительству нашего земляка. И как только у мамы язык не стёрся так много рассказывать мне про его головокружительный успех?

Поправив малиновый галстук, мужчина продолжает:

– Для начала хочу поблагодарить весь персонал этого прекрасного заведения за гостеприимство.

Он говорит спасибо поварам за замечательный ужин и закуски, официантов за блестящую работу, охрану за вежливость, и все аплодируют, когда он пожимает руку каждому по отдельности.

– Теперь перейдём к тому, ради чего мы здесь собрались, – мужчина обводит ладонью всех присутствующих. – Вы наслаждаетесь чудесными крылышками и шампанским благодаря вашим личным достижениям, не забывайте об этом! Хочется выразить благодарность каждой из вас, поцеловав ладони, но моя жена, к сожалению, сейчас находится в этом зале.

Гости негромко смеются, меня бросает в краску. Я делаю глоток сока и прячусь за длинной чёлкой.

– Вы показали весь свой профессионализм на пробном показе, и нам было сложно отобрать лучших из лучших. Но время не ждёт, поэтому я перехожу к оглашению имён тех, которые выпал шанс участвовать в показе, – торжественно произносит он.

Один из официантов подносит ему планшет с бумагами.

– Итак, в новом сезоне «осень-зима 2016» мы готовы выдвинуть следующих моделей, – в зале повисает гробовая тишина. – Энн Макдауэлл, Синтия Бёрк, Мэри Фишер, Кэтрин Лонг. Поздравляем моделей громкими аплодисментами!

Энн давится шампанским. На её лице застывает удивление. Я накрываю её руку и произношу:

– Ты заслужила это.

Глава 7

Когда на следующий день я возвращаюсь в корпус, я как будто перемещаюсь между двумя мирами, так и не определившись, где мне лучше. В том, где нет Билли, но есть мама и её агентство? Или в том, где всё с точностью до наоборот? Неуверенно шагнув на крыльцо, я падаю в распростёртые объятия бабушки, и, всего раз вдохнув её сладкие духи, проваливаюсь куда-то глубоко в детство. Вот бы мне всегда было хорошо, как сейчас! Пока бабушка гладит меня по голове, все проблемы кажутся разрешимыми. Даже не просто разрешимыми, а несуществующими.

Но ведь так не бывает, да?

– Ты большая молодец, Кэтрин, – говорит бабушка, вытирая слёзы. – Ты это заслужила.

– Спасибо.

Её слова возвращают меня к суровой реальности: кто-то только что похвалил меня за подпись на бумажке. Может, я и правда её заслужила, но счастлива ли я? Каблуки, ткани, украшения, отрепетированная походка – ничего из этого больше не кажется мне чем-то весомым, занимающим мою жизнь. Пугалу можно наклеить ресницы, и оно справится с показом не хуже меня.

– После всего, что здесь произошло между Билли и Лю-

ком, ты заслуживаешь даже большего, – продолжает бабушка, и моё сердце встаёт на месте.

Я заслуживаю наказания, вот, чего. Пока меня не было в детском доме, я не могла думать ни о чём другом. Удары, которые наносил Билли, раздавались в полночной тишине, когда я ворочалась в кровати, а искалеченное лицо Люка всплывало передо мной, стоило закрыть глаза. Я из раза в раз говорила себе, что в произошедшем нет моей вины, но сердце решило иначе. Я могла бы всё предотвратить, если бы постаралась. Я могла бы защитить Люка, наказать Акерса, и делу пришёл бы конец.

Всё должно было быть так просто! Если бы не одно «но».

Я на крючке у Билли. И мне никуда не деться.

– Как Люк, кстати? – спрашиваю я у бабушки, когда мы заходим в корпус.

– Не беспокойся, он получил по заслугам.

– В каком смысле? – моя бровь непроизвольно изгибается.

Я краем глаза заглядываю в полную игровую, но не нахожу там Люка. Лин, Зои, Луиза, Джейкоб с Луисом, Билли Акерс в дальнем углу. Может, он где-то в саду?

– Билли мне всё рассказал, – вздыхает бабушка, когда мы подходим к лестнице. – Вот уж правильно говорят, что в тихом омуте черти водятся.

– Что он рассказал?

Можно только позавидовать бурной фантазии Билли. Если бы ему платили за ложь, он давно бы стал миллионером.

– Рассказал, как Люк напал на вас, – бабушка качает головой. – Я уже провела с ним воспитательную беседу и надеюсь, что такого не повторится.

– А где он сейчас?

– Сидит у себя. Ему временно запрещено выходить к остальным.

У меня не находится слов, чтобы ответить. Знаю, бабушка думает, что поступила правильно, наказав Люка, но она даже не догадывается, что так он просто защищал меня от настоящего монстра. А я, как маленькая девочка, боюсь, что страшный монстр оторвёт мне голову, если я хоть слово скажу против него.

Войдя в комнату, я открываю окно и растерянно присаживаюсь на одну из кроватей.

Бабушка входит следом и садится напротив.

– Кэтрин?

– Да?

– Зои опять хочет поиграть на рояле, а Люк был единственным, кто занимался с ней. Ты не могла бы проконтролировать её?

– Ого... я и не догадывалась, что Люк умеет играть на музыкальном инструменте.

– Мне больше некого просить, – бабушка опускает голову. – Да и ты сама всегда хотела поучиться, почему бы тебе не поиграть вместе с Зои?

Никто больше не захочет возиться с маленькой девочкой

кроме меня и, как оказалось, Люка. Акерс не любит детей, а Лин не терпит громкую игру на рояле. Я могла бы попросить Луизу посидеть с подружкой, но та сама ещё ребёнок.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

– Спасибо, Кэтрин.

Бабушка ещё раз обнимает меня перед тем, как скрыться за дверь. Я раскладываю свои вещи на тумбе и спускаюсь в душ.

Я не тороплюсь встречаться лицом к лицу с Билли. Уверена, сначала он будет делать вид, что между нами ничего не произошло, но потом взбесится, как дикий. И тогда мне уже никто не успеет помочь.

Вечером, когда я читаю книгу, на мой телефон приходит сообщение от мамы. Из модельного агентства прислали расписание репетиций и фотосессий – мои будут проходить каждые несколько дней. В следующем сообщении мама добавляет, что я могу самостоятельно ездить на студию прямо из корпуса. Я отправляю несколько забавных стикеров и, пожелав спокойной ночи, прячу смартфон под подушку.

Глава 8

Помню, когда мне было восемь, я смотрела по телевизору трансляцию с концерта рок-группы, который проходил в Манчестере. Заполненный людьми стадион, крики фанатов и дерзкая электронная музыка так подействовали на маленькую меня, что я возомнила себя рок-звездой. Я раздобыла старую гитару в гардеробе, встала на высокие каблуки и подчеркнула глаза ярко-красной помадой. Тогда я ещё не знала, куда именно нужно было наносить её, но это неважно. Я играла на гитаре, да так, что меня слышал весь Манчестер, который крутили по телевизору. Играла грубо, громко, отчаянно. Но затем струны начинали рваться одна за другой под гулкие аплодисменты из телевизора, и мне уже не было так весело. В детстве мне казалось, что нет ничего лучше, чем быть в центре внимания.

Я ошибалась.

Но здесь, в маленьком музыкальном зале, нет никого кроме меня, Зои и старого-престарого рояля, и это действует на меня успокаивающе. Инструменту пошёл не первый десяток. Одни клавиши исцарапаны, а другие заедают, когда нажимаешь на них сильнее обычного. Струны скоро придут в негодность, но менять полюбившийся рояль никто не собирается. Пускай педали скрипят, а между клавиш забились пыль, а

музыка нравится только паукам под поднятой крышкой, бабушка не перестаёт любить его. Зои безуспешно пытается забраться на высокую банкетку. Забрасывая сначала одну ногу, девочка пытается оттолкнуться от пола второй и подтянуться. Эту банкетку и вправду едва можно назвать низкой. Я сажусь на край, но даже мои ноги качаются над полом. Если бы я была пианисткой, то мне точно пришлось бы забыть о педалях. Зои, наконец запрыгнув ко мне, разглаживает на коленках розовое платье в горошек, поправляет резинки в волосах и спрашивает:

– А где Люк?

Его имя эхом раздаётся в пустом зале, как будто кто-то поставил испорченную пластинку. Но, даже когда она перестаёт играть, я продолжаю произносить про себя: *Люк, Люк, Люк...*

Зои смотрит на меня круглыми глазами, ожидая ответа. Я прочищаю горло, мысленно ругая себя за минутную слабость, и тихо говорю:

– Он всё ещё наказан за плохое поведение, и миссис Лонг запретила ему играть с детьми.

Ответ даётся мне с трудом, приходится буквально вытягивать из себя объяснение. Всё это неправильно. Разве можно наказать Люка за то, что он спас меня от Билли? С каждым произнесённым словом моё сердце разбивается вдребезги. Интересно, замечает ли это Зои?

– Билли сказал, что Люк заслужил.

– Зои, – я глажу девочку по спине, и она выпрямляется. Что я должна сказать? Чтобы Зои не верила «защитнику» в своих глазах? Она же решит, что я спятила. – Не забывай держать осанку.

Меня тут же накрывает волной стыда.

Зои кивает и осторожно поднимает подбородок.

– Так?

– Да, молодец, – подбадриваю я её.

– Люк всегда играл со мной на рояле, – говорит вдруг Зои, и я изображаю удивление. Бабушка уже предупреждала меня, но я знаю, как важно для маленькой девочки, чтобы я не уходила в себя, как делал каждый, кто «следил» за её игрой.

Кроме Люка.

– Правда?

Зои дотрагивается до клавиш.

– Да, он помогал мне разбирать новые песенки.

– И много песенок вы разобрали?

– Много, но я почти сразу их забывала.

Я тихо смеюсь, когда представляю, как Люк сидит рядом с Зои и помогает читать с листа. Для меня ноты всю жизнь были простыми чёрными кляксами, но мне всегда было интересно, как из хаоса полос и точек рождалась музыка. Наверное, нужно уметь перебирает клавиши пальцами так, чтобы из звуков получалась мелодия, или даже работать всем телом, чтобы добавить нужных красок... Люк так умеет?

– Люк играл быстро, и я никогда не успевала за ним, –

говорит Зои, как будто прочитав мои мысли. – Зато это было очень красиво.

Я отвечаю, почти не задумываясь:

– Я знаю.

Зои резким движением снимает кисть с клавиатуры и смотрит на меня, как на музейный экспонат.

– Откуда? Ты подслушивала?

Нет, но почему-то у меня нет сомнений, что Люк может играть как-то по-другому.

– У людей с золотым сердцем и руки золотые.

– Что это значит?

Если я и дальше продолжу говорить о Люке, то точно не смогу выбросить его из головы. Я осторожно беру правую руку Зои и ставлю назад на клавиши.

– Бабушка сказала следить за тем, чтобы ты как следует позанималась. Сыграй мне что-нибудь, пожалуйста.

И с чего я вдруг решила, что у Люка золотое сердце? С того, что он помогал мне в оранжерее? С того, что не защищал меня от Акерса? Может быть. Мне кажется, что иначе и быть не может. Зои смотрит на ноты перед собой и начинает перебирать пальчиками клавиши. Она работает в нескольких октавах сразу – я лишь знаю, что это сложно для ребёнка.

– А ты умеешь играть? – спрашивает она, замедляясь.

– Нет.

– Люк бы с радостью тебя научил!

– Чему научил? – где-то в зале раздаётся голос Билли.

От неожиданности Зои одёргивает руки, а я велю себе перестать улыбаться. Я наказываю ей продолжать заниматься, а сама спрыгиваю с банкетки и иду к дверям, где меня уже ждался Билли. На нём синяя футболка и джинсовые шорты, затянутые кожаным ремнём. На руке блестят подозрительно дорогие часы, а из-под пожелтевшей кепки торчат взъерошенные волосы.

– Привет, – тихо здороваюсь я. – Не бери в голову, мы про игру на рояле.

Дрожащим голосом я выдаю весь свой страх как на блюдечке.

– Ничего не хочешь сказать?

Я сглатываю. Мне нечего ему ответить.

– Я не знаю, что ты хочешь услышать, Билли.

По пустому залу разносится медленная фортепианная мелодия. Зои развеивает звенящую тишину, за что я ей безмерно благодарна – боюсь, без неё я бы начала сходить с ума. Молчание Акерса изматывает.

– Ты никак не научишься держаться подальше от парней, Кэт.

– Я знаю.

– Ты ничего, – он делает грубый акцент на последнем слове. – Ничего не знаешь и постоянно наступаешь на одни и те же грабли.

Прямо как последняя шлюха.

– Прямо как последняя шлюха, – заканчивает Билли.

– Ты прав.

– Ты ничего не знаешь о нём, – Акерс тычет пальцем мне в грудь. – Разве ты сама не видела, как он набросился на меня на улице?

– Я не просила его об этом, если ты на это намекаешь.

– Ты вообще не должна с ним пересекаться, поняла?

– Да.

Зои бросает игру и спрашивает:

– Кэтрин, ты идёшь? – протягивает она высоким голосом, и уголки моих губ предательски ползут вверх.

Билли громко топает ногой и рывкает так, что Зои вздрагивает.

– Заткнись, малявка. Кэтрин придёт, когда закончит говорить со мной.

Я сглатываю, переживая, что нас могли услышать, а Зои разворачивается и продолжает играть. Билли резко выдыхает и, как и я, прислушивается. Его самодовольный взгляд снова останавливается на мне.

– В общем, я надеюсь, что ты меня услышала.

– Да.

– Ты меня раздражаешь, – дёргается Акерс. – Сколько можно повторять одно и то же?

Как будто у меня есть грёбаный выбор.

– Я тебя поняла, – всё-таки говорю я.

Он хмыкает, потом, недвусмысленно обняв меня за та-

лию, притягивает к себе.

Терпи. Он тут хозяин.

– Вот и отлично, – гудит Билли над моим ухом. – Будь хорошей девочкой и не наживай себе врагов. Твоей мамочке это не понравится.

Он целует меня в щёку и покидает музыкальный зал. Я ещё несколько секунд стою в оцепенении, но позже – как бы мне ни хотелось вновь запереться в ванной – возвращаюсь к Зои.

Девочка уже разобрала небольшую песенку от начала до конца и теперь демонстрирует мне плоды своего труда. Я рада, что у неё получается играть – может, в этом маленькая Зои надет себя. Мы заканчиваем занятие и расходимся по комнатам. Отчитавшись перед бабушкой, я спешу в свою комнату, чтобы насладиться последними страницами книги и... избавиться от навязчивой мелодии, врезавшейся в мою память. Я представляю Люка, который наигрывает её для малышки Зои, и чувствую себя хорошо – даже слишком хорошо для девушки, у которой уже есть парень.

Я запираюсь в своей комнате и тяну одну из, наверное, пятидесяти книг на своём комодe. От лета до лета эта коллекция становится только больше. Мне нравится открывать книгу, расслабляться и на время забывать о всех проблемах. Если я погружаюсь в историю, то уже с трудом возвращаюсь к реальности. Я зачитываюсь до глубокой ночи и даже не замечаю этого – разумеется, если сюжет оказывается для меня

достаточно захватывающим.

Но бывают вечера, когда даже книги не помогают спрятаться от нагрянувшего настоящего.

Глава 9

Выйдя из автобуса, я иду в маленькую кофейню, где мама каждое утро берёт нам по стаканчику американо. Только шагнув внутрь, я понимаю, почему она выбирает именно её. Где, как не здесь, можно ещё услышать десятки самых разных реальных историй, почти не прислушиваясь? Где ещё можно наслаждаться зажигательной игрой бродячих музыкантов? Ну и, конечно же, где можно прочувствовать истинный дух британского народа? Только в таких уединённых местах развеиваются стереотипы о неразговорчивых, порой скучных и даже чопорных британцах. Я беру кофе и выхожу на улицу, оставляя за собой перемешанный шлейф корицы и мяты. Хотелось бы взять что-нибудь вместо американо, но без него я уже не представляю свой обычный поход на фотосессию. Он давно стал вредной привычкой.

Остаётся надеяться, что кофе хотя бы чуть-чуть ободрит меня. Эта ночь была не легче прошлых. Я просыпалась в холодном поту и судорожно прокручивала в голове события последних дней. Билли, Люк, Билли, Люк... они правда дрались? Мы *все* дрались? Да, дрались, и ноющая боль у виска тому подтверждение. Я зарывалась лицом в подушку и старалась не думать об этом, но чувство вины только росло. И, когда мне наконец удавалось провалиться в сон, в нём снова,

как скала, выросал Билли. И так по кругу.

Но, когда в холле агентства я встречаюсь с Энн, то сразу забываю о сне. Она выглядит потрясающе: широкие светлые джинсы и длинная накидка очень ей идут, а в сочетании с белой блузкой её образ получается таким лёгким, почти воздушным... мама была бы в восторге. Так сразу и не скажешь, что три года назад Энн вышла из старшей школы.

Кстати о старшей школе, на нашей прошлой встрече с Энн у меня возникла парочка вопросов, которые мне бы очень хотелось ей задать. Её истории из университета заставили меня задуматься, хочу ли я чего-то подобного или всё-таки... нет, сейчас не время об этом думать. Я обязательно спрошу у Энн, как там обстоят дела в Йоркском университете – может, сегодня после репетиции?

– Выглядишь обворожительно! – я тепло обнимаю Энн, и она подаётся вперёд.

– Кэтрин! Спасибо, ты тоже!

Знаю, она льстит. С утра у меня совсем не было времени собраться («Ты проспала!», – гаркнула мама в трубку, когда я, потягиваясь в кровати, приняла звонок), поэтому я пришла в зелёной блузке, синей юбке и чёрных туфлях на каблучке, в которых была в ресторане – короче, в том, что первое попало под руку. Сейчас я больше похожа на какой-то салат, чем на модель.

Девушка за стойкой сообщает, что сегодня нас ждёт общая фотосессия. Вскоре к нам подтягиваются и остальные

модели, и мы переодеваемся в наши костюмы. Главным атрибутом у всех является прозрачная накидка особого цвета. Мне достаётся голубая. Макияж у всех тоже разный. Как нам объясняют визажисты, каждая из нас будет изображать одно из времён года. И, как оказывается, мне досталась зима – резкая, холодная, высокомерная и никого не щадящая. В общем, как обычно – моя полная противоположность. Нас провожают в студию, где уже приготовлен огромный белый фон, освещение и фотокамеры. Мы встаём сначала в ряд, затем в два по двое, экспериментируем с ракурсом и высотой подиумов. Фотосессия проходит молча: каждая из нас долго шла к этому, и никому не хотелось бы выделяться в первый же день работы.

Фотограф мельтешит перед глазами, настраивая свет, и десятки ярких ламп вмиг начинают светить нам то прямо в глаза, то в затылки, то в виски. Вы когда-нибудь чувствовали себя осуждённым преступником?..

После фотосессии мы с Энн договариваемся прогуляться по Хантингтону. Городок встречает нас чистейшим небом и полупустыми улицами. Мы идём куда глаза глядят и болтаем обо всём на свете. Совсем скоро мне придётся возвращаться в детский дом, но мне так хочется остаться в городе до тех пор, пока не наступит ночь, пока светлячки не начнут озарять тропинки. Пока мгла не поглотит Хантингтон. Ночной Хантингтон... как давно я его не видела.

Кажется, что я уже тысячу лет я вот так просто не вы-

ходила гулять – семичасовые фотосессии сейчас передают мне пламенный привет. Но лучше я буду слушать Энн, чем каких-то призраков прошлого. Слушать её – одно удовольствие.

Она – удовольствие, и я хочу быть такой же.

– Как тебе в университете? – спрашиваю я, когда мы присаживаемся на скамейку под деревом у чьего-то дома. Энн закидывает ногу на ногу и легко взбалтывает свой молочный коктейль. Я запрокидываю голову назад и жмурюсь от солнца. Голубые клочки неба мелькают между ветвями и листьями.

– Я выбрала направление, когда мне было четырнадцать, и ни разу не пожалела.

– Это... здорово. Планируешь работать по специальности?

– Как тебе сказать, – она еле заметно смущается. – Я не могу назвать дизайн своей работой. Для меня это отдых, понимаешь? Когда я сижу на лекциях, я учусь ради себя, а не ради диплома, и просто радуюсь, что могу это делать. А когда ты заканчиваешь школу? – вдруг спрашивает Энн.

– В следующем году.

– Уже выбрала специальность?

– Думаю, я на верном пути, – завуалированно отвечаю я, хотя и сама прекрасно знаю, что это далеко не так. Даже самое пышное платье не принесёт мне ни единой улыбки – разве что фальшивой, для красивого фото в Инстаграм.

– Слушай своё сердце, Кэтрин, оно не обманывает. В голову можно вбить что угодно, но в сердце – только что-то особенное. Его не обманешь.

– Можно спросить у тебя кое-что?

– Ты уже сделала это.

– Знаю, это прозвучало глупо, – мои губы невольно расходятся в улыбке. – В общем, ты ориентируешь меня по специальностям университета, если я вдруг решу сменить профиль?

Энн озадаченно смотрит на меня.

– Ты хочешь сменить профиль?

– Я ещё не определилась, – признаюсь я.

Мы ещё несколько часов гуляем по Хантингтон-роуд, прежде чем я всё-таки сажусь на автобус. За это время мы с Энн успели обойти несколько мелких кафе, вытоптать тысячу новых тропинок в парке и миллион раз сфотографироваться, и теперь мои ноги просто гудят. Думаю, Бет и Морис не сильно обидятся, если я к ним не загляну. Боюсь, если бы я прилегла на мягкий диван в гостиной Мориса, то не поднялась бы до утра. В автобусе я пишу Бет сообщение, что постараюсь забежать к ним на следующей неделе, а пока мне нужно немного отдохнуть.

Энн оказалась хорошей... даже слишком хорошей собеседницей, несмотря на разницу в возрасте – я думала, что она уже слишком взрослая, но, оказывается, все мы в душе

немного дети. А если это не так, то почему Энн рисовала себе усы молочной пенкой от коктейля? Это то, чего мне так не хватало в последнее время. И, кажется, всё, чего я хочу.

Но, когда ты встречаешься с Билли Акерсом, можно смело забыть о своих желаниях. Он замечает меня на крыльце раньше, чем я успеваю проскользнуть в корпус, и мне ничего не остаётся, как смириться и пойти с ним в сад.

Поднявшийся над Ривер Фосс туман не сулит ничего хорошего.

– Ты у меня такая красивая, – с натянутой улыбкой говорит Билли, когда мы садимся на скамейку, и я ставлю галочку в своём выдуманном списке фраз, «когда у моего парня хорошее настроение». «Зачем напрягаться? – мысленно спрашиваю я у него. – Все твои фразы можно заменить всего одним словом». Чушь! Я больше не поверю ни в то, что я красивая, ни в то, что неважно выгляжу. *Я для него просто никто.* С таким же успехом Билли мог сделать комплимент ползущей мимо гусенице.

– Чем будешь заниматься завтра? – Билли пытается проложить мост к моему сердцу, будто между нами никогда не было пропасти. Он умело выбирается из одной шкуры, чтобы залезть в другую, но я давно это просекла.

Я ничем не могу заниматься, кроме болтовни с этим тираном. У него явно беды с головой, раз он забыл, в какие рамки уместил меня. Но ответить всё же стоит. Хотя бы ради безопасности.

– Обещала бабушке поиграть на рояле с Зои, и, думаю, уберусь в ваших аптечках.

Акерс хмыкает. Его сведённые брови бросают меня в дрожь, которую в сию секунду унимаю: нельзя показывать ему свои слабые стороны. Он и так хорошо знает большинство из них.

– После инцидента аптечки оказались перевёрнутыми вверх дном, нянечки жаловались на беспорядок. Я хотела помочь и Зои, и вам, – протараторила я так, как обычно отчитываются опоздавшие школьницы перед учителем.

Но Билли плевать на всё.

– Почему ты не можешь просто отказаться и побыть со мной?

Даже если мама начнёт готовить меня к важнейшему в моей модельной карьере показу, за который заплатят кучу денег, Билли предложит отказаться. Этот тип не отпускает меня от себя ни на шаг – он просто гнёт свою палку дальше.

– Или ты не хочешь быть со мной? Неужели бардак этих сосунков тебе дороже меня? И себя? – ставит он немаловажную точку в конце.

Позади всё чётче раздаются шлепки подошв кед – ребята возвращаются с прогулки.

– Хочу, – киваю я. – Ты прав, я отложу помощь на потом.

– Или есть другая причина? – Билли подсаживается ещё ближе и зажимает мой левый локоть. В кончиках пальцев начинается неприятное покалывание.

– Есть кто-то ещё, общаясь с которым ты подвергаешь себя опасности? – продолжает давить на меня Билли, и я нервно сглатываю.

Я успеваю сделать это перед тем, как комок встаёт поперёк моего горла, и я не смогу даже вдохнуть.

– Нет причин, – я второпях пытаюсь высвободить левую руку, – Нет никого. – Я мотаю головой, чтобы избавиться от вырисовывающихся перед глазами ужасных картин.

Я прекрасно знаю, о ком он говорит, и предпочитаю даже не затевать спор.

Звонкие порывы смеха ребят уже совсем близко, поэтому разговору приходит долгожданный конец. Раздражающее хлюпанье достигает своего пика, когда некоторые из толпы решаются порезвиться в каше из грязи и листьев за бордюром.

Глава 10

С самого утра Акерс возится со мной, как с любимой игрушкой. Куда бы я ни пошла, он тут как тут. Расчёсываясь перед зеркалом в холле, я замечаю его отражение. Во время завтрака он сидит напротив и наблюдает, как я ем. Аппетит, конечно же, пропадает раньше, чем появляется. Заставив себя выпить чай, я, громко отодвинувшись на стуле, поднимаюсь и передаю посуду Хью. Хорошо, что в ваннх ещё остались живые замки, и у меня получается принять душ в одиночестве. *Аллилуйя!* Но моя радость длится недолго. В своей комнате, когда я стою перед шкафом и выбираю одежду, внезапно раздаётся скрип двери. Остановившись в проёме, Билли нагло, в упор смотрит на меня.

– Выйди из комнаты, – говорю я, краснея от стыда. – И закрой дверь.

– Зачем?

Трясущимися пальцами я продолжаю перебирать вещи.

– Я не хочу, чтобы ты смотрел на меня.

– Мне всё равно.

– Билли, – говорю я шёпотом. – Пожалуйста, выйди.

Игнорируя мою просьбу, он подходит ко мне почти вплотную. Я судорожно поправляю узелок на спине, на котором держится моё полотенце.

– Я никуда не уйду, до тебя ещё не дошло? – ухмыляется он.

Билли кладёт ладонь на моё предплечье и мучительно медленно ведёт пальцами вверх. От его прикосновений хочется сжаться в комок. Он грубо берёт меня за подбородок и заставляет посмотреть на него.

– Ну?

Сердце уходит в пятки.

– Да, – отвечаю я. – Да, дошло.

На лице Билли появляется самодовольная улыбка. Когда он задирает подбородок, то кажется мне ещё выше.

– Я так и думал.

Отпустив меня, он отходит к комоду и принимается разглядывать книги. Всё, что ему нужно, чтобы самоутвердиться, это страх в глазах жертвы. И, похоже, я сдала себя с потрохами.

По крайней мере, я выиграла несколько секунд. Воспользовавшись моментом, я поворачиваюсь к шкафу и достаю полюбившееся голубое платье. В скользких ладонях приходится сжимать ткань покрепче.

– Помочь тебе застегнуть молнию? – спрашивает Билли.

– Не надо.

– Не надо, не надо! – передразнивает он меня.

Я часто моргаю, чтобы остановить проступающие слёзы, но это не помогает. Заметив это, Акерс громко смеётся.

– Ты такая жалкая.

– Вся в тебя, – бормочу я, надеясь, что он не расслышит.

– Не говори так, – грозя пальцем, он целует меня в макушку. Я вздрагиваю, а он продолжает: – Никто не будет дерзить мне, поняла?

В коридоре раздаются шаги.

Шаги!

– Не молчи, – требовательным тоном обращается ко мне Билли, и я озираюсь по сторонам.

Шаги уже близко.

Нужно действовать быстро, нет времени на раздумья.

«Чего ты хочешь?», – мысленно спрашиваю я у себя.

Выбраться из западни, в которую угодила.

Отвернувшись от Билли, я специально погромче захлопываю дверцу шкафа и вскрикиваю. От неожиданности Билли отскакивает от меня на метр, а я отбегаю в угол комнаты. Шаги слышны прямо за дверью, и вот в комнате появляется... Люк.

Увидев его, Акерс тяжело вздыхает.

– Пошёл отсюда вон, – он указывает ладонью на дверь.

Но Люк, похоже, ни капельки его не боится.

– Что ты здесь делаешь? – невозмутимо спрашивает он, и я затаиваю дыхание.

Впалые щёки Люка покрыты ссадинами, а скулы разбиты. Под левым глазом синяк, а костяшки пальцев покрыты коркой засохшей крови. Некоторое время он продолжает прожигать Акерса взглядом, а затем внезапно смотрит на платье

в моих руках и, кажется, понимает, что к чему.

– Тебе, похоже, давно задницу не надирали, – Билли потирает кулаки, – выйди отсюда, пока я сам тебя не выпроводил.

Но Люк не двигается с места. Я была готова видеть в комнате кого угодно, но не его. Я была готова к встрече с бабушкой, с нянечками, с Лин и другими девочками с этажа, но не с Люком. Он спрашивает меня, стараясь не обращать внимания на угрозы Билли:

– Он трогал тебя?

Билли поворачивается ко мне в ожидании ответа.

Знаю, Люк не поверит мне, даже если я скажу «нет». Он и так видел достаточно, чтобы сделать правильные выводы о наших с Билли отношениях. Как только я набираюсь смелости ответить, Акерс опережает меня:

– Пошёл вон, – рычит он.

– Отвали, – Люк делает шаг в мою сторону, но тут же получает удар в челюсть.

Я вскрикиваю и прижимаюсь к стене, роняя несчастное платье. Огромный, как камень, кулак Билли взлетает почти до потолка, и я зажмуриваюсь. Крошечная, родившаяся в сердце надежда на то, что Акерс всего лишь запугивает нас, разбивается вдребезги, когда я слышу, как Люк ударяется об комод и случайно сносит все стоявшие на нём книги. Билли толкнул его. Нет, Билли *вытолкнул* его из комнаты.

– Пожалуйста, хватит, – шепчу я, медленно скатываясь на пол.

Хочется закрыть уши, чтобы не слышать жалкого хрипа Люка, когда Билли хватает его за горло. *О, я знаю, каково это, и я почти чувствую толстые пальцы на своей шее. Они давят, давят, давят, словно пять злобных змей, пока мир перед глазами не начинает плавать.* Опустив голову на колени, я заставляю себя замолчать и перестать думать об этом, – но ничего не выходит. Мне становится только тяжелее дышать. *Главное – не сопротивляться.* Я же не хочу, чтобы Билли ударил и меня?

Последняя мысль заставляет мой – мой! – внутренний голос заорать: «Эгоистка! Только последняя эгоистка зовёт на помощь, но никогда не помогает сама!». Я поднимаю голову, чтобы только посмотреть, что творится вокруг, как весь корпус сотрясается от рокота. Из коридора вылетает пара щепок, и я понимаю: парни проломили чью-то дверь. Вскочив на ноги, я подбегаю к своей, пока ещё целой двери и тяну за ручку. Повернув торчащий из скважины ключ до упора, я прислоняюсь к комоду и... громко рыдаю. Билли колотит Люка так сильно, как только может, – он не щадит никого, а Люка в особенности. «Страус, вот ты кто! Ты чёртов страус! Хоть раз сделай что-то для других!».

Я прижимаюсь лбом к двери и глухо вскрикиваю:
– Отойди от него, – из-за рыдания почти не разобрать слов, и я продолжаю: – Не трогай его. Не трогай нас!
Но никто не слышит криков, кроме меня самой.
– Перестань, Билли, перестань! – взмаливаюсь я.

«Мало. Вы все делаете слишком мало».

– Кэтрин? – кричит откуда-то бабушка. – Кэтрин, не выходи из комнаты, я сейчас разберусь.

Я сглатываю и медленно отхожу вглубь комнаты. Схватив бутылку с водой, я делаю несколько больших глотков, но чуть не выплёвываю всё назад.

В коридоре стоит гробовая тишина. Я прислушиваюсь, чтобы убедиться, что мне не кажется, но из-за двери всё так же не доносится ни звука. Вообще ничего. Если бабушка разняла Люка и Билли, это ещё не значит, что всё закончилось. Билли искусный вран, который может убедить в чём угодно – даже в том, чего не было. Может, прямо сейчас они втроём поджидают меня в коридоре, чтобы – в лучшем случае! – отчитать. Лучше проверить, заперта ли дверь.

От всех этих мыслей становится тяжело дышать. Воздух в комнате кажется спёртым и невкусным, поэтому я решаю проветрить. Одёрнув тюль, я широко распахиваю створки, выпускаю внутрь аромат цветущих пионов и позволяю ему окутать меня с ног до головы. Хочется нырнуть в лето – то лето, которое за окном, – с головой. Я опираюсь на подоконник и стараюсь успокоиться. Где-то вдалеке, за рекой и лесом, зелёные холмы прячутся друг за другом, точно играя в чехарду. У самого подножия виднеется Хантингтон. Ветер, закидывающий мои волосы за плечи, приносит с собой его приятный запах. Чем пахнет Хантингтон? Фиалками, слад-

кой тиной. А ещё воспоминаниями. И плохими, и хорошими.

Когда страх немного отступает, я наконец переодеваюсь в платье и сажусь на кровать. Время идёт мучительно медленно, если вообще идёт. Я стараюсь утешить себя тем, что через день и не вспомню о том, что произошло, но вот незадача: до завтра ещё как минимум двенадцать часов. Знаю, я не продержусь здесь так долго, а значит, мне рано или поздно придётся выйти.

Среди журчания Ривер Фосс я слышу понравившуюся мне несколько дней назад фортепианную мелодию. Ноты следуют друг за другом, переливаясь в замечательные фразы. Как будто с их помощью кто-то пытается говорить со мной, но я ничего не понимаю.

Будучи не в силах сопротивляться чарам музыки, я решаю выйти в коридор. Мельком глянув на своё отражение, мне снова хочется рыдать. Волосы взлохмачены, а щёки красные, как будто я натёрла их свеклой. Это не я. Или всё-таки я? Такая, какая есть – без косметики и блестящих платьев? Я заправляю прядь за ухо и натянуто улыбаюсь, но всё ещё не узнаю перед собой прежнюю красавицу Кэтрин Лонг.

Я стараюсь спускаться по лестнице тихо, не скрепя половицами. Мне всё ещё страшно, но, пока играет музыка, у меня хотя бы есть силы, чтобы переставлять ноги. Я стараюсь не думать ни о Билли, ни о фотосессиях, а просто идти по коридору к музыкальному залу, откуда и доносится игра. Ко-

гда я оказываюсь прямо напротив дверей, то немного колеблюсь. Вдруг это западня, чтобы выманить меня наружу? От этой мысли по коже пробегает холодок.

Но любопытство побеждает страх, поэтому я захожу в музыкальный зал и застываю, увидев Зою за роялем. Внутри никого, кроме нас, и все кресла пустуют. Отчего-то в груди тяжело. Хотелось бы видеть что-то иное. Хотелось бы видеть здесь Люка.

Представляю, как разбросанные по клавиатуре ноты собираются под его пальцами в мелодию, в аккомпанемент, в целостное произведение, и как звучание идеально настроенного инструмента наполняет зал.

– Кэтрин! – заметив меня, Зоя бросает игру и машет ладошкой. – Позанимаешься со мной?

Я тускло улыбаюсь девочке и прохожу, закрыв за собой двери. На витражном стекле заиграли блики лампочек, которыми усеян потолок.

– А где Люк? – спрашиваю я, проходя мимо длинных рядов.

– Миссис Лонг наказала его за плохое поведение. Она запретила ему играть со мной.

Я поднимаюсь на сцену и встаю рядом с Зою.

– Я скучаю по занятиям с ним, – поникает она, – почему миссис Лонг постоянно наказывает его? – Зоя поднимает голову и смотрит на меня глазами, полными любви и отчаяния.

Я присаживаюсь на банкетку рядом с ней.

– Потому что он часто ввязывается в драки, – говорю я, стыдясь собственных слов.

– Но он бы никогда не ударил первым!

Я не знаю, что ещё сказать малышке. Всё это так сложно, а ей точно не нужно вникать во все аспекты нашей жизни. Поэтому, чтобы не утруждать Зою, я сама ставлю руки на клавиатуру и начинаю играть, как велит мне сердце. Получается, откровенно говоря, просто ужасно. Ноты звучат неуподоб, никакого ритма и размера не прослушивается, да и тональность отгадать оказывается трудно: я то и дело перехожу с белых клавиш на чёрные и назад.

– Да нет же, всё не так! – смеётся Зою, накрывая моё запястье своей тёплой ручкой, и я остаиваюсь.

– А как нужно играть?

Свободной рукой Зою поправляет свой невидимый галстук, сводит брови вместе и громко вздыхает. Она такая милая, когда пытается подражать Люку.

– Для начала тебе нужно научиться правильно держать руки над клавиатурой, – заявляет Зою, поднимая моё провалившееся запястье.

Я представляю, что это Люк учит меня играть, и сердце начинает биться чаще.

– Расслабь руки, – командует Зою, и я беспрекословно выполняю указание.

Мои запястья вновь падают ниже клавиш. Девочка вздыхает, а затем пальчиком поднимает моё правое запястье.

– Ты должна расслабить руки, но не сильно.

– Расслабить, но не сильно, – я делаю вид, что понимаю.

Мне кажется, что это невозможно – одновременно расслабить и держать их. Кисти постоянно будут либо опущены, либо высоко вздёрнуты.

– Правильно, – Зои радуется, когда я цитирую её. – А теперь округли пальцы.

Она ставит руку рядом с моей и демонстрирует правильное положение. Я сгибаю пальцы, но Зои тут же приходит в ярость:

– Нет, нет, это грубейшая ошибка!

– Грубейшая ошибка, поняла, – я снимаю руки и смеюсь.

Наверное, так и есть.

Зои снова берёт мои руки и ставит на клавиатуру.

– Все великие пианисты с чего-то начинали, не расстраивайся!

– А ты считаешь меня великой пианисткой?

– Может, не великой, – Зои в смятении.

– И не пианисткой, – подхватываю я.

Зои снова вздыхает:

– У тебя обязательно получится, если ты будешь стараться! Смотри, как я могу.

Она кивает в сторону моих рук, и я снимаю их с клавиш, оставляя на коленях. Зои как следует хрустит пальчиками перед тем, как начать играть гаммы. Медленно, но верно, она перебирает клавишу за клавишей.

– Тебе следует начать с гамм, – говорит Зои, останавливаясь.

– Почему?

– Потому что Люк так сказал.

Я округляю глаза.

– Ты что, говорила Люку, что я хочу играть на рояле?

Зои кивает.

– И что ещё он сказал?

– Сказал, что с радостью позанимается с тобой.

Мои щёки вспыхивают алыми пятнами. Я немного отворачиваюсь от Зои, чтобы она ничего не заметила.

– Здорово, – это всё, что я могу произнести.

Ведь это правда – ещё вчера я представляла, как мы занимаемся вместе, а теперь Люк готов научить меня играть на рояле. В груди всё трепещет от одной подобной мысли.

Но будет ли он дальше хотеть играть со мной после очередного нападения Акерса? Девочка снова начинает играть гамму, и зал заполняют громкие ноты.

– Мне кажется, он хочет с тобой дружить, – продолжает Зои.

Откуда мне знать? Лишь раз нам удалось нормально поговорить – в оранжерее на прошлой неделе. С того дня мне кажется, что Люк вовсе никогда больше не заговорит со мной во избежание проблем с Акерсом, но, похоже, они его не только не пугают – он хочет поскорее решить их.

– Тогда почему бы нам не позвать его сейчас? – неужи-

данно для нас обеих предлагаю я.

Зои резко останавливается.

– Он же наказан, – возражает она. – Лучше не надо.

Я спешу уверить её:

– Я поговорю с бабушкой, и она его выпустит, – кажется, мои уговоры почти не действуют на Зою. – Но ведь ты сама говорила, что скучаешь по занятиям с ним, разве не так?

– Скучаю, – соглашается она. – Но разве миссис Лонг не запретила ему выходить из комнаты?

– Запретила, но я здесь... тоже могу командовать, – хитро улыбаюсь я. – Бабушка сказала мне, что я могу освободить Люка от наказания, когда захочу.

– Правда?

Не совсем.

– Так и сказала, – я кладу руку на сердце.

Зои расцветает на глазах.

– Хорошо.

– Мы будем здесь через пять минут, – я спрыгиваю с банкетки и пробегаю мимо рядов, оставляя Зою позади.

Мне хочется смеяться в голос, когда я выбегаю из музыкального зала, но... лучше не привлекать к себе внимание. Натянув невидимую балаклаву и представив, будто мне предстоит ограбить банк, я, как мышка, проскальзываю в конец коридора, где живут Луис и Люк. Часы говорят, что все ушли на прогулку еще полчаса назад, но вдруг кто-то решил остаться? Я оглядываюсь и, убедившись, что всё чисто, вхо-

жу.

Если мельком пробежаться глазами по комнате, можно и не заметить Люка, лежащего на одной из кроватей с раскрытой книгой в руках. А если читать что-то по-настоящему интересное, можно и не заметить растерявшуюся Кэтрин, которая, не подумав, вломилась в твою комнату. Люк поднимает голову, и из его ноздри выпадает ватка.

– Привет? – он медленно закрывает книгу и выбрасывает ватку в мусорку за кроватью. Я замечаю на его руке пару небольших, но всё равно уродливых синяков.

И что мне сказать? Я даже не придумала, что сказать! Какое-то странное желание просто взяло и привело меня сюда... для чего? Для того, чтобы я вот так стояла и изображала дурочку? Откашлявшись, я закрываю за собой дверь и говорю:

– Да, привет. Привет, Люк.

Он хмыкает и садится, скрестив под собой ноги.

– Не беспокойся, уши он мне не оторвал.

– Какие уши?

– Мои, – Люк зачем-то дёргает себя за правую мочку.

– А, – я чувствую, как краснею. – Прости, я просто... немного растерялась. И испугалась. И вообще, я не думала, что *он*, — я чувствую, что в этой комнате есть какое-то негласное правило не называть Билли по имени, и охотно ему следую. – Что он вот так накинется на тебя, в общем.

– Не беспокойся об этом. Я сделал то, что должен был, –

говорит он, и *что-то* заставляет меня поверить ему. Хотя, как я могу не беспокоиться, когда здесь, в корпусе, где ребята должны стоять друг за друга горой, постоянно происходят драки?

Как будто заранее зная, что я хочу сказать, Люк продолжает:

– Не оправдывайся, Кэтрин. Я прекрасно понимаю, почему ты позволяешь миссис Лонг наказывать меня, а не Билли.

– Ты... понимаешь?

– Да, мозги *он* мне пока не вышиб, – снова шутит Люк, и я неприлично широко улыбаюсь. Лучше бы мне плакать, чем улыбаться, когда речь заходит о *нём*. Но так трудно сдерживать улыбку, когда на тебя устремлены искрящиеся глаза Люка – несмотря на всё, что произошло.

– Спасибо. Я надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь.

– Лучше, чем час назад, – он склоняет голову набок. – И новые уши, вроде бы, уже отросли.

Мы одновременно смеёмся, и, кажется, он правда не держит на меня зла. И это настоящее чудо.

– Ладно. Я просто хотела сказать, что Зои хотела бы поиграть с тобой на рояле, – наконец говорю я, но Люк лишь разводит руками.

– Я наказан.

– Я освобождаю тебя от наказания, – я делаю взмах невидимой волшебной палочкой, но на него моё волшебство почти не действует. Мне стыдно, очень стыдно. Но что-то в гру-

ди сильнее стыда.

– У нас не будет проблем с миссис Лонг из-за этого?

– Если что-то пойдёт не так, я всё улажу.

– Постарайся, пожалуйста, а то книга скоро закончится.

Я хихикаю, но почти сразу замолкаю. Мы совершаем огромную ошибку, переводя такие вещи в шутку – и поэтому иногда мне кажется, что их просто-напросто не было.

– Тебе смешно? – шутливо возмущается Люк.

Я молча разворачиваюсь и выхожу в коридор. Когда я слышу, как Люк спрыгивает с кровати и идёт за мной, уголки губ сами тянутся вверх. Мы тихо, постоянно оглядываясь, добираемся до музыкального зала, где нас уже заждалась Зои, и, когда двери за нами захлопываются, я осторожно поворачиваю ключ. Люк бросает на меня удивлённый взгляд, но ничего не говорит. А этот парень, оказывается, заядлый оптимист, раз думает, что Билли по достоинству оценит наше совместное занятие. Увидев Люка, Зои спрыгивает с банкетки и со всех ног несётся к нему, широко раскинув руки. Мне даже приходится нырнуть за ряд кресел, чтобы девочка вдруг не повалила меня на пол.

– Наконец-то ты пришёл! – прижимается она к Люку, и он нежно гладит её по голове. Никогда бы не подумала, что буду завидовать ей.

Стоп, я что, завидую Зои только потому, что её гладит Люк?

Мы подходим к роялю и втроём устраиваемся на длинной

банкетке – мы с Зои по краям, а Люк между нами. Надо же, за несколько дней я успела забыть, как приятно сидеть рядом с ним. Я смотрю на Зои, надеюсь выяснить, ощущает ли она то же самое. Но Зои просто напевает себе под нос. Значит, я одна чувствую *это*.

Но я пока что не могу понять, что именно.

– Люк, Кэтрин готова позаниматься с тобой, – Зои сдаёт меня с потрохами, и мы все одновременно заливаемся смехом. Смех Люка такой искренний. Я могу обращать внимание только на него.

Я ставлю руки на клавиатуру, но парень возражает:

– Пока что будем тренировать исключительно правую. Ты же правша?

– Да, – я киваю и убираю одну руку. – А почему только на правой?

– Ей придётся вести мелодию.

– Хорошо. И что мне надо делать?

Люк, ненадолго смутившись, все же решается коснуться моего запястья и чуть приподнять его, как это делала Зои. Это странно, но, пока его пальцы на моей руке, я почему-то чувствую их везде. Повсюду. У предплечья, как будто Люк прямо там. У груди. В нижней части живота. Щекотно, но невероятно приятно.

– Задержи руку в таком положении, – он останавливает моё запястье над клавиатурой, не отпуская его. – Теперь округли пальцы.

Я едва могу шевелиться. И это не похоже на оцепенение от ужаса, когда меня касается Билли, это что-то совершенно другое. Сейчас всё мое тело наслаждается прикосновением Люка, каждым мгновением, пока его тепло передаётся мне. Я округляю пальцы, и, судя по тому, что Зои снова готовится поправлять свой невидимый галстук, делаю это неправильно.

– Это ты её научил? – спрашиваю я у Люка.

Его голос над самым моим ухом отвечает:

– Да, а что?

Хочется сказать, что это выглядит забавно и мило, но кажется, что я не смогу. Язык совсем меня не слушается.

– Ничего. Должно быть, я неправильно округляю пальцы?

– Ты права, – соглашается Люк. – Расслабь их.

Я следую его указанию. Чувствую, как тяжелеет кисть, но Люк продолжает подпирать её.

– Примерно в таком положении должна быть рука во время игры. Кисть должна свободно ходить вдоль всей клавиатуры и ни разу не упасть.

– Где ты всему этому научился?

– У миссис Лонг оказалось очень много книг, в том числе по игре на фортепиано.

Я могла догадаться об этом, но сейчас не могу думать ни о чём другом, кроме прикосновения, которое разливается по всему телу.

– Попробуй провести вдоль клавиатуры рукой.

Я отрываюсь пальцами от неё, и моя рука летит над клавишами – не без помощи Люка.

– Вот так, – он ведёт руку к себе, а затем от себя.

Я не могу оторвать глаз от его ветвистых вен под белой, точно мрамор, кожей.

– Молодец, Кэтрин, – подбадривает меня Зои, и я благодарю её. – Я же говорила, что у тебя всё получится!

Люк останавливается и говорит:

– Теперь попробуй сыграть гамму. Пока что играй только на белых клавишах.

Даже рядом с Зои я чувствую себя ребёнком, но всё равно решаю попробовать. По крайней мере, это должно быть не слишком тяжело, да и на худой конец смеяться тут некому. Нажав большим пальцем на «до», я медленно, дождавшись кивка Люка, добираюсь мизинцем до «соль», но чувствую, что в чём-то ошиблась.

– В гамме восемь нот, – подсказывает мне Зои.

Хоть у меня и проблемы с математикой, я понимаю, что прозвучали далеко не все. Мне хочется играть дальше, но пальцев просто-напросто не хватает. Я растерянно перевожу взгляд на Люка, который, судя по хитрому выражению лица, ожидал этого.

– Сейчас я научу тебя аппликатуре.

– Что такое аппликатура? – я еле выговариваю это с первого раза.

– Так называют порядок пальцев при игре, – Зои опере-

жает Люка, и он подставляет ей кулак. Зои стучается с ним.

– Моя школа, – кивает он в сторону девочки.

Из Люка вышел бы хороший учитель. Ещё никто из ребят не ладил с Зои так же хорошо, как он, хотя с ней и так довольно легко общаться. Да и я не прогуливала бы ни один урок. Люк несколько раз перебирает моими пальцами клавиши, а потом, когда настает моя очередь, он говорит мне не играть, а только касаться кончиками клавиатуры.

– Так?

– Всё верно, – Люк отпускает моё запястье. – Теперь попробуй сыграть.

В голове мелькает мысль, что можно специально слишком сильно расслабить кисть, чтобы она упала, и Люку пришлось бы коснуться меня. Но я этого не делаю: это было бы слишком эгоистично. Я успешно играю гамму от «до» вперёд и без особых проблем возвращаюсь назад.

Я так долго ждала момента, когда смогу сесть и по-настоящему поиграть, и вот это случилось! Но ещё, сама того не подозревая, я ждала момента, когда Люк снова окажется так близко ко мне.

– Тебе нравится? – спрашивает он, когда я снимаю руку.

– Очень.

– Мне тоже, – признаётся он, и я таю. – Будешь ещё заниматься с нами?

– Обязательно буду. Спасибо за занятие.

Я поднимаюсь с банкетки и расправляю платье.

– Кэтрин, – зовёт меня Люк, и я поднимаю голову.

– Да?

– Не забудь про домашнее задание, – шутит он.

Теперь я, конечно же, ещё не раз за лето спущусь в музыкальный зал, чтобы поиграть на рояле. Пусть я пока что могу играть одну гамму, но это уже лучше, чем ничего. Это лучше, чем просто мечтать прикоснуться к музыкальному инструменту.

– Будь собой, – вдруг произносит Люк.

– Что? – переспрашиваю я.

Он разворачивается на банкетке и поясняет:

– Это твоё домашнее задание. Будь собой, и все стены, которыми тебя окружили, разрушаться.

Очень метафорично. Этому его Николас Спаркс, небось, научил.

Люк с Зои встают с банкетки, и мы вместе спускаемся к рядам. Кто знает, может, через много лет мы вновь втроём спустимся со сцены, окружённые букетами и жаркими аплодисментами. Люк уходит в свою комнату, а я никак не могу заставить себя подняться наверх – всё смотрю ему вслед.

Глава 11

Проснуться здорово помогает горячий душ – либо я неправильно настроила температуру, либо смеситель снова барахлит. Узнай об этом Джейкоб, я бы давно стала героиней самых «оригинальных» анекдотов. Так или иначе, надолго задерживаться в ванной не хочется, поэтому я, тщательно вымыв голову, обливаюсь ягодным гелем и на скорую руку прохожусь по телу мочалкой. Нырнув в чистую одежду, юбку, в которой я в прошлый раз ездила в Хантингтон, и белую блузку, я поднимаюсь к себе в комнату, чтобы забрать сумку и заодно причесаться.

Я в последний раз смотрюсь в зеркало перед выходом. Надо же, только вчера я видела в нём девушку с покрасневшей от слёз кожей, с большими мешками под глазами, а теперь на меня как будто смотрит другой человек. Может, во внешности мало что поменялось: я всё так же беспокойно сплю и так же часто плачу. Но в отношении к себе точно есть перемены.

Почему-то я уверена, что на меня подействовал Люк. Быть собой – не стыдно, и он всеми силами старается доказать мне это. Мне остаётся только поверить. И, кажется, у меня получается. Тяжело поверить в то, что я – это не только волосы, летящие по утрам во все стороны, или туфли на застёжке, которые вообще-то натирают. Это ещё и мои страхи.

И я спрашиваю себя: чего ты боишься, Кэтрин?

Ответ не заставляет себя долго ждать, хотя было бы странно, если бы было иначе. Последние несколько лет я только и делаю, что вспоминаю Билли Акерса, когда кто-то повышает голос на улице или случайно задевает меня плечом в школьных коридорах. Я боюсь парней и осознаю это. Но Люк... его я... терплю? Принимаю? *Желаю?* Что бы это ни было, это точно не страх. Прикосновение Люка совсем другое, не такое, как у Билли. Да я же сравниваю перо с лезвием! Когда Люк коснулся моего запястья, я даже не дрогнула – разве что от удовольствия. Мне хотелось ощущать его всё больше с каждой секундой.

Может, я больше не боюсь?

Я наклоняюсь к зеркалу и внимательно смотрю на Кэтрин в отражении. Точно! Её голубые глаза горят смелостью!

Нет сомнений, Люк сделал это со мной. С ним я стала другой. Пока я с ним, мне не приходится фальшивую улыбаться, заботиться о своей красоте – я точно знаю, что Люк будет общаться со мной вне зависимости от того, как я выгляжу: оставила я макияж или смыла, переоделась в короткое платье или осталась в банном халате. Он просто волшебник какой-то.

Я брызгаю духами, беру сумку и выхожу из комнаты.

Серые тучи, подгоняемые ветром, тяжело наваливаются друг на друга, заслоняя солнце. Даже трава сегодня шелестит как-то беспокойно, а раскачивающиеся деревья вместе

создают жуткий гул, среди которого выделяется только чирикание маленьких пташек, торопящихся спрятаться от надвигающейся непогоды.

Хочется спрятаться в каком-нибудь укромном местечке вместе с ними и забыть о фотосессии. Посидеть час-другой, и дальше думая о том, как здорово было играть на рояле, ощущая смелость каждой клеточкой своего тела и представляя, что меня ждёт впереди. Меня что-то ждёт впереди! Давно я не думала о будущем в позитивном ключе.

Но мне нравится представлять, что я занимаюсь тем, что мне нравится. Что я играю на рояле почти так же хорошо, как Зои или – как я смею об этом мечтать? – как Люк. Что закапываю вечеринки так же громко, как Морис с Бет. Что делаю чизкейки с такой же любовью, как и повариха Хью. Хотя последнее, наверное, всё же лишнее. Мне больше не нравится улыбаться, когда скажут, и не нравится грустить только из-за того, что нужно чему-то там соответствовать.

Рука как будто сама достаёт смартфон и печатает сообщение для Энн. **Привет. Не жди меня сегодня**, отправляю я, но следом дописываю, **Приболела**. Коленки трясутся, но это не заставляет меня отказаться от задуманного. Я быстро получаю ответ – Энн расстроена, но надеется, что я смогу появиться на следующей фотосессии. Я шлю ещё несколько грустных смайликов и желаю Энн хорошего дня, а сама плетусь по тоненькой извилистой тропинке к Ривер Фосс.

Сердце грохочет не то от страха, не то от возбуждения. Не

могу поверить, что я вправду спускаюсь к реке вместо того, чтобы идти к автобусной остановке, взять невкусный кофе и побеседовать с мамой о Морисе.

Связь пропадает, и я прячу телефон назад в сумку. Делаю глубокий вдох – свежий запах речки вмиг заполняет лёгкие, и я, раздвигая высокие заросли, выхожу на берег. Всего в десяти шагах суетятся ребята, а уж в Хантингтоне жизнь и вообще бьёт ключом. Здесь же, где над водой сгущается туман, а вдалеке крикают утки, царит умиротворение. Хочется снять обувь и бежать босиком по траве, не боясь ни острых камней, ни крапивы. Веет прохладой, и прозрачная водная гладь покрывается частой рябью. И, как ни странно, сейчас мне хочется быть именно тут.

Я присаживаюсь на траву и начинаю подбирать с земли мелкие камешки. Бросая их в воду один за другим, я просто наслаждаюсь. Будь здесь интернет, я бы включила музыку. Некоторые песни настолько мне нравятся, что я не могу перестать напевать их. Может, меня не наделили музыкальным слухом, и я попадаю в ноты лишь отчасти, но я точно не прекращу.

Как же много во мне странностей!

Позади шуршат камыши, и я быстро подскакиваю на ноги. Только и успеваю отряхнуться перед тем, как позади раздаётся голос Люка.

– Кэтрин?

Я оборачиваюсь и ловлю его растерянный взгляд. Люк

ждёт, когда заговорю я, а я дожидаюсь, когда начнёт он – со стороны это выглядит глупо, и мы оба понимаем это. Но никто из нас не нарушает молчания. Не хочется.

– Что ты здесь делаешь? – всё-таки спрашивает Люк. – Разве ты не должна быть на фотосессии?

Он подходит ко мне и присаживается на землю. Я интуитивно опускаюсь за ним. Рукава старой рубахи, под которой надета серая футболка, Люк закатал до локтей, оголив предплечья.

– Должна, – отвечаю я. – Но кое-кто дал мне вчера очень захватывающее задание, и я просто не могу оторваться.

– От того, кто дал задание? – шутит Люк.

Я пытаюсь подавить нелепый смешок, но он всё равно вырывается. Мой звонкий смех всё льётся, а я никак не могу остановиться. Легко пихаю парня в бок и отвечаю:

– Именно, – ведь он попал в яблочко. – И от задания тоже.

– Вот как? – он резко поворачивается, и я отсаживаюсь.

Не хочу показаться ему сумасшедшей – только я могу так открыто пялиться, разглядывать его кучерявые волосы и следить за движением губ.

– Да, – я перевожу взгляд на реку.

– Значит, ты всё-таки нашла настоящую себя?

– Наверное, но ужиться с ней оказывается нелегко. Поэтому я и ушла сюда.

– Кажется, я помешал тебе болтать... с собой.

От смеха я сваливаюсь на траву и обхватываю живот дву-

мя руками. Над нами грохочет гром, а мы только смеёмся.

– Нет, я просто напевала песню, – оправдываюсь я.

– Как мило.

Люк помогает мне ужиться с настоящей собой, которая обожает играть на музыкальных инструментах, которая подолгу рассматривает пионы и наслаждается ароматом влажной земли, которая любит проводить время за городом и терпеть не может фотосессии. Люк помогает мне ужиться с настоящей собой, которая трепещет от его прикосновений, а не бросается от них в дрожь.

– А ты что здесь делаешь? – спрашиваю я, приподнимаясь на локтях.

Люк ловким движением достаёт из кармана на груди сложенный в несколько раз листок с коротким простым карандашом.

– Ты удивляешь меня всё больше. Неужели ты ещё и рисовать умеешь?

– Не то чтобы умею, просто несколько раз в неделю прихожу сюда, чтобы попрактиковаться.

Это кажется мне логичным: все столы вечно заняты раскрасками Луизы и Зои, да и в одной комнате вместе с ребятами из детского дома не сосредоточишься.

– И что ты обычно рисуешь?

– Природу, – Люк обводит рукой берег. – Иногда людей.

– Людей? – я не наблюдаю вокруг никого, кроме нас.

– Прости, я не так выразился. Обычно я сам придумываю

их.

– И сейчас ты пришёл порисовать природу?

– Могу и тебя нарисовать, – Люк заигрывает со мной, и я чувствую, как розовеют щёки. – Ты очень красивая.

– Правда?

– Неужели я опять тебя удивил? – он отсаживается чуть дальше от меня и широко улыбается.

– Не то слово.

Начинает моросить. Бесконечное множество маленьких водоворотов бурлят всего в нескольких метрах от нас.

– Хочешь, удивлю ещё раз? – неожиданно спрашивает Люк, поднимаясь и протягивая мне руку. Что он задумал?

Не догадываясь, к чему всё идёт, я осторожно вкладываю в его ладонь свою. Мы вместе встаём, и, когда я закидываю сумку на плечо, Люк уводит нас прочь. Берег, река и гогочущие утки остаются позади, пропадают за тянущимися вверх камышами. С каждым шагом чаща, окружающая нас, становится гуще. Под жужжание насекомых, мечущихся над кустарниками, хруст лежащих в ногах веточек и свист ветра мы уходим всё дальше, а Люк так и не отпускает меня.

И меня поражает, что я не отпускаю его.

Мы оказываемся на нехоженой тропе среди высоких стеблей и прыгающих лягушек. Дождь начинает усиливаться, и моя кожа стынет под холодными каплями.

– Тебе холодно, – говорит Люк, вынимая из кармана бумагу с карандашом и скидывая с себя рубашку. – Вот, возьми!

– Не нужно, спасибо, – отказываюсь я, но он не отступает, – хорошо, хорошо.

Сделав последний вдох, я сжимаю в руках его рубашку и встряхиваю её перед собой. Она выпрямляется, и теперь я с удовольствием укутываюсь в неё, как в тёплый плед. Да, она тонкая и дешёвая, зато хорошо пахнет. Даже слишком хорошо, признаюсь я себе. Это слаще, чем дождь, и приятнее, чем запах свежего хлеба. *Это Люк.*

Мы идём дальше, пока он вдруг не останавливается перед маленькой полянкой. Вокруг ничего нет, одна только трава, трава, трава и хмурое небо где-то высоко над головой.

– Здесь жутко, – замечаю я.

Люк смело заявляет:

– Без тебя – может быть.

– Ты безнадёжный романтик!

Небо вспыхивает молнией, на секунду озарившей силуэт парня. Дождь льёт как из ведра, и причёска Люка теряет своей объём за мгновение, как и моя.

– Только не бойся, – приговаривает он, поднимая руку к моей щеке. – Это обыкновенный фокус.

Я киваю, и Люк подходит ещё ближе. Перебирая пряди моих волос, он словно изучает меня, как какой-то экспонат. Его пальцы тёплые и греют кожу. Я подаюсь вперёд, почти вжимаясь щекой в подушечки его пальцев, ведь они такие горячие. В следующий миг Люк достаёт из-за моего уха сорванную фиалку, и я вскрикиваю от неожиданности.

– Кажется, это твой любимый цветок, – медленно произносит он.

Люк протягивает мне фиалку, и я, перебирая лепесток за лепестком, вслушиваюсь и понимаю, что каждый шуршит по-особенному. Я слышу это даже сквозь грозу и ливень. Невероятно.

– Кэтрин?

– Да? – я поднимаю голову.

Люк присаживается на одно колено прямо на мокрую траву, подбирает кусок древесной коры и кладёт на него бумажный листок.

– Не шевелись.

– Люк, я...

Я не знаю, как правильнее выразить то, что я чувствую. Это похоже на бурю с её громом, грозой, ливнем, ветром, только всё удивительным образом умещается внутри меня.

Люк опускает голову и начинает выводить линии на влажной от дождя бумаге. Я внимательно слежу за тем, как медленно, но верно на ней проявляются мои черты. Лицо, шея, грудь – набросок превращается в девушку, которая стоит напротив Люка. Капли скатываются по его лицу, но он всё не останавливается.

– Люк?

Это не похоже ни на одну фотосессию, на которой я была. Сейчас я открыта Люку настолько, насколько не была открыта ещё никому. Каждый изгиб, каждый мой сантиметр,

который он выводит на бумаге, такой же, как в жизни. Это талия без тугого корсета, родные ресницы, растрепавшиеся волосы – всё это настоящее, естественное, такое, какое дано от рождения.

– Чудо! – восхищается он, оторвавшись от листка, и меня будто пронзает ток.

Ручьи дождя бегут по моему лицу, но я и бровью не веду. Я очарована Люком, а он очарован мной. Когда он говорит хоть слово, меня одолевают мурашки, которые я очень боюсь спугнуть.

– Почти готово, – Люк отрывает карандаш от насквозь промокшего листочка. – Остался последний штрих.

Издалека замечаю, как он подрисовывает фиалку мне над ухом. Когда гроза раздаётся вновь, Люк подскакивает с колен, суетливо сворачивает рисунок и вручает его мне.

– Сейчас он промок, – он пытается отдышаться. – Высуши его, когда будешь в комнате.

Цветок падает из моих рук, когда я принимаю сложенную бумагу. Мы выходим на тропинку и бредём к детскому дому мимо зарослей.

– Ты боишься грозы? – спрашиваю я.

– С чего ты взяла?

– Я видела, как ты подпрыгнул, когда загрохотало в небе, – ливень перебивает меня.

– Это долгая история, – отмахивается Люк.

Я возражаю:

– Но мы никуда не торопимся.

Мне так хочется знать о нём всё, что только можно. Я подступаю к Люку, заглядываю прямо в глаза, и моя голова идёт кругом. Его губы так близко. Кажется, что стоит только пригнуться на носочки, чтобы накрыть их своими.

– Ты вся промокла, – напоминает мне он.

Это не мешает остаться на улице подольше и послушать его голос. Что бы он ни сказал, мне это понравится.

– И всё же я не хотел бы об этом говорить, – Люк делает шаг в сторону, и я, пересилив себя, унимаю любопытство. Любопытство и дикое желание поцеловать его.

Я хотела *поцеловать* его?

Я громко вздыхаю и отстраняюсь. Мы выходим к детскому дому, но Люк поворачивает за угол.

– Ты куда? – спрашиваю я, пытаюсь перекричать грозу.

Люк разворачивается. Его руки спрятаны в карманах насквозь мокрых джинсов.

– Билли порвёт меня на части, если мы зайдём вместе.

Думаю, он прав.

– Иди, я найду через двадцать минут.

– Но что ты скажешь моей бабушке, если она спросит, где ты был?

– Скажу, что сидел в оранжерее. Обычное дело, должно сработать, – уверяет меня Люк. Мне очень хочется остаться, но, представляя, сколько тогда к нам возникнет вопросов, я разворачиваюсь и бегу к корпусу.

Сидя на пуфике в холле, я мысленно всё ещё нахожусь на той полянке, смотрю в глубокие карие глаза, держу в руках цветок и вдыхаю сладкий аромат реки, перемешавшийся с одеколоном. И даже стоящий в игровой страшный гул не может спустить меня с небес на землю. Всего час назад я мечтала снять туфли раз и навсегда, а теперь боль натёртых мозолей кажется мне ничтожной по сравнению с чувством, оставшимся после расставания с Люком. Слова, которые я должна была произнести, вертятся на языке, и вроде бы я их даже не боюсь, но... сказать-то их некому. Хочется встать с проклятого пуфика, пойти наперекор судьбе и бежать, бежать, бежать прямо к Люку. Хочется обнять его, сказать, что он мне нравится, и нравится любой: молчаливый и разговорчивый, скованный и открытый, со страхами и без них. Мы бы вышли на берег Ривер Фосс, переплыли бы реку, сделали бы тысячу сумасшедших вещей просто потому, что можем. Интересно, наш поцелуй был бы в этом списке? После этой мысли грудь вспыхивает, как от жгучей приправы миссис Хью.

Я беру туфли и неохотно поднимаюсь на ноги. Из холла плохо видно, что происходит в игровой, но шум стоит такой, будто Луиза с Зои создали сотню своих маленьких клонов. Застав девочке на диванчике под окном, я даже на секунду пугаюсь, что они видели нас с Люком. Но волнение быстро отступает: густой сад загораживает весь вид, сквозь который ребята уж точно не разглядели, как мы с Люком шли по тро-

пинке от Ривер Фосс.

– Привет, Кэтрин, – кричит меня Зои.

Зои всегда такая милая. Я даже не знаю, как отблагодарить её за то, что она не обозлилась, как это сделали Акерс и его дружки. Может, я куплю для неё новые резинки для волос или подарю несколько кукол на приближающийся Хэллоуин. Зои хоть и маленькая, но уже знает, что нельзя следовать за толпой. Когда все в детском доме отворачиваются от Луизы, она продолжает с ней играть. Когда все отворачиваются от Люка, она продолжает с ним заниматься.

– Кэтрин, – позади раздаётся бас Билли. – Почему ты вернулась?

Я больше не хочу с ним разговаривать. Ни с ним, ни с кем-либо ещё, кроме Люка. Я быстро поднимаюсь по лестнице и оказываюсь на втором этаже.

Акерс следует за мной:

– Не смей убегать от меня, Кэт! – угрожающе кричит он мне вдогонку, но я больше не боюсь его.

Разве что чуть-чуть. Он всё же оставил свой след.

– Почему ты в его чёртовой рубашке? – возмущается Билли, проходя за мной в коридор.

Я врываюсь в свою комнату и, захлопнув дверь, несколько раз круто поворачиваю ключ в скважине. Акерс со всей силы ударяет в дверь, и я вздрагиваю. Он стучит снова и снова, провоцируя нескончаемые взрывы в груди. Сердце гремит, а кровь стынет при одном представлении, на что он способен

в таком состоянии. Ручка начинает хлипко дёргаться. Положение защёлки неизменно, но, боюсь, если Билли продолжит выламывать мою дверь, то он своего добьётся.

– Уходи, – кричу я. – Просто уходи, оставь меня в покое!

– Ты в его чёртовой рубаше, да я порву вас обоих! – Билли колотит дверь ногами и руками так, что бедные петли ходят из стороны в сторону.

– Тогда можешь начать с меня, – я прислоняю ухо к двери в надежде услышать, как он закипает, и Билли ударяет кулаком прямо туда, где я и ожидала этого. Прямо как в фильме ужасов – самом дешёвом фильме ужасов, который я знаю.

Я издаю нервный смешок и продолжаю:

– Я сказала тебе уходить, – почти повелительным тоном говорю я.

Билли агрессивно дёргает за ручку, и я слышу, как начинают гнуться старые болтики.

– Я сказал тебе не возиться с другими парнями! – рывкает он.

– Ты больше не в праве указывать мне, с кем возиться, а с кем нет!

И никогда не должен был. Я сама виновата, что так близко подпустила его к себе. Мои руки дрожат, сжимая рисунок.

– Ты была с ним на улице, да? – не понимаете Акерс. – Ведь он до сих пор там, верно? Это из-за него ты пропустила фотосессию?

– Я не собираюсь разговаривать с тобой, до тебя ещё не

дошло?

– Я прямо сейчас спущусь к Ривер Фосс и надеру ему задницу!

Акерс в последний раз ударяет кулаком перед тем, как развернуться и уйти – уйти! По-настоящему, потому что я сумела сказать ему «нет»! Он ушёл, потому что потерял надо мной контроль. Я повторяю эти слова про себя, как мантру.

Взяв фен, я подключаю его к сети, включаю на минимальную мощность и начинаю сушить рисунок Люка, который уже успела несколько раз смять и столько же раз расправить.

Внизу входная дверь хлопает так, что в раме моего окна дрожат стёкла. Сверкнувшая в небе молния на миг озаряет всю комнату. Тени пробегают от пола до потолка и испаряются так же быстро, как и появляются. Я одна – одна! – и я всё ещё не могу в это поверить. Билли, как идиот, побежал к Ривер Фосс, даже не зная, что Люк сейчас в оранжерее.

...ведь он там, правда?

Я бросаю фен с рисунком на столе и подхожу к окну. Широко распахнув створки, я наклоняюсь через подоконник и позволяю дождю вновь потеряться в моих волосах. Ливень становится сильнее, вода льётся непроглядной стеной, но я не сдвинусь с места, пока не рассмотрю Люка среди зелёных зарослей оранжереи. Но, даже встав на носочки, я не замечаю внутри диванчика. Неужели это бесполезно? Но тогда нужно либо дальше сидеть здесь без дела, либо вытащить оттуда Люка, пока Билли не добрался до него.

Я выключаю фен – рисунок почти высохнул – и иду к выходу. Выбрав лёгкие кеды и поправив волосы, как будто это поможет исправить катастрофу на моей голове, я тихо выхожу в коридор. На пути к лестнице, ведущей к запасному выходу, никого, и, воспользовавшись этим, я спускаюсь вниз. В коридоре как никогда темно, и я чуть не пропускаю несколько ступенек.

Толкнув дверь, которая, к счастью, оказывается незапертой, я вылетаю в сад. Рубашка Люка мгновенно промокает, но я продолжаю бежать по грязной дорожке, не обращая внимания на дождь. Когда над деревьями вырастает купол, а стеклянные стены начинают мелькать между стволами, я, поднатужившись, перепрыгиваю через клумбу и всем телом наваливаюсь на скользкую от воды дверь. Слетев с петель и снеся пару маленьких горшков, она отлетает к стеллажу с садовыми инструментами и звонко-звонко разбивается. Осколки расстилаются вокруг меня сверкающим ковром.

Люк испуганно подскакивает с диванчика.

– Кэтрин?

Я поднимаю на него глаза, и что-то толкает меня ближе. Без особой осторожности переступив через хаос под ногами, я подхожу к Люку и, положив руки ему на плечи, одним рывком притягиваю его к себе. Он не успевает сделать ни вдоха перед тем, как я накрываю его губы своими. Сладкий стон, давно стесняющий грудь, наконец освобождается и произносит вместо слов: «Я тебя люблю!». Люк берёт мои руки в

свои и медленно, не отрываясь, ведёт нас вглубь оранжереи.

Неуклюже проваливаясь в темноту, мы вразвалочку добираемся до диванчика и с пущей силой вдыхаем в нас любовь. Словно пьянея, мы падаем, но не чувствуем этого. Перед моими глазами нет ничего важнее Люка, как и перед его – меня.

Может, это обыкновенное влечение? Точно нет. Если бы это было влечение, я бы не стремилась разгадать Люка, как тайну, прочитать, как детектив – мой *любимый* детектив. Мне бы не хотелось, чтобы он трогал меня так, как сейчас, мне бы не хотелось играть с ним на рояле, сидеть рядом на траве и отпускать глупые шутки только потому, что они смешнее умных. Когда он смеётся, когда делает комплименты, помогает в саду или учит играть на фортепиано, я начинаю уважать себя. Я начинаю любить себя.

И, конечно, его.

Но готов ли к этому Люк? Готов ли он признать, что на него запала самая популярная девушка школы, что на него запала внучка директора детского дома? Наши поцелуи порождают миллионы вопросов, но они же на них и отвечают. Да, определённо. Он бы давно оттолкнул меня, сказал, что я спятила, что сама себе нафантазировала любовь. Но он не делает этого.

Ему даже не страшно думать о том, что где-то рядом ходит разъярённый Билли, что он вот-вот обнаружит нас вместе и прикончит. Вот, что значит любовь. Она срывает крышу, лишает рассудка, оставляет только сердце – бешено ко-

лотящееся сердце, которое я слышу сквозь ливень и скрип старого дивана.

Я отстраняюсь от Люка, но не перестаю смотреть в его глаза – его глубокие карие глаза, в которых я готова утонуть, – и понимаю: я хочу, чтобы они смотрели на меня каждый завтрак, каждый урок на рояле, каждый, каждый, каждый...

– Ты невероятная, – медленно произносит Люк, заставляя меня наслаждаться каждым словом.

Я запрокидываю мокрую прядь за ухо и смущённо отвечаю:
– Ты тоже.

По стеклянному потолку тарабанят дождевые капли, точно наигрывая собственную мелодию. Молния на секунду развеивая полумрак, затем раздаётся разрывающий небо гром. Люк вздрагивает – на этот раз я точно замечаю это.

– Я с тобой, – я поднимаю руку и касаюсь его щеки. – Что бы ни произошло, я рядом, слышишь?

Вдохнув поглубже, Люк спрашивает:

– Почему ты вернулась?

– Завершить начатое, – смеюсь я. – И предупредить, что Акерс... в общем, нам надо спрятаться.

– Зачем?

В тот же миг в оранжерею врывается бабушка. Люк вскакивает на ноги, а я продолжаю сидеть и думать, что у нас всё ещё есть время. Проходит пара секунд, прежде чем я осознаю: бежать некуда. Бабушка, вся промокшая, стоит в дверном проёме и, глядя на нас, выжимает свою накидку.

– Это вышло случайно, миссис Лонг, – начинает оправдываться Люк, и только тогда бабушка замечает, что от двери, как и от пары маленьких горшков, остались одни осколки.

Я поднимаюсь с диванчика, и она переводит взгляд на меня. Даже через запотевшие стёкла очков я замечаю, как округляются её глаза, но слишком поздно понимаю, почему – ведь я в насквозь мокрой рубашке Люка. Бабушка растерянно смотрит то на меня, то на Люка, и никак не может выбрать, с кем же заговорить.

– Кэтрин, – не так строго, как ей самой хотелось бы, обращается она ко мне – к тому же раздавшийся гром обрывает её на полуслове. – Почему ты не на фотосессии?

– Плохо себя чувствую, – вру я, виновато сцепив руки в замке.

Она смотрит на меня с прищуром, но я себя не выдаю. Люк никак не комментирует мои слова – за что ему огромное спасибо.

– Тогда что ты делаешь здесь?

– Прячусь от дождя.

– Почему ребята сказали мне, что ты была у себя?

Вот же чёрт. Кажется, я по-настоящему влипла.

– Я оставляла сумку в комнате перед тем, как пойти сюда.

Люк маячит вокруг диванчика, что-то тщательно обдумывая.

– Что ты делаешь с ним в оранжерее?

– Ничего.

Но бабушка не сдаётся.

– Я запретила Люку говорить с тобой. Вы с Билли сами жаловались на него, – напоминает она, подходя ближе к нам, – молодой человек, соизвольте подойти в мой кабинет после разговора, – бабушка вдруг обращается к Люку, и он послушно кивает.

– Это я разбила чёртову дверь, – мне начинает надоедать весь этот спектакль.

Люк останавливается рядом со мной и уже открывает рот, чтобы возразить, но бабушка, поправив запотевшие очки, опережает его:

– Я вызываю его по другому вопросу, Кэтрин.

– И по какому?

– Это уже не твоё дело, – грубеет она, и я делаю шаг назад.

Люк осторожно берёт меня под локоть и отводит назад к диванчику. Мы вместе присаживаемся, и я, к удивлению Люка, утыкаюсь лицом в его плечо. Запах его футболки, тепло его тела, в конце концов ещё один поцелуй – это всё, что мне сейчас нужно.

– Где Билли? – тихо спрашиваю я.

– Луис привёл его назад, – отвечает бабушка. – Вам нужно сейчас же вернуться в корпус.

Мы поднимаемся и все вместе выходим из оранжереи. Дождь быстро смывает с моих губ вкус Люка, и я жалею, что не целовала его больше – пока было время. Но пламя, которое разгорелось между нами, не потушить уже никому.

Бабушка отправляет Люка к себе в кабинет, а меня – в игровую, где непонятно зачем собрались все ребята. Когда я вхожу, все разговоры прекращаются – один только Джейкоб смеётся, как сумасшедший, когда замечает на мне рубашку Люка. Я показываю ему за спиной средний палец под тысячу удивлённых вопросов малышки Зои и встаю в углу игровой. Наверное, я не должна была этого делать, но иногда одной просьбы заткнуться просто недостаточно. Луис бросает на меня укоризненный взгляд, от которого любая другая девушка упала бы в обморок, но мне всё равно. Прикусив язык, чтобы не наговорить лишнего, я отворачиваюсь и скрещиваю руки на груди.

Бабушка встаёт в центре комнаты и подзывает к себе Луиса. Что-то шепнув ему на ухо, она отходит к остальным и ждёт, когда Луис начнёт. По игровой прокатывает волна разговоров, которую бабушка, шикнув, останавливает – но слишком поздно, потому что я успеваю услышать слово «вечеринка».

– Серьёзно? – громко спрашиваю я. – Вы решили обсудить вечеринку? *Сейчас?*

Иногда... нет, меня *всегда* удивляет, что всем проще сделать вид, будто ничего не произошло, будто никакая дверь оранжереи не разбилась и, в конце концов, будто наш мир не покотился к чертям, чем хотя бы что-то предпринять.

Неуютную тишину, зависшую в воздухе, нарушает только ритмичный стук капель по подоконнику и гром, заставляю-

щий стены ходить ходуном. Бабушка прочищает горло и говорит:

– Мы можем обсудить это потом, Кэтрин?

О, наверное, сейчас над её головой должен появиться нимб!

– Нет, не можем, – огрызаюсь я.

– Кэтрин, пожалуйста, не веди себя по-детски.

Я фыркаю и снова отворачиваюсь. Пока все, как один, сидят, поджав уши, Луис начинает:

– Июнь подходит к концу, а мы всё ещё как следует не поселились. Мы с миссис Лонг поговорили и... решили закатить вечеринку послезавтра вечером.

– Нашли время, – бубню я.

– Приглашены все, – многозначительно добавляет Луис, и я чувствую, как пара-тройка взглядов падает на меня.

– Тогда не нужно было начинать объявление без Люка.

Вдруг где-то в игровой, среди ребят, Джейкоб буквально взрывается от смеха. Кровь приливает к лицу, и я вправду начинаю чувствовать себя немного по-детски – как будто это я хохочу на весь корпус, надрывая живот, или наблюдаю за кем-то, сгорбившись сидя в углу, прямо как Билли. Но я знаю: это обманчивое чувство. Все хотят, чтобы я сдалась, – но не дождутся, я даже глазом не моргну!

– Это несправедливо. Почему он там, а мы – здесь?

– А ещё миссис Лонг разрешила съездить в Хантингтон за костюмами, – заканчивает Луис, не обращая на меня вни-

мания.

– Тогда я поеду с Люком.

Никогда бы не подумала, что какие-то пять слов смогут заставить всех – даже Джейкоба – замолчать.

– Это не обсуждается, – отрезает бабушка.

– Почему? Почему *ничто никогда* не обсуждается?

– Нашла время, – язвительно отвечает бабушка.

– Я хотела всё объяснить, но ты зачем-то притащила меня сюда слушать, как все, кроме Люка, собираются веселиться. Это, блин, неправильно!

– Не ты здесь решаешь, что правильно, а что нет. Луис, пожалуйста, продолжай.

– Мы с миссис Лонг собрали немного денег, и...

– Я либо приду на вечеринку вместе с Люком, либо не приду вообще, – заявляю я.

Нервно поправляя очки, бабушка извиняется перед Луисом и просит его немного потерпеть – а ещё произносит то, что заставляет сидящего где-то Билли схватиться за голову.

– Хорошо.

– Что?! – возмущается Акерс, вскакивая на ноги.

– Билли, сядь на место, – пресекает его бабушка.

Победная улыбка сама напрашивается мне на лицо. Волна шёпота вновь проносится по комнате, но я больше не роняю ни слова.

Я отталкиваюсь от стены и выхожу из игровой, несмот-

ря на просьбы бабушки вернуться. Поднимаясь к себе, я даже не замечаю, как позади стихают все разговоры. Веющая с улицы прохлада как будто уносит их с собой, оставляя меня наедине с запахом дождевой воды, застоявшимся в комнате, мыслями о Люке и моим портретом. В последний раз набрав полную грудь, я подхожу к окну и закрываю створки на ночь, а затем возвращаюсь к рисунку.

Пока меня не было, он успел просохнуть. Я провожу подушечкой пальца по каждой из линий, выведенных практически ювелирно, и узнаю в них себя. Рука Люка удивительно точно подметила мои пухлые губы, слегка растрепавшиеся волосы, даже царапины на щеке и мешки под глазами. Можно подумать, что на моём хвалёном портфолио и здесь изображены два разных человека, но нет. Дело в том, что рисунок Люка – не десятая попытка, не ретушированный снимок или глянцевая бумага, а просто я. *Настоящая.*

И Люк видит меня именно такой.

Глава 12

Я никогда не спала так сладко, как этой ночью. Я всё время думала о Люке, крепко прижимая маленький рисунок к груди. Почему мне было с ним так же хорошо, как в детстве с плюшевой игрушкой? Да потому что он – доказательство, что для Люка я не просто красивая безделушка, которой можно похвастаться перед друзьями, а нечто большее. Как только я проваливалась в сон, я чувствовала на своих губах его губы, слышала, как он виртуозно играл на фортепиано, видела, как он незаметно – как он думал – срывал фиалку и... начинал мой сон заново. Даже сейчас, когда я уже проснулась, мне кажется, что всё это повторяется. Но я рискую пропустить ближайший автобус до Хантингтона, валяясь в кровати, поэтому я всё же заставляю себя подняться.

Первым делом я выглядываю в окно, чтобы убедиться, что цветы на клумбе всё ещё живы. Пошире распахнув скрипящие створки, я вдыхаю влажный, немного солёный запах утра, и внимательно смотрю вниз. К счастью, пионы спаслись от ливня под карнизом, а вот саду досталось – он полностью утонул в лужах, и теперь в ближайшие три дня туда никто не сунется. Небо продолжает хмуриться, но, если верить прогнозу на моём смартфоне, дождя не предвидится до самого полудня.

Оно и к лучшему: сегодня нам с Люком нужно съездить в Хантингтон, а плохая погода была бы помехой и лишним предлогом для бабушки, чтобы не пускать нас. Меня пронизывает холодок, когда я вспоминаю нашу вчерашнюю ссору. Но, как бы там ни было, я буду уверенно стоять на своём. С Люком мне легко и хорошо. С ним я будто оказываюсь в другом мире – нашем особенном мире, – где нам никто не может диктовать правила.

Оставив створки распахнутыми, я отхожу к зеркалу и, расчесавшись, собираю волосы в хвост. Выглядеть хорошо – ещё одна привычка, которая досталась мне от мамы. Не семья, а эстафета какая-то! И хотя Люк уже видел меня растрёпанной, мне всё равно не хочется показаться ему неряхой. Перед тем, как спуститься в душ, я беру голубое платье и рубашу Люка, которую скрепя сердце сдаю в стирку. Она всё ещё влажная и хранит в себе запах дождя. Мне много раз хотелось надеть её перед сном вместо пижамы, но тогда я, боюсь, точно бы простыла.

За завтраком мы с Люком обсуждаем, где лучше купить ему костюм – разумеется, под любопытным взглядом Джейкоба это оказывается практически невозможным, но мы кое-как договариваемся пройти вдоль Хантингтон-роуд. Зато Билли нигде не видно. Наверное, ему просто ещё не хочется есть – на часах всего половина восьмого, – но мне проще думать, что ему стыдно смотреть мне в глаза после вчерашнего. Хотя я и сомневаюсь, что ему знакомо чувство стыда.

Люк придерживает для меня дверь, и я выхожу на крыльцо.

– Спасибо, – киваю я, и он улыбается.

– Нет проблем.

Рвущийся сквозь гремящие ворота ветер буквально выдёргивает нас во двор. Я спрыгиваю с последней ступеньки и ловлю воздушный поцелуй от фиалок.

– Как вкусно пахнет, – говорю я, закрывая глаза от удовольствия. Если бы не показавшийся вдалеке автобус, я бы постояла здесь ещё немного, просто наслаждаясь ароматом цветов и мокрого асфальта.

– Пока мы не поехали, – останавливаю я Люка, взяв его за руку. Это получилось так легко и естественно, что никто из нас почти и не обратил внимания. Тепло его ладони как будто было создано для моей – иначе почему мне так хорошо? – О чём ты говорил с бабушкой вчера вечером?

– Ну, миссис Лонг хотела запретить мне идти на вечеринку.

– Серьёзно? – удивляюсь я. – Но это же...

– Неправильно, как ты и сказала, – продолжает Люк за меня. – И именно благодаря тебе она передумала. Я перед тобой в долгу.

Мне хочется спросить: «Ты? Передо мной? Из-за какой-то вечеринки?!». Но автобус не собирается ждать, поэтому мы садимся и меньше чем за десять минут доезжаем до Хантингтона. Всю дорогу я обдумываю слова Люка, а когда всё

же решаю заговорить, мы останавливаемся на единственной нужной остановке.

Пока мы в ногу шагаем по тротуару, Люк вдруг спрашивает:

– Ты знаешь, как подбирать костюмы?

– Нужно сделать замеры, определиться с тканью, цветом...

– Как много хлопот, – качает он головой.

– И не говори. В своё время мама замучила меня всем этим. Она всегда заказывала мне платье в местном ателье, поэтому приходилось часто обмеряться.

– Ты тоже ведёшь меня в ателье?

– В лучшее в Хантингтоне! – шучу я. – Конечно нет, вряд ли костюм успеют сшить до завтра. Но размеры перед покупкой знать всё равно надо.

– И долго это происходит?

– Нет, не больше десяти минут.

Это его, наверное, радует. Я и сама стеснялась в первый раз. Помню, как мама отвела меня в ателье, когда мне было девять. Это было увлекательно и волнительно одновременно: так как я была любознательным ребёнком, мне хотелось вникнуть во все детали и быть в курсе всего, что происходит, но сковывающее стеснение не заставило себя долго ждать. Стоило только мужчине и женщине с длинными лентами подойти ко мне, как я была готова заплакать. Они были такими большими по сравнению со мной, что мне хотелось спря-

таться, а мама как назло отлучилась за кофе.

– А мы можем сделать замеры самостоятельно?

Если честно, я даже хотела, чтобы Люк спросил об этом.

– Конечно, если ты хочешь. Опыта у меня предостаточно.

– Прости, мне правда стыдно раздеваться перед кем-то, – начинает оправдываться он. – Перед кем-то, кроме тебя.

– Ты сумасшедший! – вскрикиваю я, перепрыгивая очередную лужу. Уже чувствую, как щёки начинают гореть. – Вообще-то раздеваться необязательно.

– Мы чем-то похожи, – заключает он.

– Очень мило с твоей стороны.

Повернув за поросший мхом угол, мы оказываемся на Хантингтон-роуд. К моему удивлению, людей здесь куда больше, чем на соседней улице, поэтому нам с Люком приходится почти вплотную прижаться друг к другу – особенно когда вдалеке слышится звонок велосипеда. Я даже немного расстраиваюсь, когда замечаю впереди широкие витрины с манекенами, одетыми в классические костюмы.

– Нам туда, – говорю я Люку.

Взгляд Люка сразу падает на костюм со светло-серыми брюками со строгими стрелками, сочетающимся с чётко выраженными лацканами на пиджаке.

– Мне нравится во-о-он тот.

– Здесь большой выбор, не ограничивай себя.

Их здесь действительно много. Мама часто водила меня в этот магазинчик, чтобы мы могли подобрать недорогой, но

стильный наряд.

Мы заходим внутрь, где нас встречает приветливый консультант. Интерьер выполнен со вкусом: подвесной потолок весь в росписи, на стенах расположились бра в узорчатых абажурах, а в резных шкафах столько костюмов, что глаза разбегаются. Приглушённое освещение и инструментальная музыка, доносящаяся со всех сторон, создают нужную атмосферу. Уличный гам почти не слышен. В магазине нет никого, кроме нас и продавца-консультанта. Он, кстати, оказывается не таким назойливым, каким я запомнила его много лет назад. Никто не помешает нам с Люком провести время вместе, никто не будет отвлекать нас друг от друга.

Мы ходим мимо манекенов и внимательно рассматриваем костюмы. Правда, по большей части рассматриваю их я. Знаю, Люку интересно наблюдать за мной: я изучаю ткань, перебирая лоскутки, знакоплюсь с каталогом и ценами, когда раз за разом ловлю на себе его любопытный взгляд. Пытаясь отвлечься, я начинаю бродить между шкафами и нарядными манекенами. Разноцветные ткани пестрят тут и там, и я пытаюсь найти самый подходящий костюм. Мне нравятся тёмные оттенки: они выглядят дорого и статно. Уверена, на Люке любой из них будет хорошо смотреться.

– Как тебе? – я выбираю один тёмно-синий костюм из целого ряда.

Люк, откашлявшись, решает заметить:

– А ты хороша в этом деле.

– Вовсе нет, мода – не моё, – отрезаю я, и моё сердце сжимается. Наверное, это прозвучало слишком резко, поэтому я торопливо добавляю: – Думаю, я всё ещё в поиске себя.

– Уже есть что-то на примете?

– Если честно, не знаю. Может, история или музыка. Или архитектура. Мне нравится всё из перечисленного. И вообще, хватит отвлекаться.

Мы смеёмся, и я снимаю выбранный костюм. Я вспоминаю, как мне понравилось играть на рояле.

Люк подходит ближе, чтобы как следует рассмотреть костюм. Щупает рукава, оглядывает пиджак – сразу отмечает наличие карманов, что, несомненно, кажется ему очень удобным.

– В любом случае, для начала нам нужно сделать замеры, – обращаюсь я к нему, после чего тяну Люка за руку к ближайшей примерочной.

– Но мы же не позвали консультанта!

– Я всё сделаю, не беспокойся.

Я затаскиваю его внутрь и дёргаю за бордовую занавеску. Мы оказываемся совершенно одни в тесной примерочной. В огромном зеркале с золотым обрамлением я наблюдаю за нашими отражениями. Я медленно беру длинную ленту с делениями, которая лежит на алом пуфике, а затем приближаюсь к Люку со спины. Он хоть и тощий, но спина у него широкая. Он так красив под тусклым светом бра: русые волосы поблёскивают, кожа кажется бархатистой. В зеркале я вижу,

как Люк смотрит на меня через плечо – поймав его взгляд, я играю тонкими бровями, после чего беру его рубашку за край и плотно прижимаю лишнюю ткань к спине. Люк резко вдыхает.

– Расслабься, – командую я.

Мой голос заставляют его затаить дыхание. Я и сама с трудом узнаю себя: теперь я строга, как никогда, но в то же время нежна, словно лелею младенца. Я обвиваю ленту вокруг его груди и плотно прижимаю края к спине. Честно говоря, в полумраке почти не разглядеть делений, но я специально не тороплюсь просить его разворачиваться.

Люк продолжает молча следить за каждым моим шорохом, затаив дыхание. Взмах моих кистей, поворот головы и шаг ближе – всё попадает в поле его зрения.

– Молодец, а теперь развернись, – я отпускаю его рубашку, и парень шумно выдыхает. – У меня не получится сделать замеры, если ты будешь стоять ко мне спиной. Ты заслонил собой всю подсветку.

– О, нет, – Люк, шутя, покачивает головой. – Что же теперь будет?

– Вы, мистер, рискуете остаться завтра без штанов, – в той же манере отвечаю я.

Я отрываюсь от зеркала, когда Люк поворачивается ко мне, и смотрю в его глаза. Не могу произнести ни слова, когда они начинают опускаться по моим скулам, по кончику носа, прямо к губам. Мы словно меняемся ролями, и мне это

безумно нравится.

– Спасибо тебе, – протягивает он.

Не перебиваемый заурядными мелодиями музыкальных инструментов, его голос кажется доминирующим в огромной палитре звуков.

– За что?

Вместо ответа он делает шаг ближе и высоко поднимает подбородок. Не могу перестать наслаждаться его видом, не могу не провести ладонью по шее. Я аккуратно касаюсь его щеки и начинаю вести руку вниз.

– Кэтрин, – шепчет он.

Мелкая, юношеская щетина приятно покалывает.

– Скажи это.

– Ты просто нравишься мне.

Я тихо хихикаю:

– Просто нравлюсь?

Чёрт, конечно же не просто. Люк смущается, и я сразу замечаю это. Позже я говорю:

– Ты тоже нравишься мне. Сильно-сильно, – я подхожу ещё на шаг, когда, казалось бы, ближе некуда. – Нужно измерить грудь и талию, тогда мы сможем определить степень приталенности.

Никогда бы не подумала, что признаюсь в любви в примерочной. Но, если посмотреть с другой стороны, это придаёт любовной обыденности некий шарм.

– Я полностью доверяю тебе, хоть и никогда не слышал

таких умных слов.

Я хлопаю ресницами, а затем снова обвязываю ленту вокруг его груди. Люк поднимает руки, чтобы мне было удобнее. Через несколько секунд я опускаюсь на колени – о, боже, – беру край рубашки и прижимаю к его торсу. Кожа под тонкой тканью вспыхивает от моих прикосновений, я чувствую. Достав невидимку одной рукой, я фиксирую рубашку так, как мне удобно. Длинная чёлка падает на лоб, и я громко выдыхаю, чтобы локон подлетел ввысь.

Чувствую, как ладонь Люка касается моей макушки, как она медленно скатывается по затылку, а затем отрывается, чтобы приземлиться вновь. Он мягко поглаживает меня по волосам, взлохмачивая их, но я не отстраняюсь.

Я плотно замыкаю ленту вокруг его талии.

– Долго ещё? – спрашивает он, растерявшись.

Мои губы расплзаются в широкой улыбке.

– Самое интересное впереди, Люк. Ещё нужен обхват бёдер, чтобы подобрать нужные брюки, – пока я говорю это, парень ужасается.

– Почему я не могу остаться в этих? – я уверена, он начнёт придумывать сотню отговорок, лишь бы я не опускалась ещё ниже, и ещё, ещё.

– Раз уж мы пришли выбирать тебе костюм, я считаю, что тебе нужны другие. Они тебе уже короткие!

– Я же могу подвернуть края, и ничего не будет заметно.

– Ты не сможешь подворачивать их вечно, – замечаю я, и

у Люка заканчиваются аргументы.

Я подсаживаюсь ближе к нему, после чего как ни в чём не бывало обвязываю ленту вокруг левого бедра. Слишком туго. Люк крепко сцепляет руки за спиной и старается успокоить прерывистое дыхание. Моё сердце давно стучит громче мелодии литавры, доносящейся из динамиков, и я боюсь, что Люк тоже слышит его.

– Жмёт? – спрашиваю я, не поднимая головы.

Он еле заметно кивает, и я чуть отпускаю ленту.

– Так лучше?

– Да, – робко отвечает Люк. – Тебе подать телефон, чтобы ты записала в заметки результаты?

Знаю, ему хочется поскорее покончить с этим, иначе он сторит от стыда.

– Я всё запомнила, – я поднимаюсь и складываю ленту вдвое. – Талия у тебя никакущая.

– Согласен, с твоей не сравнится, – Люк нежно целует меня в губы.

Сначала мне кажется, что сейчас не время, но ещё через секунду я вхожу во вкус. Оставив ленту на пуфике, я беру лицо Люка двумя руками и прижимаю к себе так, как только могу – лишь бы касаться его губ своими! Люк помогает мне, приподнимая мой подбородок, и я, пошатываясь, встаю на носочки. Его руки опускаются на мои бёдра так нежно, как будто я – хрупкий цветок, который он боится нечаянно сломать. Но правда в том, что от его прикосновений я рас-

цветаю.

– Мне остановиться? – спрашивает Люк.

– Никогда не останавливайся.

Я снова целую его, и Люк выдаёт смешок.

– Я ещё никогда не чувствовал ничего подобного, – шепчет он в мои губы.

Надеюсь, он понимает, что мне хочется сказать то же самое, просто я не могу оторваться. Я не прекращу, пока всё его лицо не будет обсыпано поцелуями. Но, когда Люк неожиданно целует меня в шею, я вскрикиваю и, отшатываясь, хватаюсь за занавеску. На мгновение в примерочной повисает тишина, а потом мы одновременно заливаемся смехом.

Похоже, сейчас и правда не время.

Мы выходим в зал спустя пару минут, а, может, и четверть часа – клянусь, я теряю счёт времени, когда нахожусь рядом с Люком, – и я называю консультанту измеренные параметры. Мы останавливаемся на тёмно-синем классическом костюме, который до этого я ему и предлагала.

– Я поскорее хочу увидеть тебя в нём! – я дёргаю Люка за руку, как только мы выходим на улицу. Тучи начинают сгущаться, и всё больше фонарей загораются над Хантингтон-роуд.

– Придётся потерпеть до завтра, – смеётся он.

– Буду очень ждать.

Вдалеке гремит гром, и начинает моросить. Мы с Люком

решаем зайти в кафетерий неподалеку, и уже через несколько минут сидим за небольшим, но очень уютным столиком у окна, откуда открывается чудесный вид на сквер. Я вспоминаю, что перед выходом толком ничего и не ела – сырных шариков за завтраком мне было мало.

– Я закажу себе клубничный трайфл², ты будешь что-нибудь? – мне должно хватить того, что осталось после костюма.

– У меня есть немного денег, позволь тебя угостить. Так, ты хочешь клубничный трайфл? – переспрашивает Люк.

– Я бы не отказалась, – я начинаю по-детски строить глазки.

Он довольно хмыкает, а затем диктует официанту заказ.

Этот сладкий десерт из клубники, печенья и сливок ассоциируется у меня с далёким детством. Хью готовила его по праздникам – чаще всего на дни рождения. Она не забывала и про меня. И тогда на свой седьмой день рождения я получила целых три трайфла от неё. Это было невероятно вкусно. Наверное, с тех самых пор я так помешана на клубнике.

Дверь кафетерия ходит из стороны в сторону, и каждые несколько минут у прилавка появляются новые посетители. Мелькая перед кассой, они приносят с собой аромат только что сваренного кофе. От одежды веет уличной свежестью. Я перевожу взгляд на окно, по которому бегут ручейки дож-

² Трайфл – блюдо английской кухни, представляющее собой десерт из бисквитного теста.

девых капель, и смотрю сквозь них на тусклую размазную, в которую превратилась Хантингтон-роуд.

Я даже не замечаю, как чайник становится почти пустым. Никогда бы не подумала, что из Люка получится такой хороший собеседник. После того, как мы обсудили его новый костюм, мы так легко переключились на свободную болтовню, как будто знакомы уже сто лет.

– Ты так и не рассказал, почему боишься грозы, – напоминаю я ему, оставляя кружку на блюде.

Люк складывает локти на стол. Его острые плечи поднимаются и теперь напоминают мне горы. Он поджимает губы и чуть наклоняется ко мне через стол. Его дыхание настолько близко, что, кажется, сливается с моим. Жар заполняет грудь. На лбу и над верхней губой проступают капельки пота. Мне стоит лишь податься, и я смогу ощутить Люка на себе. Все эти мысли порождают невероятной силы импульсы во всём теле. *Привстань. Привстань!*

– Тебе не обязательно знать это.

Я шёпотом интересуюсь:

– Почему?

Момент – и Люк отстраняется. Присаживаясь на место, он вздыхает так, что поднимающийся над моей чашкой пар колышется, и вытягивает руки перед собой. Он с подозрением смотрит на меня и спрашивает:

– Зачем тебе знать о моих страхах?

– Чтобы помочь с ними справиться. Впереди целый сезон

дождей, ты же не хочешь просидеть у себя весь месяц? А как же оранжерея?

Люк хмыкает, и что-то мне подсказывает, что он настроен скептически.

– Всё не так просто.

– Знаю, – говорю я. – Но всегда можно попробовать разобратся. Путь к победе над страхом лежит через разговоры.

За окном раздаётся очередной раскат, и Люк еле заметно вздрагивает.

– Я ведь всегда боялась парней. Но, когда встретила тебя, поняла, что не все такие же, как Билли.

– Я польщён. Но мой страх отличается от твоего.

– Думаешь, мне с первого раза удалось довериться тебе? – спрашиваю я.

Люк замолкает.

– Думаешь, мне было так просто выбросить из головы Акерса, который постоянно унижал и бил меня? – к горлу поднимается большой ком, и даже трайфл уже не кажется таким вкусным. – Со мной никто не говорил об этом, кроме тебя. У меня складывалось впечатление, что все специально закрывают на это глаза. А потом и у меня опустились руки, и я боялась, боялась до такой степени, что впадала в панику от прикосновений. И так продолжалось до встречи с тобой. До той случайной встречи в ванной, когда тебе хватило нескольких секунд, чтобы понять, в какой я опасности.

Я замолкаю, и Люк тоже ничего не говорит. Мне необхо-

дима минута тишины – для того, чтобы самой заново осознать то, что я только что сказала. Наверное, для меня было бы лучше, я бы я промолчала, но я просто не могла как-то иначе доказать Люку, что он может мне доверять. Я берусь за тёплую чайную чашку, чтобы отогреть заледеневшие пальцы, и смотрю на Люка в ожидании, что он тоже поделится своими переживаниями. Он как будто беззвучно спрашивает меня: «Ты в порядке?». И, когда я так же мысленно отвечаю «да», он начинает:

– Мне было пять, когда всё это произошло, – когда Люк говорит «всё это», я напрягаюсь. – Я уже не помню, что было до этого, но, кажется, родители часто ругались. Опять же, я не знаю, почему, просто помню какие-то крики, которые в моих воспоминаниях похожи на обыкновенный включённый телевизор. Он обычно гудит где-то на фоне, да? Вот так же гудели мои родители, с утра до вечера, а бывало и всю ночь. Но однажды всё прекратилось. А потом мы все вместе поехали куда-то ночью, в грозу, – Люк останавливается, чтобы перевести дух. Я хочу попросить его не продолжать, но не могу произнести ни слова. Подняв на меня глаза, он продолжает: – В общем, *они* высадили меня недалеко от корпуса и сказали, что меня где-то ждут. Бред, да? Они просто оставили меня под дождём и дали по газам, и что мне оставалось делать? Слушать вой бездомных собак и мокнуть под дождём? Я бросился к воротам корпуса, а там... там стояла миссис Лонг, вся в слезах.

Люк перестаёт говорить. Я делаю глоток чая и начинаю наблюдать за разбушевавшимся ливнем за окном. По запотевшему стеклу стекают резвые ручьи, карнизы звенят, раскаты разрывают небо на куски.

– Я даже не помню имён своих родителей. Они оставили меня в грозу совсем одного. Вернее, бросили.

Я поворачиваюсь к Люку и даже не знаю, что сказать.

– Это ужасно.

– Знаю. Иногда мне хочется вернуться в прошлое и бежать по дороге за родительской машиной. Я бы догнал её, несмотря на грозу, и тогда...

– А надо ли это тебе? – вырывается вдруг у меня.

Люк растерянно смотрит мне в глаза. Я и сама не ожидала от себя такой реакции – как будто кто-то сказал это вместо меня! Нужные слова что, сами знают, когда должны быть произнесены? Я прочищаю горло и накрываю руку Люка своей.

– Я просто хочу, чтобы ты знал, что *мы* любим тебя, здесь и сейчас. И если ты боишься, что мы тебя оставим, то знай: мы с бабушкой никогда этого не допустим.

– От прошлого нельзя убегать, – говорит Люк с полной серьёзностью – но я чувствую, как дрожит его рука под моей. – Ну, только если ненадолго. Прошлое остаётся в прошлом, да, и это значит, что надо думать о настоящем. Но я не хочу *забывать* прошлое, понимаешь? Я хочу узнать его и научиться с ним жить.

– Я тоже, Люк.

– Мы сможем. Оба сможем, – уверяет меня он.

– Это может показаться странным, но мы с тобой в этом плане как две капли воды. Я вот не знаю... родственников. Отца и дедушку.

Конечно, моя история ничтожна по сравнению с историей Люка. Мне кажется, что ни одна моя проблема по-настоящему не сравнится его. Но он детдомовец, и сказок со счастливым концом мне всё же ждать не стоило.

– Правда? – Люк поднимает на меня глаза, в которых стоят слёзы, и внутри будто что-то обрывается.

– Да. Когда-то я пыталась узнать о них от бабушки и мамы, но они мало что рассказывали.

– Это неправильно, – говорит Люк.

Я тихо отвечаю:

– Наверное. Но сейчас это уже не имеет значения.

– Имеет.

– Почему?

– Потому что мужчина в семье – это опора, это пример дочерям. Девушка будет искать такого парня, который бы напоминал ей отца.

Теперь понятно, почему я так долго терпела жестокое обращение Акерса: я просто не знала, какими должны быть настоящие мужчины. До знакомства с Люком.

– Я постараюсь что-нибудь узнать про него с дедушкой сегодня, – заключаю я. – Всё-таки мне интересно, какими

людьми они были.

– Правда никогда не умирает, Кэтрин.

Я не совсем понимаю, о чём он. Люк замолкает при одном взгляде на моё озадаченное лицо, но позже добавляет:

– Никто не может скрывать что-то вечно.

– Ты прав. Спасибо тебе.

– Нет, спасибо *тебе*, – он не отрывается от меня. – Если бы не ты, я бы вечно бежал от своего страха.

Если бы не ты, я бы вечно бежала от самой себя.

Мы ещё недолго сидим в кафетерии, разговаривая обо всём на свете. Люк рассказывает мне, как несколько раз пытался рисовать, но бросал, как много раз садился за рояль и расстраивался, что у него ничего не получается. Он занимается рисованием около года, а вот на фортепиано играет почти три. Я просто не обращала внимания на разливающиеся по музыкальному залу мелодии по четвергам и субботам. Конечно, ведь мне было до Люка как до лампочки – как и ему до меня вообще-то. Когда я рассказываю ему о фотосессиях – в частности о том, как они меня изматывают, – Люк постоянно что-то уточняет. Но меня это не раздражает, а наоборот радует. Наверное, мне впервые интересно рассказывать кому-то о своей... работе. Мы с Люком из разных миров, но, может, когда-нибудь пересечёмся? По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Мы возвращаемся в детский дом, когда дождь уже закан-

чивается. Вокруг так много луж, что я не успеваю перепрыгивать одну, как приходится перепрыгивать другую. В детстве меня то и дело таскали по агентствам, спортивным залам и центрам по занятию фитнесом, что у меня не оставалось времени на ребячество, а теперь я с радостью прыгаю через трещинки на плитке и верчусь вокруг Люка, как юла, что он немного растерян.

Мы прощаемся в холле у лестницы: он уходит в комнату, а я поднимаюсь к бабушке, чтобы поговорить о том, от чего я так долго бежала – о прошлом. Люк сказал, что, наверное, это будет волнительно, и попал в яблочко. Как он это делает? Но его тихое «удачи» придаёт мне сил, чтобы всё-таки дойти до бабушкиного кабинета, а не остановиться у своей комнаты. Вот она, та самая дубовая дверь, за которой меня что-то ждёт, а я и не знаю, что. Очередная ложь? Или долгожданная правда? Остаётся надеяться, что каждый из нас повзрослел и готов принять её, какой бы она ни была.

Я без стука вхожу внутрь.

– Как прошла поездка? – я не успеваю закрыть за собой дверь, как бабушка набрасывается на меня с вопросами.

Я смотрю на неё – она как обычно возится с документами.

– Всё хорошо, – отвечаю я, не задумываясь.

Всё ли хорошо? Всё прекрасно. Не передать и часть тех эмоций, которые я могу испытать вместе с Люком.

– Он обижал тебя?

– Нет, – я подхожу ближе к столу. – Вообще-то мне хочет-

ся поговорить о тебе.

– Обо мне? – переспрашивает она, но продолжает, не дожидаясь от меня ответа: – Ты всё обо мне знаешь, Кэтрин.

Как раз наоборот.

– А что тогда случилось с твоей семьёй? Где бабушка? – тихо спрашиваю я.

Я никогда не видела его. Я вообще никогда не видела бабушку с мужчинами.

– Нам лучше обсудить это потом, Кэтрин.

И это ответ, который за шестнадцать лет я успела выучить наизусть. Я отстраняюсь и отвечаю:

– Тогда назови мне день, когда я наконец узнаю правду. Обведи в календаре, напиши заметку, сделай хоть что-нибудь!

Бабушка молча смотрит на меня.

– Так я и думала, – бросаю бесполезные попытки достучаться. – Ладно, тогда, может, тебе нужна помощь в бухгалтерии?

Ответа не последовало. Я разворачиваюсь и выхожу из кабинета. Это ужасно – жить и не знать тех, кто подарил тебе жизнь. Только я хочу повернуть к своей комнате, как из кабинета за мной выходит бабушка.

– Кэтрин, – окликает она меня. – Зайди ненадолго.

Я возвращаюсь, оставляя бабушку позади, и падаю в одно из двух мягких кресел напротив письменного стола. Бабушка закрывает дверь, проходит в кабинет и садиться передо

мной, подпирая одну щеку. Молчание длится несколько минут: бабушка никак не может собраться, и я начинаю не на шутку нервничать.

Это плохая идея.

Нет, это хорошая идея. Продолжай.

– Что именно ты хочешь узнать?

Это просто смешно. Я недоволюсь фыркаю.

– Всё. Например, почему дедушки нет с нами.

Я получаю быстрый ответ:

– Он умер задолго до твоего рождения, – звучат слова бабушки, – твоей маме он нравился, – вздыхает она. – Он постоянно дарил ей платица – самые красивые из всех, которые я видела. Это его и погубило. Последнее он подарил семнадцать лет назад. Небесное с кружевным подолом. Прямо перед своей смертью.

Я не отрываю взгляд от бабушки. Стоящие слёзы в больших голубых глазах разбивают мою гордыню на тысячу мелких осколков. Её тело содрогается от рыданий, и мне хочется скорее её утешить. Хочется, чтобы она поняла: я рядом, и я могу попытаться залечить её рану, но... вряд ли получится. Разбитому сердцу требуются годы, если не десятилетия, чтобы биться, как раньше.

Я ёрзаю в кресле.

– Бабушка, не стоит.

Всё же это была плохая идея.

– Ты хотела знать правду, Кэтрин, – возражает она.

Именно так. Наверное, поэтому я остаюсь в кресле.

– Оно не понравилось... – бабушка останавливается на середине фразы, – у Вивиан сложный характер. И это платье, – вновь всхлипывает бабушка, только чуть громче. – Оно не понравилось ей, потому что пришлось не в пору. Но на тебе оно смотрится замечательно, Кэтрин, поверь!

Голубое платье с кружевным подолом – я сразу его узнаю. В голове всплывает собственное отражение в зеркале. Русые волосы, завитые в кудри, падают на недлинные рукава. Такое сдержанный, девственный небесный оттенок нужно ещё поискать. Жаль, что такой красоте мама предпочла платья из торговых центров.

– Дедушка расстроился, поспешил в бутик, чтобы купить другое. Я помню выражение его лица, когда он запрыгивал в автомобиль, Кэтрин, я помню!

Воображение само рисует картины. Молодой подтянутый мужчина в самом расцвете сил вжимает педаль газа в пол и мчится вперёд по шоссе. Другие автомобили только и успевают разъезжаться по сторонам, пока дедушка несётся навстречу прощению. Сердце уходит в пятки, взгляд мечется по дороге. Одно неаккуратное движение. Теперь дедушке суждено добиваться прощения Вивиан вечно.

Я подхожу к бабушке и обнимаю её так крепко, как только могу. Она тепло гладит меня по спине в ответ. Ткань того самого платья тихо шуршит в тишине, нарушаемой лишь глухим тиканьем часов.

– Твоя мама раскричалась, как маленький ребёнок, хоть ей и было тогда чуть меньше, чем тебе сейчас. Твой дедушка спешил извиниться перед ней. Он не успел.

– Ему не следовало, – стараюсь успокоить я бабушку.

– Но он умер, так и не попросив прощения.

Он не дождался прощения от моей мамы. Ему так хотелось угодить этой надоедливой девчонке, что он рискнул своей жизнью. Такой глупый, неоправданный риск привёл к смерти наверняка хорошего человека. Он не заслужил лежать под слоем чёрствой земли. Он не заслужил мук совести только потому, что слишком сильно любил тех, кто его не ценил его должным образом.

– Я так рада, что ты спросила меня, я так рада, – причитает бабушка, крепче прижимая меня.

Я больше не могу сдерживать эмоций. Я утыкаюсь в её мягкое плечо и всхлипываю.

– Мне не надо было делать этого.

– Нет, Кэтрин, – бабушка отстраняется и заключает моё лицо в свои тёплые ладони. – Всё идёт своим чередом. Значит, нам нужно было преодолеть это.

Мы ещё раз обнимаемся и утешаем друг друга. История дедушки меня поражает: она о бескорыстной любви и о потере, она о проявленном внимании и о забвении. Мне кажется, что не только люди совмещают в себе невозможное – весь мир строится на чём-то отрицательном и положительном. И там, где одни видят негатив, другие видят спасение. Бабуш-

ка учит меня извлекать важные уроки из любой ситуации, и я благодарна ей за это.

– Дедушка был красивым, – вздыхает она. – Мы познакомились в одном из соборов Йорка. Я тогда выступала с хором, а дедушка сидел на первом ряду и так смотрел на меня, что я начала фальшивить.

Бабушка улыбается сквозь слёзы, и эта улыбка причиняет мне боль.

– У него были выразительные глаза, пухлые губы и нежные черты лица. Ему было восемнадцать, но он выглядел старше. Мне было двадцать, но при одном взгляде на него я теряла голову.

Я пытаюсь представить в голове мужчину, которого с трепетом описывает мне бабушка. Он и вправду хорош собой.

– Это была любовь с первого взгляда, Кэтрин, и она была замечательной, она была самой прекрасной в моей жизни.

Бабушка повествует мне истории, о которых хотела умалчивать, наверное, до конца. Впервые кто-то поделился со мной историей старшего поколения – до этого я не раз спрашивала маму и бабушку о дедушке, но они лишь отмахивались.

– Он был любознательным, Кэтрин. Больше всего его интересовала археология. Помню, с какими эмоциями он каждый раз рассказывал о своей университетской поездке в Египет, будто бы я не получала писем в те времена. Да, мы переписывались очень часто, когда он уезжал.

Я представляю, как бабушка с трепетом разворачивает заветные письма. С каким выражением лица читает, что чувствует в этот момент. Кажется, у меня бабочки в животе.

– А что с моим отцом? – спрашиваю я.

– Они с твоей мамой расстались после твоего рождения, – теперь бабушка говорит без особого энтузиазма. – Кэтрин, не бери в голову. Тебе лучше спросить об этом Вивиан.

Так я и решаю поступить. Хватит с бабушки откровений на сегодня. Она медленно поднимается, выходит из-за стола и подзывает меня к себе, широко разведя руку. Немного смущённо, но всё ещё с большой любовью я обнимаю её. Мне будто снова семь, за окном льёт дождь, и только объятия любимой бабушки согревают меня. Позже я поднимаю книгу, некоторое время помогаю бабушке перебрать нужные бумаги, а затем покидаю кабинет.

Я захожу в комнату – тишина навевает тоску. Солнце давно село, и я проваливаюсь во тьму.

Нужно не только успеть попросить прощение у всех, нужно ещё и уметь прощать.

Глава 13

Прошлым вечером я уснула неожиданно быстро. Мне стоило только прилечь на несколько минут перед тем, как спуститься на ужин, чтобы далёкий шум реки и воспоминания о страстном поцелуе в примерочной уволокли меня в сон. Я не успела ни стащить с себя одежду, не поставить смартфон на зарядку, – в общем, повторить все свои рутинные дела, чтобы избежать неприятностей на следующий день.

Неприятности всё же возникли, но по другому поводу – я провела за раздумьями всё утро. Если мама с бабушкой так не любили моего отца, тогда почему мама оставила его фамилию? Этот вопрос никак не давал мне покоя, поэтому, как только я вышла из корпуса, сразу набрала маму в надежде всё прояснить. Было наивно полагать, что она вот так просто расскажет мне правду, но я решила идти до конца.

Конечно, она была не в восторге узнать, что мне всё известно про дедушку. Я сразу уловила перемену в её голосе. Мама злилась, я это чувствовала, но я злилась на неё больше.

– Что именно ты хочешь знать? – спросила она, прямо как бабушка. Это навело меня на мысль, что они не раз обсуждали эту тему втайне от меня. Я чуть не бросила трубку от негодования, но всё же смогла взять себя в руки.

– Почему ты – Гофман, а я – Лонг?

– Потому что так надо, Кэтрин, – злостно процедила она сквозь зубы. – Ты многое не знаешь.

– Это я уже поняла, – в той же манере ответила я. – Может, настало время мне что-нибудь рассказать?

Между нами повисло напряжённое молчание, как будто мы обе ждали, кто же первый из нас взбесится. Я даже проверила, не отключилась ли мама, но она оставалась на связи: секунды шли и шли, а ответа так не было. Я снова приложила телефон к уху и сказала чуть мягче, чем до этого:

– Я уже не маленькая, мам. Что бы там ни было, я...

– Я тебя нагуляла, – оборвала меня мама, и я застыла прямо посередине пешеходного перехода. Она произнесла это нисколько не колеблясь, просто обрушивая на меня эту новость. Ну что ж, я сама этого хотела. Пока я пыталась переварить в голове её слова, она продолжала: – Да, родила от другого мужчины. Мы были знакомы, но я не хотела от него детей. Я его даже не любила, в отличие от... Гофмана. Но измена, ты понимаешь, дело серьёзное, и особенно, когда у тебя чужой ребёнок. Мы с ним поэтому и расстались, когда я забеременела.

Я двинулась дальше, только когда мне начали сигналить. Сначала я даже и не поняла, что это мне: всё вокруг казалось ничтожным, неважным, не имеющим никакого значения, и я была полностью погружена в себя.

Мне вспомнилось моё отражение в зеркале, когда я пыталась найти в себе черты папы, раскрашивая лицо флома-

стерами и важно называя себя «мистером Гофманом». Выходит, всё это время я пыталась приписать себе чужое имя, быть похожей на кого-то, с кем меня не связывала ни то что капля крови, а вообще ничего. Я рыла не там, и именно осознание этого причиняет мне особую боль – как будто рыбка всегда водилась у берега, а я рыбачила далеко в море.

Мама спросила, как ни в чём не бывало:

– Ты где?

И тогда-то я поняла, что стою прямо на дороге.

– Нигде, – коротко ответила я и тут же об этом пожалела.

Я запрыгнула на тротуар и помчалась к остановке, как ужаленная. – Вернее, на пути в Хантингтон.

Мы с мамой обе чувствовали, что пересекли некую важную черту, поэтому неосознанно и делать вид, будто ничего не произошло. Но я не могла вечно слушать её сбившееся дыхание – ого, мама тоже волнуется! – поэтому добавила, когда набралась смелости:

– Знаешь, спасибо, что сказала.

Почему-то утром я впервые ощутила, будто мы с ней оказались в одно тарелке, хотя со мной и не происходило ничего «подобного». Чувство родства просто, без всяких предпосылок ёкнуло в груди, и мне захотелось оказаться рядом с мамой. Именно поэтому я просияла, когда вдалеке показался мой автобус.

– Мам?

– Да? – всхлипнула она, но я не могла поверить своим

ушам. Мама сразу поняла свою ошибку и, как мне показалось, пощёчиной вернула себя в чувство. – Спасибо, что спросила. Мне жаль.

Ей жаль. Наверное, вселенная должна была схлопнуться после этих слов, ведь Вивиан Гофман никогда не жалеет о своих поступках: она всё делает правильно, идеально, совершенно! Я ждала, когда она скажет что-нибудь ещё – мне хотелось удостовериться в том, что это не сон, – но вместо её голоса я услышала частые гудки. Её имя погасло, на экране отобразилось время разговора, и на этом всё.

Я была ошарашена. Всю дорогу до Хантингтона я пыталась осознать то, что рассказала мне мама, и даже не вспоминала ни о помятом платье, которое пришлось оставить в корзине для грязной одежды, ни о севшем по дороге телефоне. Признаюсь, я около часа подготавливала себя к этому разговору и репетировала свою реакцию на всевозможные ответы. Папа бросил нас и уехал. Умер. Ты из пробирки, Кэтрин. Но я не была готова к её тихому «мне жаль». Всю жизнь я считала, что мама специально вычёркивала отца из нашей жизни, а оказалось, что вычеркнута она.

Разумеется, когда я приехала, мама не подала виду, будто с ней что-то не так. Её взгляд оставался таким же высокомерным и властным, глаза были аккуратно подкрашены, а дыхание ровным, как будто она медитировала последние лет десять. Я, в свою очередь, тоже пыталась строить из себя само спокойствие, но то и дело мысленно возвращалась к

недавнему разговору.

Но, как ни странно, неожиданное известие не испортило моё настроение.

Хотя, наверное, нет ничего странного, ведь рядом с Энн просто невозможно долго грустить. Хватает одной её улыбки, чтобы забыть об утренних неурядицах и рассмеяться, даже когда фотограф вне себя от злости. Мы с Энн то и дело отпускаем странные шутки, мешая работе как остальных моделей, так и персонала агентства, собравшегося вокруг нас. Энн рада, что я появилась на этой фотосессии. Ей не хватало, как она выразилась, «опоры» в студии – и я впервые чувствую себя значимой. Зато теперь Энн будет ещё долго вспоминать эту съёмку, потому что мы наверняка побили рекорд по количеству шуток в минуту.

Когда Энн дёргает меня за рукав, я поворачиваюсь и начинаю смеяться раньше, чем она успевает что-то произнести. Фотограф бросает свою камеру и подходит к коллегам, чтобы обсудить кадр. Конечно, ведь наши с Энн лучезарные улыбки портят те непоколебимые образы, которые должны быть на исходных фотографиях. Сегодня мы в бежевых кардиганах и такого же оттенка брюках. Все мы вчетвером смахиваем на сестричек: примерно один рост, одинаковая одежда и этнос делают своё дело.

Но, несмотря на просьбы стилистов отнестись серьёзно к этой съёмке, я никак не могу сосредоточиться: подрагивающий кончик брови фотографа заставляет меня смеяться

только громче. Я успокаиваюсь тогда, когда одна из девушек, с которой я почти не общаюсь, пихает меня в бок. Мы с Энн обещаем, что больше не будем. В противном случае, маме сообщат о моём поведении сразу после съёмки, а скандалы мне не нужны.

Я выставляю правую ногу, немного поднимаю подбородок, как меня учили в модельной школе, и прикрываю глаза. Образ получается лёгким, женственным и сильным. Фотограф, немного успокоившись, возвращается к работе. Щелчок сменяется щелчком, вспышка следует за вспышкой, и мы меняем позы.

– Сейчас каждая фотосессия очень важна, – фотограф выглядывает из-за камеры в перерывах между съёмкой.

– Почему? – интересуется кто-то из девушек.

– Несколько модных домов Соединённых Штатов ищут молодых моделей.

Я встречаю в разговор:

– Соединённые Штаты?

– Именно, мисс Лонг.

– Но ведь Штаты так далеко от нас, – продолжаю я.

Мне кажется сумасшедшей сама идея визита в Америку. Как можно оставить этот маленький городок, где в июле льют нескончаемые дожди, где ураганный ветер разносит собранные стога сена по улицам, где витает аромат полевых цветов и реки?

– Мы собираем портфолио, чтобы предложить вашу кан-

дидатуру, – к нам подходит незнакомая женщина в белоснежном костюме. – Добрый день, дамы, выглядите бесподобно!

Девушки хором здороваются, а я до сих пор не могу прийти в себя после новости о том, что готовится моё портфолио для американского модного дома. Энн трясёт меня за плечо, и я тихо здороваюсь.

Фотограф оставляет камеру и подходит к ней.

– Меня зовут Джули Вебер, именно я буду представлять вас в Соединённых Штатах.

Все по очереди называют свои имена, и, когда очередь доходит до меня, я теряюсь.

– Кэтрин Лонг. Меня зовут Кэтрин Лонг.

– Я слышала Вас с первого раза, юная леди, – Джули делает мне замечание.

Чувствую, как запотевают ладони, как спина покрывается мелкими капельками и как бьётся жилка на шее.

– Простите. Дурная привычка.

Фотограф подходит ближе к агенту, наклоняется к уху женщины и прикрывает губы ладонью.

– Эта девочка – дочь Вивиан Гофман, нашего стилиста.

Я демонстративно громко откашливаюсь, и они оглядываются на меня.

– Извините, мисс Лонг, – поправляется Джули.

Стоит ли говорить, что она не вселяет в меня доверия? Мне хватает одного её хищного взгляда, чтобы я поняла: они

с мамой одного поля ягоды. Да ещё и эта экстравагантная стрижка с торчащими во все стороны каштановыми волосами... её парикмахер что, только вышел из запоя? А глядя на ядовитые оранжевые туфли, которые ни к чему не подходят, так и хочется спросить: «Вы точно модный агент?»».

– Всё в порядке, – говорю я.

Энн подходит ко мне сзади.

– Твоя мама – Вивиан Гофман? – я не понимаю, спрашивает она или утверждает. – Да ладно! Я-то думала, что она просто сопровождала нас на ужине. Честно, я бы никогда не догадалась, что вы родственники, если бы мне не сказали. А почему у вас разные фамилии?

– Она взяла фамилию мужа, но настояла на том, чтобы я носила её девичью, – поясняю я. – И вообще, там всё запутано.

Сейчас мне меньше всего хочется вдаваться в подробности своей личной жизни. Меня больше беспокоит, что теперь, когда Джули знает, кто моя мама, она не отстанет от меня со своими Штатами. Поэтому я увильваю от ответа для Энн и пристально слежу за Джули. Она, прочистив горло и встав напротив нас, торжественно объявляет:

– Этим летом мы будем работать в полную силу, дамы, если, конечно, хотим слетать в Нью-Йорк.

Только не этот стеклянный муравейник! Любой другой город, но не шумный Нью-Йорк.

– Ты слышала это, Кэтрин? – воодушевлённо произносит

Энн. – Нью-Йорк, Кэтрин!

Я смотрю на сияющую от радости подругу и не могу поверить своим глазам. Её щёки, которые и без того достаточно румяные, ещё больше порозовели, а в глазах засверкали огоньки. Кажется, если Джули скажет ещё хоть слово, Энн упадёт в обморок. Представляю, какой это серьёзный шаг – поехать туда и сразить всех наповал. Зная способности Энн, у неё это получится, стоит только спуститься по трапу с самолёта. Поэтому я, скрывая недовольство, поддерживаю её:

– Звучит круто, – выходит не очень, но я не сдаюсь. – Думаю, тебе понравится в Нью-Йорке.

– Ты уже была там?

– Нет, – теряюсь я. – Но наслышана.

Небоскрёбы с их крышами где-то выше облаков, множество билбордов, бунтарские районы и джаз – это всё Нью-Йорк, который мне, в отличие от большинства моих знакомых, не нравится. Я предпочитаю ему родной Хантингтон – дом, гармонию и Люка в одном флаконе.

После фотосессии я выхожу в холл и иду по коридору в костюмерную, где мама разбирает недавнее поступление. Когда я вхожу, меня обдаёт запахом кофе вперемешку с маминными духами. Прикрыв нос, я обхожу коробки и встаю прямо напротив мамы, которая почему-то в упор меня не замечает.

– Привет? – я осторожно ударяю ногой по коробке.

Поставив подпись на закреплённой в планшете бумаге,

мама всё-таки поднимает на меня глаза. Наверное, я должна благодарить небеса за то, что это был последний документ, который ей надо было подписать, иначе она бы точно меня проигнорировала.

– Как прошла фотосессия?

– Нормально.

– Коллега сказала мне, что ты всё время смеялась, – с укором произносит мама, упирая руки в бока, как будто только у неё здесь есть право на претензии.

– Твоя «коллега» сказала, что у нас показ в Нью-Йорке в конце лета.

Мне так хотелось застать маму врасплох, но она, кажется, ничуть не удивилась. Изогнув бровь, она спрашивает:

– Ты не рада?

Я не знаю. Я не чувствую ничего при упоминании Нью-Йорка, разве что преждевременную тоску по Хантингтону и всему, что с ним связано. Мама продолжает:

– Уверена, Джули сделает всё, чтобы ты там оказалась.

Этого я и боюсь.

– Кстати, почему тебя не было на прошлой фотосессии?

– Я плохо себя чувствовала.

– Нужно поменьше бегать под дождём, – язвит мама.

– Разумеется, – раздражённо соглашаюсь я.

– Что происходит, Кэтрин? – мама кладёт планшет на столик и присаживается, громко отодвинув стул. – Почему ты опять водишься с детдомовцами? Разве ты не видишь, как

они на тебя влияют?

Я скрещиваю руки на груди.

– Это тебе бабушка рассказала?

Ну, конечно, кто же ещё. Ничего другого и ожидать не стоило. Я вздыхаю и тоже сажусь – на одну из коробок.

– Какая разница?

– Никакой. И я вожусь только с одним.

– Он нравится тебе?

Сгорая от стыда, я всё же заставляю себя признаться:

– Да, нравится.

– Вздор, – отвечает мама, состроив недовольную гримасу. Это уже больше напоминает мне всеми любимую Вивиан Гофман.

– Почему?

– Потому что скоро тебе предстоит лететь в Нью-Йорк, Кэтрин, – объясняет она мне, как маленькому ребёнку.

– Почему мы не можем сотрудничать с модными домами Великобритании? – предлагаю я, но мама, кажется, совсем меня не слышит. – Показы в Лондоне ничуть не хуже.

– Это же очевидно. Нью-Йорк и рядом не стоит с Лондоном.

Её слова – вот, что настоящий вздор.

– Чушь, – протестую я. – Лондон – наша столица.

– Но здесь у тебя не так много шансов стать хорошей моделью. Знаешь, тебе крупно повезло с Джули, – решает заметить мама. – Без неё нам бы оставалось только мечтать о

возможности покорить Штаты. Она приложит все силы, чтобы ты оставалась там так долго, как ты захочешь.

Если Джули чего-то захочет, то, думаю, обязательно этого добьётся. Всю фотосессию она говорила о Нью-Йорке так, как будто мы вылетаем с минуты на минуту! Чёртов Нью-Йорк! Хватило всего часа разговора о нём, и я уже его ненавижу.

– Может, я вообще не хочу быть моделью? – вырывается у меня раньше, чем я успеваю подумать. Надо же, оказалось так просто сказать то, что я действительно об этом думаю, что я даже и не заметила, как сделала это. Этот день я точно помечу в календаре.

Мама не произносит ни слова.

– Я не хочу быть моделью, – повторяю я, как мантру. – И не хочу лететь в Нью-Йорк.

Мамино и без того жёсткое лицо теряет последнюю мягкость. Она поджимает губы, сводит брови, сжимает планшет в руки крепче, и я понимаю, что перегнула палку. Она сорвётся... сейчас.

– Я никуда не поеду, – опережаю я её, чем снова ввожу в ступор.

Поднявшись, я выхожу из костюмерной и оставляю маму в одиночестве. Она всегда решала всё за меня, и это притомило. Мы не выбираем, кем или в какой семье родиться, но мы выбираем роль в собственной жизни. Настал тот момент, когда решать приходится мне.

Переодевшись и бросив какое-то невнятное прощание Энн, я вылетаю из студии и иду куда глаза глядят – лишь бы больше никогда не переступить порог модельного агентства. Как же долго я об этом мечтала! Вот наконец я лечу по Хантингтон-роуд, смеюсь и плачу, как сумасшедшая, потому что у меня получилось. Я приняла решение, дала отпор и вырвалась, не задерживаясь там ни на секунду. Это можно считать настоящей победой.

Чем дальше я отхожу, тем больше убеждаюсь в правильности своих действий. Сейчас я дышу, иду, думаю и мечтаю, и это прекрасно, потому что это *свободно*. Мне даже противно представлять, что было бы, если бы я согласилась, как делала это из раза в раз. Миссис Вебер, наверное, вне себя, если она уже в курсе, в чём я сильно сомневаюсь. Наверное, сначала маме будет тяжело признать поражение, а потом ещё и «отмываться от позора», ведь ей отказала Кэтрин Лонг! Знаю, за одним показом последует другой, за одной фотосессией другая и так далее. Я слишком часто прыгала в этот водоворот, чтобы и в этот раз не распознать край. Я просто не готова уйти настолько глубоко. Кто знает, может, эта Джули потом и не позволила бы мне вернуться в любимый Хантингтон. А я не готова потерять дом.

Если я буду молчать ещё хоть минуту, все эти слова разорвут меня на части. Достав из сумочки телефон, я набираю Мориса.

– Привет, – говорю я, как только гудки обрываются. – Ты в Хантингтоне?

– Привет, Кэт, да. Ты в порядке? – обеспокоено спрашивает он.

– Более чем. Я могу забежать на пару минут?

– Нет проблем, я сейчас напишу Бетти, чтобы она подошла. Через сколько ты будешь?

– Я только вышла из студии. Минут через пятнадцать, наверно.

– Окей, будем ждать.

– Спасибо, – бросаю я, после чего отключаюсь и прячу смартфон назад.

Осмотревшись, я перехожу через дорогу и направляюсь к дому Мориса. Погода налаживается: тучи растворяются в небе, и солнце приятно греет спину. Лужи почти высохли – остались только небольшие, – а при малейшем дуновении ветра с листвы скатываются дождевые капли.

Меня всё ещё трясёт от слов миссис Вебер. Она вывела меня за считанные секунды. По глазам было видно, насколько для неё важен статус, большая выручка и узнаваемость. Она пойдёт по головам, лишь бы мы «покорили Штаты» и вознесли её имя. Но «мы» развалились – по крайней мере, меня там больше нет. Я – не будущая модель из Соединённых Штатов, я – девушка, которая знает, чего хочет. Я – девушка, которая улыбается, когда счастлива, которая плачет, когда ей грустно, которая смеётся, стыдится, смущается,

боится и любит. И я рада находиться здесь, в Хантингтоне, на севере Англии.

Никогда ещё я не была так горда. Но вместе с этим я чувствую себя капельку паршиво: я собственноручно вбиваю гвоздь между мной и Энн. Но я уверена, что она как никто другой поймёт меня. Потребуется время, но я готова ждать. Если у нас с Энн разные цели, то разные и пути. Мы можем оставаться подругами, но заниматься разными делами, ведь так? Определённо. Если ей удастся полететь в Нью-Йорк, я буду за неё несказанно рада. Но вряд ли я буду рада за себя, если окажусь рядом.

Запрыгнув на крыльцо Мориса, я стучусь, и, когда дверь открывается, я вхожу, не дожидаясь приглашения.

– Эм, ладно, – Бет захлопывает за мной дверь. – Как прошла фотосессия?

Я падаю на диван и чуть ли не верещу от радости.

– Хуже некуда, зато какой финал!

– Ого, – Бет садится рядом с растерянным видом. Морис выходит из-за стойки и, махнув мне в качестве приветствия, падает в кресло напротив, не обращая внимания на выражение Бет. Она продолжает: – Что произошло?

Выдохнув, я выпаливаю:

– Нам собирают портфолио для модных домов Соединённых Штатов. Для Нью-Йорка. В общем, ты поняла.

Лицо Бет на мгновение озаряет улыбка.

– Это же здорово! – восклицает она, но её энтузиазм про-

пал так же быстро, как и появился. – Или нет?

– Тебе предложили слетать в Нью-Йорк или мне послышалось? – подключается Морис.

Я смотрю на него и говорю:

– Да, но я решила отказаться.

– Почему? – в один голос спрашивают они.

Знаю, для ребят Нью-Йорк – это далёкий неизведанный мир, о котором вечно говорят по телевизору и пишут в газетах. Но для меня этот город ничего не значит. Мне нет дела до рекламных стендов, мне не приносит удовольствие мысль, что придётся ежедневно ходить по оживлённым улицам и постоянно врезаться во встречных, меня пугают бездушные небоскрёбы.

– Я не хочу оставлять Хантингтон, – не зная, почему, увиливаю я от ответа. – Но, если честно, у меня очень много причин.

– Это же деревня, – смеётся Морис. – Здесь нечего делать.

– Я люблю этот городок не за бары, бильярдные или проститутки, Морис, – язвлю я.

Может, здесь и не выступают рок-звёзды каждую пятницу и не так много иностранцев, может, здесь всего несколько кафетериев и один бар, но Хантингтон – это часть меня.

– Эй, – Бет кладёт ладонь мне на плечо. – Не переходи границы, Кэт.

Я снимаю её руку и обиженно фыркаю.

– Я лишь констатирую факт.

– Морис не такой, – она продолжает защищать его, хотя сама прекрасно знает, что это не так.

Оскорблённый Морис поддакивает:

– Вот-вот!

Я принимаю поражение, вскидывая руки к груди:

– Хорошо, хорошо, беру свои слова назад. Извини, Морис.

Я знаю, что повела себя некрасиво, но я просто не могла промолчать в тот момент.

– Ты вся не своя из-за этого Нью-Йорка, – качает головой Бет.

Я возражаю:

– Наоборот, сейчас я своя как никогда.

– Это не даёт тебе права врываться в мой дом и нести чушь про моих проституток! – шутит Морис, и Бет хохочет.

– Извини, больше я про них не заговорю, – я застёгиваю невидимую молнию у губ.

– Так-то лучше, – Бет встаёт и направляется к барной стойке. Хлопает дверца холодильника, и Бет вскрывает бутылку шампанского. Наполняя свой бокал до краёв, она кричит мне:

– Кэт, тебе налить?

– Нет, спасибо, мне сегодня ещё в детский дом возвращаться.

Морис оказывается не в состоянии подавить нелепый смешок.

– Уже догадываюсь, что ты хочешь сказать. Если будешь

смеяться, мне придётся взяться за старое, – напоминаю я ему.

– Неужели всё настолько плохо?

Я переспрашиваю:

– Что именно?

– Нью-Йорк, – напоминает Морис.

– Не то чтобы плохо, я просто туда не хочу. Ну, а ещё я поссорилась с мамой из-за этого.

Теперь, когда он разинул рот, я поняла, что до него дошло. Ссориться с моей мамой – гиблое дело, и все так считают. Но кто, если не я, развеет этот миф? Не менее поражённая моими словами Бет протягивает Морису второй бокал, а затем возвращается на диван.

– Так что тебя держит здесь? – спрашивает Морис, делая глоток.

– Природа, – я начинаю перечислять. Аромат цветущих растений, витающий в воздухе круглые сутки, узкие улочки, потрескавшаяся каменная кладка, сквозь которую просачивается трава, захватывающие дух виды, древняя, покрытая мхом архитектура, и ещё много, много всего. – Друзья и любимый человек.

Морис давится шампанским, и Бет спешит похлопать ему по спине.

– Любимый человек? – они снова переспрашивают. Морис позволяет Бет задать напрашивающийся вопрос. – Позволишь узнать, кто это?

Я слишком поздно понимаю, что ляпнула лишнего. Вытянувшись на диване и устремив мечтательный взгляд в потолок, я думаю, рассказать ли ребятам о Люке?

– Люк, – произношу я.

Приятно вспоминать его имя, приятно говорить о нём и ощущать мурашки, вспоминая нежные прикосновения и поцелуи.

– Люк? – аккуратно, даже немного боязливо переспрашивает Бет.

– Знаю, вы шокированы, – смеясь, я поднимаюсь на локтях. – Как и я, честно говоря.

Морис меня прерывает:

– Стой, ты о Грине?

– Да. О том, которому я писала письмо, помните?

Я перевожу взгляд с Мориса на Бет, но на обоих застыло неистовое удивление.

– Эй, вы что, языки проглотили?

Посмотрев на меня, Бет опустошает бокал и ставит его на журнальный столик.

– Да бросьте, – продолжаю я. – Скажите хоть что-нибудь. Я правда люблю его.

– Ты хотела поиграть с ним, но вместо этого влюбилась? – наконец-то решает заговорить Морис, но я ловлю себя на мысли, что было бы лучше, если бы он продолжал молчать.

Я чешу затылок.

– Вроде того.

– Это из-за него ты не полетишь в Нью-Йорк?

– Что? Нет, не из-за него, – отрезаю я. Как он вообще до этого додумался? – Я просто не хочу, я уже говорила.

– Это он на тебя так влияет, да? – встревает Бет. – Он же простой детдомовец, Кэт.

Кровь внутри меня закипает.

– И что с того? Это вообще никак не влияет на мой выбор. И да, я уже встречалась с детдомовцем, – напоминаю я ей.

Бет лишь вздыхает:

– У Билли хотя бы есть шанс пробиться в люди, а Люк обречён. Он отброс, молчун, он ничего не умеет и тянет всех на дно, ты сама так говорила, когда каждое лето возвращалась от бабушки, помнишь?

Каждое слово ранит меня, как острое лезвие. Я не могу больше слушать этот бред, поэтому спрыгиваю с дивана и забираю сумку.

– Ты отказалась от Нью-Йорка ради него! – выкрикивает мне вслед Бет. – Подумай, какую большую ошибку ты совершила.

Я разворачиваюсь и отвечаю:

– Я отказалась ради себя! Себя!

Я оставляю дверь открытой, когда выхожу на улицу, и злая иду к автобусной остановке. Не могу поверить, что Бет с Морисом начали говорить, как моя мама. Мне даже кажется, что это она каким-то образом подговорила их, чтобы они под-

били меня на этот Нью-Йорк, но и теперь она облажалась: я полна решимости остаться. Хотя, другой реакции от ребят и не следовало ожидать. Я столько раз притворно улыбалась и повторяла, как мне нравится быть моделью, что заставила их поверить в свою ложь. Бет и Морис привыкли видеть дешёвую копию вместо настоящей меня. Вместо той, кто отказывается от Нью-Йорка, влюбляется в молчаливого парня и теряет голову.

По взгляду Мориса я поняла: ребята решили, что я тронулась, раз влюбилась в Люка. Но я влюбилась не в того, за кого они его принимают, не в детдомовца и молчуна – в первую очередь я влюбилась в человека, который раскрыл мне глаза и стал моим наставником.

Дорога до детского дома кажется бесконечной. Я только и делаю, что думаю, думаю, думаю. Сомнений нет: я сделала то, что должна была. Но почему никто это не ободряет? Никто, кроме Люка, разумеется, и, может быть, Энн. Надо будет как-нибудь потом ей всё объяснить. Но сейчас настроение на нуле и мне не хочется говорить, чтобы нечаянно не задеть.

Я захожу в корпус, прохожу мимо игровой, ни с кем не здороваясь, и поднимаюсь к себе. Поставив сумку на кровать, я сажусь за рабочий стол и начинаю рассматривать рисунок Люка, который прикрепила к пробковой доске. Этот маленький клочок бумаги вселяет в меня веру в лучшее. Эти волосы, этот взгляд, форма лица – всё настоящее. Я провожу подушечкой пальца по фиалке. Я провожу по щекам, по

каждой нарисованной ссадине, и вспоминаю, как зарабатывала их. Этот рисунок показывает мне, сколько хорошего и плохого мне пришлось пережить, чтобы стать той, кем я являюсь сейчас. И я очень надеюсь, что все шрамы заживут.

Под окном не покойно, поэтому я поднимаюсь, чтобы прикрыть створки. Ребята уже собираются около беседок, чтобы приготовить место к празднику. Вокруг небольшой полянки расставлены маленькие деревянные столы для угощений, повсюду разбросаны витки старых гирлянд. Не верится, что всего через пару часов это будет одно из уютнейших мест для вечеринки.

– Ты же будешь на вечеринке сегодня?

Резко исходящий холод от ладони Билли заставляет меня вздрогнуть. Я хочу развернуться, но Акерс не даёт мне пошевелиться: он прижимает меня к окну, и мне остаётся только надеяться, что стекло не лопнет. Я чувствую на себе этот пронизывающий взгляд, в котором почти искрится лёд.

Я чувствую, что вновь попадаю в ловушку.

– Да, – робко отвечаю я, не сводя глаз с ребят на полянке. Как бы мне хотелось, чтобы прямо сейчас кто-нибудь из них поднял голову и заметил нас, но, сколько бы я ни пыталась дотянуться до окна, чтобы постучать, ничего не выходит. – А теперь отпусти меня.

На стекле я замечаю отражение Билли, который продолжает смотреть на меня, как на свою жертву. Я пытаюсь перевести дух, но всё тщетно.

– Я могу помочь с украшениями, если бабушка не против. Мы расставим фонарики, я натаскаю подушек в беседки, – выплёвываю я слова, даже не задумываясь над ними.

– Не останешься тут с Люком?

– Какая тебе разница, с кем я останусь? – бурчу я, не бросая попыток вырваться.

– Думаешь, я совсем идиот? Ты просто так смотришь на него каждую свободную минуту? – мой вопрос оказывается незамеченным, как и всё остальное. – Просто так хочешь позвать его на вечеринку?

– Я сопереживаю ему. Мы с тобой оба знаем, что Люку пришлось пережить, а ты ещё лезешь к нему с кулаками.

– Ему пришлось пережить ровно столько же, сколько и нам всем, Кэтрин! – прикрикивает Билли, и я поджимаю уши. – А теперь заткнись и больше не строй из себя ангелочка.

– Отпусти меня, – повторяю я. – И больше никогда не заходи в мою комнату.

– Ты будешь с Люком на вечеринке?

– Пошёл вон, – повторяю я. – Я больше не хочу встречаться с тобой, понял?

Билли продолжает наступать, сжимая меня крепче.

– Какого чёрта ты призналась ему в любви, Кэт? – рыкает он.

Письмо!

– Оставь меня, – я еле как разворачиваюсь и отталкиваю

его.

Я знаю, как зол Билли. Вижу, что сейчас он как никогда готов наброситься на меня, но даже не пытаюсь спрятаться. Более того, я чувствую, что могу дать отпор. Он замахивается, внутри всё встаёт, но Акерс не бьёт меня. Припугнув – как ему кажется, – он выходит из комнаты, а я спешу запереть за ним дверь.

Письмо должно было всплыть на поверхность – мне стоило этого ожидать. Но вместо того, чтобы смеяться и радоваться удавшейся шутке, я чувствую переполняющую меня любовь. Имеет значение только голос Люка, его глаза, волосы, запах его рубахи и буря эмоций.

Отбросив все лишние мысли, я лезу в шкаф, чтобы выбрать достойный наряд для вечеринки. На этот раз выбрала я максимально быстро – не успела перебрать и полки, как поняла, что всё самое подходящее уже на мне.

Почти засахарившийся клубничный сок стекает по нижней губе, и я просто слизываю его, при этом жутко краснея. Язык уже свело от сладкого, но я никак не могу заставить себя остановиться. Вместо этого я хватаю клубничку одну за одной, отбрасывая зелёный хвостик за спину.

Смартфон с подключёнными к нему наушниками лежит рядом со мной. Я положила его рядом с блюдцем с клубникой. Обожаю старые, наполненные воспоминаниями песни, перемещающие лет на семь-восемь назад с первой же ноты.

Раньше и музыка казалась светлее и беззаботнее.

Я закрываю глаза и представляю, что Билли не существует.

– Кэтрин, спать нужно было ночью.

Я выдергиваю один наушник и вопросительно смотрю на Луиса.

– Иди к тому дереву.

Я вдруг вспоминаю про увесистый виток гирлянды, лежащий рядом со мной. Оторвавшись от клубники, я надеваю его на предплечье и, взяв с другую руку телефон, неохотно плетусь к могущественному дубу, прямо за Луисом. Здесь, в тени кроны, сквозь которую пробивается лишь пара лучей, Луис кажется особенно уязвимым. Его широкий мужественный подбородок теперь выглядит таким же, как у остальных, а впалые, подчёркивающие остроту скул щёки придают Луису даже немного болезненный вид. Тот, кто под солнцем кажется ожившей статуей Микеланджело, сейчас для меня обыкновенный человек. Я почти могу до него – *него*, за которым бегали почти все детдомовские девушки – дотронуться, стоит только подняться по стремянке и протянуть руку.

Но мне это не нужно, и, стоя рядом, мы оба это понимаем.

Не потому, что я любила идти против всех – как выяснилось, я этого и не умела. Дело в том, что, когда надо, у Луиса отлично подвешен язык, зато в остальное время из него ни слова не вытянешь. Вот так и гадай, о чём он думает. Спойлер: ни о чём хорошем. Луис, как и Люк, никогда не был

разговорчивым. Прошлым летом он даже не обращал внимания на Лин, которая была влюблена в него до чёртиков. Стоило Луису только пройти мимо девушки, как моя лента в Твиттере начинала пестрить её публикациями в духе: «Он посмотрел на меня!», даже если это было не так. А это почти всегда было не так.

Луис неуверенно, чувствуя, что самообладание играет с ним злую шутку, дразнит меня:

– Давай сюда, копуша!

Я отдаю ему виток и немного отхожу, чтобы не отвлекать. Забравшись на последнюю ступеньку стремянки, он ловко обматывает гирлянду вокруг ствола. Местами она, правда, цепляется за шелушащуюся кору, и мне приходится помогать. Но всё же у Луиса получается сделать всё аккуратно и, главное, красиво.

– Тяни! – кричит ему Джейкоб из-под соседнего дерева.

– И без тебя знаю, – бормочет ему Луис в ответ.

Парни закрепляют гирлянду на самых прочных ветвях, до каких только могут достать. Вскоре над небольшой полянкой растягивается паутина ярких лампочек.

– Ага! Всё-таки пришла!

Тяжёлые, как кандалы, руки Акерса опускаются на мою талию.

– Билли! – негромко вскрикиваю я, хватаясь за его ладони, — перестань подходить так!

– Я могу чем-нибудь помочь? – он кладёт свой острый

подбородок мне на плечо.

– Не знаю, чем ты можешь помочь мне, – я наигранно задумалась, – но ты можешь помочь Хью с сервировкой столов. – У меня получается разъединить замок его рук на моей талии.

Билли никогда не умел управляться с кухонной утварью. Прошлой весной моей бабушке взбрело в голову сделать подарок всем девочкам, живущих в детском доме, но для её реализации ей не хватало свободных рук. Она затеяла испечь несколько бисквитов и уже договорилась об этом с Хью, а сервировку поручила Билли. К слову, он побил половину сервиза, погнул восемь вилок и порвал столько салфеток, что можно было бы набить сотню хлопушек с конфетти.

– Заткнись, – шипит Акерс. – Ты ведёшь себя отвратительно.

Я показно фыркаю и отвечаю:

– Я веду себя так, как считаю нужным.

– Раньше ты слушалась меня, Кэт.

– Девушке достаточно слушать себя, чтобы не быть отвратительной, – поясняю я. – И ты больше не мой парень, понял?

Билли отшатывается, как от удара, и теперь я могу полностью его рассмотреть. На нём белая рубашка и классические чёрные брюки, которые совсем ему не по размеру. Эти выглядело бы лучше, если бы костюм умел превращать грубияна в джентльмена. Но Билли – это Билли.

– Шлюха улыбочивая, – бросает он и скрывается в саду.

Что ж, по крайней мере, у меня есть вкус.

Я возвращаюсь к столу и только сейчас замечаю, насколько красив закат. Летний ветер усиливается и пропитывает меня теплотой до приятных мурашек. Он освобождает от всех лишних мыслей, хочется просто расправить крылья и лететь. Когда-нибудь я обязательно сделаю это – стану ближе к облакам, прикоснусь к чему-то недостижимому.

А может, я уже сделала это? Когда из корпуса выходит Люк, мой взгляд оказывается прикован только к нему. Он великолепен при тусклом свете фонариков. Русые кудри на его голове, подсвеченные со всех сторон, придают Люку такой вид, что невольно задумываешься: не ангел ли он? Под белоснежным воротником рубашки устроился каштановый галстук. Тёмные брюки идеально выглажены, а стрелки их точно-точно попадают в носок начищенных до блеска туфель. Я медленно делаю шаг навстречу Люку.

– Ты неотразим!

На его лице играет хитрая улыбка – Люк точно знает, как понравиться мне в миллион раз сильнее.

– Благодарю, мисс Лонг! Но помните, ничего не сравнится с вашим платьем!

– Ты меня смущаешь, – прыскаю я.

Задерживаю взгляд на его пиджаке и уже хочу провести ладонью по ткани, ощутив круглые пуговицы, кармашек и в конце концов спуститься к руке.

– Можно поговорить с тобой наедине? – спрашивает вдруг Люк.

Я оглядываюсь – вокруг уже собрались ребята. Девушки постарше мирно разговаривают в беседках, Луиза с Зои лакомятся фруктами за соседним столом, а в центре полянки расхаживают Луис и Джейкоб, метко стреляя взглядом в девчонок. Рядом с ними и Акерс, который, однако, не сводит с меня глаз.

Я вновь поворачиваюсь к Люку.

– Конечно, – я уже знаю, о чём мы будет говорить. – Можем пойти в сад или оранжерею.

Люк отворачивается и негромко смеётся.

– Что такое?

– Я вспомнил, что произошло в последний раз, когда мы были там вместе, – напоминает мне Люк.

Вспоминаю бурю, треск стекла, вкусные губы юноши, от которых я никак не могла оторваться. Как были вкусны дождевые капли на его губах, как была горяча его светлая кожа, как было глухо его сбившееся дыхание.

– Твоя улыбка очаровательна.

Я трясую головой.

– Что?

– Ты сияешь, – Люк тоже улыбается.

Ну, разумеется.

– Не хочешь повторить то, что мы сделали в оранжерее? — Люк точно не ожидает от меня такого вопроса, и я оказы-

ваюсь права.

Он так мило смущается, что я не сдерживаюсь и беру его за розовую щёку. Если были бы соревнования по флирту, то я бы точно была в тройке лидеров.

– Не беспокойся, там уже заменили дверь.

– Кэтрин, – Люк чувствует себя не в своей тарелке, и я решаю прекратить.

– Я просто шучу. Так, ты хотел поговорить?

Вместо ответа Люк берёт меня под руку и уводит с полянки. Мы оставляем позади сладкий запах ягод, беглые разговоры и Билли Акерса, который сверлит взглядом мою спину. Когда мы поворачиваем за угол, я впервые за вечер не чувствую себя жертвой снайпера. Люк останавливается напротив – слишком притягательный, поэтому я подаюсь вперёд и почти наваливаюсь ему на грудь.

Здесь, вдоль стены, растёт виноград, образуя зелёную арку над окнами первого этажа. Закрученные стебельки провисают под тяжёлыми сине-зелёными гроздьями, а прямо под ними еле слышно ворчат цикады. Но они разлетаются по сторонам, стоит мне только прикоснуться к винограду.

– Ты получил письмо, да? – я начинаю первая.

Я заварила эту кашу, мне её и расхлёбывать.

Люк поправляет свой галстук – узнаю это движение – и говорит:

– И это тоже.

– Тоже? – переспрашиваю я. – То есть ты хотел поговорить

о чём-то ещё?

– Вроде того. Я хотел поговорить о Билли.

Произнесённое имя словно эхом раздаётся в моей голове. Только не Билли – он не должен мешать моим отношениям.

– Так, я порвала с ним, – неуверенно отвечаю я, сжимая ладони в кулаки за спиной. – Он больше не тронет меня.

По глазам вижу, что Люк со мной не согласен.

– Ты в этом уверена?

Билли слишком непредсказуем, чтобы я могла точно сказать, набросится он на меня с кулаками или постарается поцеловать.

– Нет, – признаюсь я.

– Эту проблему нужно как-то решать.

Я протягиваю руки к Люку и берусь за его ладони. Они горячие, как и всегда. Медленно веду их на себя и прикладываю к талии. Сделав резкий вдох после его прикосновения, я ровно выдыхаю, наслаждаясь проникающим под кожу теплом.

– Я больше никого не боюсь, – шепчу я, не отпуская Люка.

– Ты меня не поняла, – говорит Люк. – Я думаю, тебе стоит рассказать миссис Лонг о том, что здесь происходило.

– Уже поздно.

– Предположим, – кивает он. – Но только представь, что будет, если она через год или два узнает о том, что тебе пришлось пережить.

Моя бабушка очень впечатлительная.

– Правда живёт вечно, Кэтрин. А родители – нет. Поэтому стоит делиться с ними некоторыми вещами прежде, чем станет слишком поздно.

Я уверена, Люк знает, о чём говорит. Но сейчас мне меньше всего хочется обращать внимание на Акерса: этого человека и без того было слишком много в моей жизни.

– Я подумаю над этим, – я отпускаю руки Люка, подношу их к воротнику его рубашки и начинаю поправлять галстук. – Позже. Обязательно подумаю чуть позже. Мы с бабушкой сейчас не в лучших отношениях.

Люк склоняет голову набок, когда я потуже затягиваю галстук.

– Что-то произошло?

– Я узнала, что случилось с дедушкой, и... бабушка была очень расстроена. Понимаешь, там всё так сложно! Я уже и сама не уверена, надо было мне ворошить прошлое или нет.

– Ты сильная.

– Ты так считаешь?

Люк смотрит мне прямо в глаза.

– Я уверен в этом, – он притягивает меня к себе.

Вдалеке слышится музыка. Её перебивает лишь свистящий ветерок. Разговоры, шелест травы, звон стеклянных стаканов и жужжание насекомых уходят на второй план. Я концентрируюсь на дыхании. На своём и на дыхании Люка. Любовь заставляет думать о других. Наверное, поэтому Люк так беспокоится – он по-настоящему любит меня.

– Во мне ещё никто и никогда не был уверен, – отвечаю я, погодя.

– А меня никто не целовал до тебя, – смеётся Люк. – Мы были созданы друг для друга, как ты и написала.

Я закатываю глаза. Никогда бы не подумала, что буду писать так сентиментально, чувствовать так глубоко и желать так страстно.

– Тебе понравилось письмо?

– Я в восторге. Можешь поверить человеку, который в своей жизни повидал не одно любовное письмо. В книгах, разумеется.

– А я уже хотела обидеться, – играюсь я.

Мысль о том, что ему могла нравиться другая, больно ранит, поэтому я стараюсь не думать об этом. Люби он дру- гую, мог бы он любить меня так, чтобы я без конца жаждала новых прикосновений, разговоров, поцелуев? Любить меня так, чтобы самому открываться, как никому другому?

Ладонь Люка скользит выше по талии, по плечу, и вот его пальцы уже путаются в моих волосах. В животе порхают ба- бочки – они вот-вот вырвутся наружу и украсят собой весь фруктовый сад.

– Я люблю тебя, Кэтрин Лонг, – доносится голос Люка откуда-то извне.

Порхающие бабочки точно вознесли меня к небесам. На- верное, поэтому мне было так сложно перестать концентри- роваться на обворожительном парфюме Люка, вздрагивать

после каждого прикосновения к лицу, когда он убирал упавшие на мой лоб пряди, возвращая в реальность. Раньше я никогда не лицезрела жизнь в таких красках – красках любви.

– Кэтрин? – Люк проводит большим пальцем по моей щеке, и я слишком поздно понимаю, что она мокрая от слёз.

– Ты плачешь?

Я шмыгаю носом, чуть отстраняюсь и начинаю растирать щёки.

– Не нужно сдерживать эмоции.

– Я не хотела плакать, – оправдываюсь я.

– Если бы не хотела, то не заплакала бы.

Я подхожу ближе к Люку и крепко обнимаю его, притягивая к себе, словно магнит. Его грудь поднимается и опускается под моей головой, и это успокаивает меня. Его дыхание, его голос, забота – всё в нём успокаивает меня.

– Я тоже люблю тебя.

– Если это из-за Билли... – начинает Люк, но я поднимаю голову и прислоняю указательный палец к его губам прежде, чем он до конца произносит его имя.

– Это не из-за него, – я снова шмыгаю носом. – Честно. И я постараюсь поговорить с бабушкой о нём, обещаю.

– Ты хочешь вернуться на полянку? Мы могли бы потанцевать, – его голос становится всё тише.

– Давай потанцуем здесь.

Положив руки на его плечи, я начинаю медленно танцевать.

Мы полностью растворяемся друг в друге спустя минуту или пять, час или другой, когда из больших динамиков на полянке начинает доноситься мелодия. Её спокойный ритм, фортепианные аккорды и чудесный мужской вокал быстро увлакивают нас с Люком далеко-далеко. Мы покачиваемся из стороны в сторону, как маленькая лодка, пересекаем моря, скачем по волнам океанов, и борт вот-вот даст трещину. Штормовой ветер гнёт мачты и рвёт паруса, но мы с Люком остаёмся на плаву. Мы всегда будем на плаву.

Я слишком поздно понимаю, что слышу только стук собственного сердца.

Отстранившись, но не сняв рук с плеч Люка, я смотрю на него. Теперь я люблю каждую черту в его лице: мне нравится его плоский лоб, маленькие глаза, чистая кожа. Это невероятно – ощущать обжигающее пламя в сердце, глядя на человека перед собой. Я прошупываю под пальцами его пиджак. Ткань шуршит под подушечками моих пальцев, и я скольжу выше по его округлым лопаткам. Они совсем чуть-чуть напрягаются после моих касаний, но руки продолжают идти всё выше. Короткие, колкие волосики начинают впиваться в нежную кожу, но уже через секунду я теряюсь в русских кудрях.

– Я говорил, что люблю тебя? – шепчет Люк.

– Чтобы понять это, слова не нужны.

Его шёпот растворяется в дыхании тёплого летнего ветра и теряется где-то над полями за Ривер Фосс. Гуляя по про-

сторам Йоркшира, ветер разносит снятые с губ слова, словно пыльцу распутившихся цветов. Я слышу, как шелестит трава, слышу, как над головой сталкиваются друг с другом тяжёлые гроздья винограда.

А теперь я слышу, как стучит сердце Люка, и это всё, чего я хочу.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – предлагает он. – Лимонад или сок?

– Спасибо, в другой раз, – мягко отказываюсь я и добавляю: – Я слишком устала сегодня.

– Тебя проводить до комнаты? – спрашивает Люк, но я не тороплюсь отвечать.

Вместо этого я подаюсь вперёд и отчаянно впиваюсь в его губы. Ощущаю каждый их дюйм, ощущаю влажность, и всё это заставляет меня только сильнее прильнуть к ним. Люк запускает пальцы в мои рассыпавшиеся волосы и прижимается ко мне.

– Не похоже, что ты устала, – на лице Люка заиграла хитрая улыбка, и я впервые замечаю неглубокие ямочки на его щеках.

Я задерживаю на них взгляд и произношу:

– Я не устану любить тебя.

Любить его за всё, что он делает.

Глава 14

Мы с Люком разошлись у задней лестницы. Я поднялась в свою комнату и, как только вошла, ощутила накопившуюся за день усталость. Сняв кеды, я прошла к столу и оставила там смартфон с наушниками. Мне еле хватило сил стащить платье и расстелить постель перед тем, как утонуть в подушках. У меня даже немного кружилась голова, когда я вспоминала, как мы с Люком танцевали. Почти сказочное ощущение, что всё это не заканчивалось, не покидало меня до глубокой ночи. Люк как будто лежал рядом и гладил меня по волосам. Было приятно засыпать, чувствуя себя в безопасности – что бы ни случилось, Люк спасал меня. Спасал от парня, размахивающего кулаками, от ошибок, которые стали бы непоправимыми. Спасал от того, кто поселился во мне вместо меня.

Я просыпаюсь рано, около семи, когда до подъёма ребят остаётся ещё час с лишним. В такое время со сборами лучше не медлить: если ванную на первом этаже займут, то я смогу принять душ только через два часа. Я сползаю с постели и надеваю вчерашнее платье, которое всю ночь пролежало на стуле, так и не дождавшись, когда я решу повесить его в шкаф. Смартфон решаю даже не брать в руки: думаю, со вчерашнего дня мне пришло далеко не одно сообщение от

Бет, но я не собираюсь ничего открывать. Над значком «контактов», наверное, висят тысячи пропущенных от мамы, но с ней я тем более не хочу разговаривать. Все они будут твердить об одном – о том, как же я облажалась, отказавшись от поездки в Нью-Йорк.

Но я-то знаю, что сделала правильный выбор.

Разгладив складки перед зеркалом, я неаккуратно закалываю волосы, натягиваю кеды и выхожу в коридор с полотенцем в руках. Внизу стоит настолько манящий запах, что я просто не могу устоять, чтобы не заглянуть одним глазком в кафетерий. Овощной салат, заправленный индийскими специями и маслом, порция мягкого отваренного картофеля, домашний лимонад и рассыпчатое печенье на второе – возникает желание стащить первое попавшееся лакомство с ближайшего столика. Да, Хью снова превзошла саму себя.

– Я позже забегу и помогу с порциями! – кричу я, когда замечаю её за прилавком.

– Не нужно, Кэтрин.

Хотя Хью сейчас и не в самом лучшем настроении, что я понимаю по строгому выражению её лица, я думаю, она мысленно поблагодарила меня. Мне очень хочется, чтобы её потушенное невежливими словами детдомовцев сердце запыхало вновь, как и моё.

Не все любят бедную Хью так же, как я. Кто-то обсуждает её недорогую одежду, кто-то любит посмеяться с её ирландского акцента, а кто-то наносит самые тяжёлые удары –

ругает приготовленную еду. Не понимаю, как можно осуждать повара, который нас кормит. Хью изо всех сил старается угодить каждому, кто к ней обращается: она и чизкейки готовит, и картофель мелко режет, и строгает салаты один за другим. И всё это – с любовью. Как можно мешать любовь с грязью?

– Может, вам помочь с закусками?

Хью вздыхает.

– Нет, спасибо. Разве что с десертами мне не хочется возиться лишний час.

Это мой шанс.

– Тогда решено, я подойду после завтрака.

Оставив кафетерий позади, я двигаюсь дальше по коридору. Надеюсь, я успею принять душ до того, как проснётся Люк. Парни, судя по гробовой тишине, всё ещё спят. «Оно и к лучшему, хоть в дверь никто ломиться не будет!» – проskalывает мысль, пока я приближаюсь к ванной. Такое уже случилось один раз. Позапрошлым летом я не вовремя заняла душевую, и, пока все ждали своей очереди к умывальникам, я во всю гортань подражала Уитни Хьюстон. Покажите мне человека, который ни разу не пел в душе – вряд ли такой найдётся. Тогда парни устроили настоящий бунт под дверь, и молодая певица, от которой доносился шикарный аромат лаванды и кокоса, не могла выйти из душевой. Ребята подпёрли дверь стремянкой, и тогда я просидела в ванной около получаса. Да простит меня Уитни Хьюстон, в тот день

я удалила всё её песни из плейлиста.

Скрипучая ручка поддается, и я захожу. В следующий миг передо мной уже мотается голый до пояса Люк, расплёскивая зубную пасту во все стороны, а я стою то ли счастливая, то ли ошарашенная. Синее махровое полотенце тихо плюхается на пол с моих плеч, но я даже не замечаю этого. Куда веселее наблюдать за растерянным Люком.

– Почему ты не постучалась? – бормочет он, хватаясь двумя руками за чистую рубашку, аккуратно сложенную на небольшой тумбе.

Растрёпанные вьющиеся волосы, отливая медью, чуть поблёскивают. Они такие мягкие, что рука сама тянется их потрогать.

– Я думала, что ты ещё в кровати, – произношу я, проглатывая смешки. – Поэтому решила принять душ пораньше.

Люк хмыкает, разворачивая перед собой рубашку.

– Похоже, я тебя опередил, – он расправляет рукава. – Не представляю, что было бы, если бы я не успел одеться.

А я представляю. И скажу даже больше – мне нравится представлять, что произошло бы. Мы, стоя под струями воды, обнимали бы друг друга мыльными руками, натирали плечи, лопатки, а затем спускались бы немного ниже по рёбрам, как по ступенькам. Пальцы Люка провалились бы в мой пупок, а потом так легко пощекотали, что я бы прыснула от смеха на всю ванную.

Я возвращаюсь в реальность, но Люк успевает заметить

мой рассеянный взгляд.

– Только не говори, что думала о том же, о чём и я.

– Почему? – я не могу перестать широко улыбаться.

Я вижу, что впалые щёки Люка розовеют.

– Потому что наши мысли, похоже, совпали. В общем, забудь.

– А о чём я думала? – я перебрасываю полотенце через плечо.

Люк нервно смеётся.

– Нет уж, я лучше промолчу.

– Не стыдно признаваться в своих желаниях, – отвечаю я.

Но Люк знает, как меня обыграть.

– Но ты же не призналась мне в них.

– Тогда сейчас самое время, – я встаю на месте в самом центре ванной комнаты. Люк останавливается рядом и поворачивается ко мне: – Люк, я хочу принять с тобой душ.

Он крутит пальцем у виска.

– Ты сумасшедшая! Я думал не о том!

Я легко толкаю парня в грудь, но тот смеётся всё громче.

– Вовсе нет! И ты тоже хочешь этого, я знаю!

Мы тихо смеёмся, а уже через секунду растворяемся в чувственном поцелуе со вкусом клубничного пудинга. Всё, что нужно, чтобы его не забыть, теперь у меня есть. Люк вошёл в мою жизнь широким шагом и продолжает идти, оставляя на ней свежие следы. И сейчас всё, что мне хочется, это продлить удовольствие настолько, насколько это возможно.

– Что ты делаешь? – спрашивает Люк, прищуриваясь.

– Просто люблю тебя.

– Неужели так сильно?

– Не сомневайся в этом.

Я дотягиваюсь до его губ и легонько чмокаю напоследок.

– Сегодня ты в хорошем настроении, – замечает он.

– Я всегда в хорошем настроении, когда рядом с тобой.

– Звучит круто.

– Согласна, – я заставляю себя оторваться от Люка и поднимать упавшее полотенце. – Так я схожу в душ?

– Вообще-то я первый занял ванную.

– Раз уж мы встретились, тебе придётся уступить, – шучу я и легко хлопаю его по плечу.

Люк оставляет на моей щеке горячий поцелуй и выходит из ванной, часто оборачиваясь. Смущённо потирая лицо, я ещё несколько секунд провожаю его взглядом, прежде чем всё-таки закрыть дверь и начать умываться. Мысли об одном – о моих с Люком тайных желаниях. Насколько далеко всё зайдёт? Насколько далеко всё *уже* зашло?

После завтрака одни ребята расходятся по комнатам, а другие отпрашиваются в Хантингтон, и корпус становится практически пустым. Птичка доносит, что Билли уехал развлекаться в город вместе с парнями. На месте бабушки я бы вообще его не отпускала. Не было ни дня, когда Акерс не попадал бы в передрагу, будь то опрокинутая мусорка или

побег от какой-то банды, взявшейся в центре чуть ли не безлюдного Хантингтона. Но я понимаю, почему Билли продолжает ездить в город: если не давать детям достаточно свободы, они просто нажалуются социальной службе. А бабушка слишком любит детский дом, чтобы по такой глупости потерять его.

Чтобы как-то спастись от скуки, я выхожу в сад, но штормовой ветер практически сразу сбивает меня с ног. Свинцовые тучи затягивают небо, и я понимаю: если я не хочу промокнуть до нитки, как в прошлый раз, нужно успеть вернуться в корпус до того, как начнёт моросить. В оранжерее я на скорую руку поливаю пару растений и уже хочу пойти за Люком на Ривер Фосс, но тут же вспоминаю, что совсем забыла помочь Хью. Я торопливо возвращаюсь в кафетерий и застаю Люка на его обычном месте – за столиком при входе, с книгой в руках.

– Я думала, ты ушёл на Ривер Фосс, – начинаю я, подсаживаясь.

Он отвечает, не отрываясь от книги:

– Скоро начнётся гроза, поэтому сегодня я здесь.

– Не хочешь помочь Хью с десертами?

Он загибает край странички, а потом закрывает и откладывает книгу.

– Я не умею готовить. В последний раз, когда я был на кухне, я не уследил за кипящим молоком.

– Это не проблема, я научу тебя, – отвечаю я. – Пошли,

а то Хью уже заждалась.

Люк медленно встаёт за мной, точно зачарованный. На нём тёмные джинсы и светло-зелёная рубашка-поло, белый воротник которой аккуратно расправлен.

Мы проходим через пустую столовую за железную стойку с блюдами и оказываемся на кухне. Я беру сеточку для волос с полки и на ходу прячу под неё волосы. На кухне пахнет варёным картофелем, мясом и фруктами. Повсюду бегают повара с кастрюлями и сковородами в руках – с ними я не общаюсь так тесно, как с Хью. Большинство поваров в детском доме – необщительные женщины от сорока пяти и старше. Хью же всегда делится со мной деталями своей нелёгкой работы.

– Думаешь, у меня получится? – Люк начинает сомневаться, когда замечает тележки с едой, приборы и включенные печи. Кухонная суета сбивает с толку.

– Я в тебе не сомневаюсь, – подбадриваю я парня. – Надо только найти Хью.

Я озаряюсь по сторонам и замечаю старушку у одной из раковин. Рядом с ней гора грязных после завтрака тарелок. Тяну Люка за руку через всю кухню, пока он говорит:

– А что именно мы будем готовить?

Свист чайников растворяется в бурлении кипящей воды. Белоснежный пар оседает на поверхностях гарнитуров мелкими капельками.

– Ещё не знаю, – отвечаю я, поворачиваясь к нему через

плечо. – Что бы ты хотел приготовить?

Люк задумывается.

– Что-нибудь не слишком сложное.

– Чизкейк? – начинаю перечислять я. – Трайфл, тыквенный пирог?

– Не слишком сложное, – повторяет он.

Я улыбаюсь. Для меня нет ничего сложного в готовке. Я так часто присутствовала на кухне с Хью, что запомнила всевозможные рецепты. Конечно, всё это благодаря ей. Вспоминаю все наши занятия: от самого первого, когда она рассказывала мне о здоровой и нездоровой пище, до последнего, на котором я училась сервировать столы.

– Может, сделаем пончики?

– Пончики?

– Да. Самое сложное – глазурь. Но я думаю, что для начала мы можем использовать пудру.

Мы подходим к Хью, огибая стойку с мытыми овощами. Люк неуверенно встаёт рядом со мной. Ему никогда не было дозволено готовить, как и остальным, поэтому я понимаю его смущение.

Хью вытирает мокрые руки о фартук и ещё раз благодарит меня. Я отмахиваюсь и стараюсь поскорее перейти к делу. Она отводит нас к большому столу у дальней стены и отходит, чтобы принести нужную посуду и продукты. Вскоре на столе появляется миска, скалка, несколько мешочков: маленький – с сахарной пудрой, а большой – с мукой. Пару яиц

и кусочек сливочного масла Хью достаёт прямиком из холодильника.

– Напомнить рецепт? – спрашивает она.

– Думаю, мы справимся.

В этот момент я молюсь, чтобы она не предложила Люку подождать меня снаружи. Я ни за что не стану готовить в одиночку. К моему счастью, Хью оставляет нас, молча отходя обратно к раковине.

– С чего начнём? – Люк берёт одно яйцо и рассматривает его, как музейный экспонат.

– Для начала я схожу за второй сеточкой. На кухне нельзя появляться без неё, – я маячу пальцем в воздухе, пародируя Хью.

Когда я возвращаюсь с сеточкой, то вижу, что на дне большой миски уже плавают пара желтков.

– Я не удержался, – оправдывается Люк, натягивая сеточку. – Что-то не так?

– Даже не знаю, – я оставляю миску в покое. Кажется, сначала Хью смешивала сахар и дрожжи, затем добавляла тёплую воду и всё перемешивала, а уже следом разбивала яйца.

– Извини, поторопился.

Я оглядываюсь и замечаю пустую миску на соседнем столе.

– Правило номер один, – ядвигаю миску с яйцами и ставлю рядом пустую. – Никогда не начинай готовить, не зная рецепта.

– Запомнил.

Я беру в руки пачку дрожжей и столовую ложку.

– Правило номер два, – я засовываю ложку и черпаю совсем немного. – Сначала смешивают дрожжи и сахар, а уже потом добавляют яйца.

– Прекрасно, а мне что делать?

Я осторожно высыпаю дрожжи.

– Учись, стажёр. Можешь пока насыпать сахар.

Люк недовольно хмыкает – я знаю, что он всего лишь при-
творяется, – берёт в руки ложку и насыпает столько сахара,
что я еле сдерживаю смех.

– Правило номер три, – я обвиваю живот двумя руками. –
Во время первой готовки желательно использовать весы, а
не сыпать «на глаз».

– Ты специально ждёшь, когда я ошибусь? – театрально
дуется Люк, оставляя ложку в миске.

Я подхожу ближе и легко толкаю его бедром.

– Все учатся на ошибках.

Он сам начинает смеяться, смотря на горку сахара на
дрожжах.

– Не переживай, всё в порядке, – подбадриваю я его, уби-
рая ложкой лишний сахар, – не всё получается с первого ра-
за. Я училась этому несколько лет.

– Правда?

– Чистейшая, – киваю я. – Теперь добавляй яйца.

Люк переливает желтки из другой миски, берёт веничек и

начинает взбивать их. Я слышу звон миски даже сквозь грохот посудомоечной машины. Надоедливое, почти угрожающее бряцание бьёт по ушам, но я не подаю вида.

Успокойся. Это всего лишь веничек и миска.

А если нет?

На кухне становится слишком громко – как будто кто-то надел на меня наушники и включил тяжёлый рок на полную мощность. Я стараюсь как можно естественнее почесать два уха сразу, но, конечно, не нахожу там никаких наушников. Я чувствую себя, как последняя дура, но ничего не могу поделать. А звук между тем становится всё громче – угрожающе громче. Пол под ногами дрожит так, словно сотня лошадей сейчас носится вокруг кафетерия.

– Люк, – я резко отбираю у него ложку и откладываю в сторону. – Давай используем миксер?

Парень с недоумением смотрит на меня.

– Ты всё делал правильно, правда.

– Но?

Он догадался.

– Ты знаешь.

Люк вздыхает.

– Ты не сможешь побороть свой страх, если будешь бежать от него, помнишь?

Я стараюсь справиться с дрожью в коленках.

– Это всего лишь веничек, – он указывает на испачканный серебряный прибор. – А это мои руки. Мои, а не его. И они

не причинят тебе боли, – заканчивает Люк.

– Я знаю.

– Кэтрин, – не прекращает Люк, – я попрошу у поваров миксер, и мы обязательно доделаем это чёртово тесто, – тускло улыбается он. – Только ты не должна бояться меня. Я думал, вчера...

– Я не боюсь тебя.

Люк быстро моргает.

– Ты ещё не говорила с миссис Лонг?

– Нет, – признаюсь я. – Но я обязательно сделаю это.

– Тебе же будет лучше.

– Я верю тебе.

Я беру веничек и вручаю его Люку, как какой-то трофей. Он осторожно принимает его, внимательно следя за выражением моего лица. Я начинаю улыбаться. По-настоящему улыбаться.

– Правило номер четыре: не оставляй грязные приборы на столе.

– Я и не собирался! – защищается Люк.

– Хватит болтать, стажёр!

Он пихает меня бедром раньше, чем это успеваю сделать я, и мы громко смеёмся. А он быстро учится! Люк добавляет стакан тёплой воды и щепотку соли. Я снимаю с полки муку и аккуратно ставлю рядом с миской, но она всё равно вздымает ввысь, словно закруженный ветром снег. Зажмурившись, я несколько раз громко чихаю.

Когда я меньше всего ожидаю этого, Люк берёт меня за подбородок и медленно поворачивает к себе. Я замираю в ожидании.

– У тебя здесь мука, – говорит он, проводя пальцем по моей щеке.

Он останавливается у нижней губы.

– У тебя тоже, – замечаю я.

Я касаюсь его большим пальцем и убираю муку с лица. Провожу рукой до самого подбородка. Всё происходит так легко и естественно, как будто я делала это всю жизнь; как будто мой палец уже привык скользить по его фарфоровой коже, а глаза – смотреть в его глаза.

Мы отстраняемся друг от друга и снова принимаемся за тесто. Отсыпав немного муки в стакан, Люк взвешивает её на весах и спрашивает, не мало ли мы добавляем.

– Нет, высыпай, – отвечаю я, пододвигая миску.

Мука белым облаком поднимается вверх.

– Позволь, – говорю я и нежно целую Люка в губы.

Наверное, мне впервые всё равно, будет ли у меня кариес. Потому что Люк настолько сладкий, что от него невозможно оторваться.

– Там тоже мука? – он гладит меня по спине, и каждая клеточка моего тела трепещет от удовольствия.

– Вроде того.

Мы добавляем в тесто кусочек сливочного масла и щепотку сахарной пудры, а потом оставляем тесто на час. Когда

мы возвращаемся, то замечаем, что оно уже поднялось. Пока Люк раскатывает его скалкой, я хозяйничаю у плиты, а когда возвращаюсь, то вижу, что пончики уже приобрели свою форму. У Люка отлично получается готовить, когда он не торопится. Вскоре пончики отправляются на раскалённую сковороду, и кухню заполняет аппетитный аромат домашней выпечки.

К вечеру дождь за окном становится сильнее. Билли, Луис и Джейкоб возвращаются из Хантингтона к ужину мокрыми до нитки, с прилипшими ко лбу волосами, футболками, которые можно выжимать, и кедами, которые спасут только еле дающие тепло батареи. Пока мы с нянечками бегаем вокруг парней, как наседки, они бросают на меня озлобленные взгляды и корчат рожицы, как малыши.

Когда ребята собираются в кафетерии, чтобы отведать пончики, столы уже накрыты. Хью, как настоящая волшебница, помогла нам с обжаркой, и пончики покрылись аппетитной золотистой корочкой меньше чем за десять минут. Мы посыпали их сахарной пудрой и разложили по блюдам, добавив к каждому немного кленового сиропа.

Только я присаживаюсь за небольшой столик у входа, бабушка, резко появившаяся из-за спины, поднимает меня.

– Нам нужно срочно поговорить.

Я уже догадываюсь, о чём. Ребята, собравшиеся в кафетерии, начинают оглядываться на нас.

– Пойдём ко мне, – предлагает она.

Я соглашаюсь и встаю из-за стола. Войдя в кабинет, я присаживаюсь на своё обычное место. Бабушка заходит следом и захлопывает за собой дверь. Не дожидаясь, когда она дойдёт до своего места, я начинаю:

– Я не собираюсь ходить на фотосессии.

– Побег от трудностей ничего не решит.

– Ты не понимаешь, – я откидываюсь в кресле и чуть сползаю вниз. – Мне не нравится быть моделью.

Бабушка присаживается, и её кресло тихо поскрипывает. Я жду, когда она скажет хотя бы что-нибудь, но, похоже, она и не собирается. По крайней мере, сейчас. Только гром, словно тяжёлый бас, напоминает, что время ещё не остановилось. Я морщусь, когда ветви деревьев начинают неприятно скрести по раме.

– Но ты долго этим занималась, – говорит бабушка после долгой паузы.

– Знаю.

– И ты так просто отказываешься от Нью-Йорка?

– Да, так просто.

– Есть какая-то причина?

– Да, есть, – я намерена сейчас же поставить точку в этом неприятном разговоре. – Я не хочу ехать в Нью-Йорк и продолжать свою модельную карьеру.

– Это из-за Люка?

Одно упоминание о Люке в плохом свете заставляет меня взбеситься. Бабушка никак не может смириться с тем, что

её внучка уже вполне самостоятельная и в силах принимать решения.

– Нет, это из-за меня.

Яркая молния за секунду пронесется через всё небо. Ливень стеной обрушивается на Ривер Фосс.

– Посмотри на себя, Кэтрин, – бабушка указывает на меня ладонью, и я перевожу взгляд на неё. – Из-за Люка тыпустила жизнь на самотёк.

– Люк помог мне понять, что я действительно хочу получить от жизни, – возражаю я.

– Чего же?

– Удовольствие, бабушка, – мне приходится объяснять взрослым такие элементарные вещи. – Я хочу жить ради себя, а не ради других.

Хочу идти по тропе жизни с высоко поднятой головой, зная, что впереди меня ждёт успех. Хочу быть уверенной в своих интересах, увлечениях и желаниях.

– И учиться ты пойдёшь не на дизайнера, как я поняла?

– Ни за что, – отрезаю я.

– Тогда на кого?

– Полно интересующих меня направлений, Энн меня ориентирует.

Бабушка прищуривается.

– Кто такая Энн?

– Моя подруга. Мы познакомились на ужине в июне.

– И на кого она учится? – никак не отстанет бабушка.

– На дизайнера в Йоркском университете.

Молния ударяет ещё раз, и гром сотрясает землю. За окном шум листвы смешивается со свистом ветра и барабнящими каплями.

– Тебе стоит брать с неё пример.

Я крепко сжимаю подлокотники.

– Мне стоит быть собой, – бурчу я, поднимаясь на ноги.

Я разворачиваюсь и решительно иду к двери. Слышу, как скрипит бабушкино кресло.

– Сядь на место, Кэтрин, – строго говорит она, даже немного пугая своим тяжёлым голосом.

Я останавливаюсь посередине кабинета. Бабушкино лицо покраснело от злости. Она опёрлась руками на столешницу, и голубой платок скатывается вниз с её широких плеч.

– Ты рушишь свою жизнь, – утверждает она, и я фыркаю.

– А может, вашу?

Бабушка ударяет ладонью по столу так сильно, как только может. Канцелярские скрепки, бесчисленные ручки и карандаши, лежащие на стеклянной столешнице, звонко подпрыгивают. Я вздрагиваю от неожиданности.

– Мы хотим для тебя лучшего.

Уверенность пропадает, но я не намерена заканчивать наш разговор на этом. Дрожащими губами я произношу:

– Лучшее будет тогда, когда я сама смогу принимать решения.

– Ты слишком юна.

– Я знаю, – соглашаюсь я. – Я могу сомневаться в том, чего хочу, но я не сомневаюсь в том, что чувствую.

– Глупо! Вздор!

Я никогда не видела её такой злой. Наоборот, когда я ссорилась с мамой, я бежала к бабушке за утешением, а теперь... теперь я должна научиться утешать себя самостоятельно. И я уже чувствую, как это тяжело. Смахивая подступившие слёзы, я делаю глубокий вдох и стараюсь разжать подол платья, который каким-то образом снова оказался у меня в руках.

– Помнишь, ты рассказывала мне, с каким восторгом дедушка делился с тобой деталями своей работы? – говорю я, всхлипывая. – Я хочу жить счастливо, хочу жить так, как это делал он. Жить в гармонии с собой.

Прежде, чем заплакать, я выхожу из кабинета и закрываю за собой дверь. Когда я оказываюсь в своей комнате, то запираюсь изнутри, чтобы... даже не знаю, чтобы бабушка не пошла за мной? Наверяд ли после моих слов ей хватит сил из кресла подняться, не говоря уже о том, чтобы прийти сюда. Я уже жалею, что заговорила о дедушке – которого она так любила и так быстро потеряла. Но я не могла выразить свои чувства иначе: дедушка был единственным в этой семье, кто *жил*, а не существовал.

Мысли о нём заставляют меня рыдать сильнее и громче. Я вою, точно подпевая бушующему за окном ветру.

Глава 15

Вечером вместо того, чтобы спуститься на ужин, я написала сообщение Энн с одной ма-а-ленькой просьбой. Ещё не знаю, как на это отреагирует мама, но уверена: ничего хорошего ждать не стоит. Потому что я впервые решаю что-то сама, и это – смена программы обучения. Мне надоело тянуть кога за хвост: пока я числюсь в учениках старшей школы Хантингтона, я играю роль в чьей-то трагедии. Но я понимаю, что так больше не может продолжаться. Математика с экономикой, как и фотосессии с дизайном – если бы я была капельку умнее, то давно оставила бы всё это в прошлом. Я написала Энн, что мне нравятся история, искусство и общественные науки, и спросила, знает ли она школу с уклоном на эти предметы. Ответ пришёл спустя полчаса, в котором она попросила меня быть готовой к долгой прогулке после запланированной фотосессии. Вот блин. Я с чувством стыда написала, что меня снова не будет, и Энн расстроилась. Вообще-то я не планировала посещать ни одну из следующих съёмок, но забыла предупредить Энн. Мы договорились встретиться после обеда в кофейне, где моя мама постоянно берёт себе американо.

Утром я завтракаю вчерашними пончиками, принимаю душ, отправляю платье в стирку и одеваюсь в простую блуз-

ку с классическими синими брюками. Я смотрюсь в зеркало и пытаюсь понять, не перепутала ли я их с брюками Люка, когда забирала её из сушики. К счастью или сожалению – я так и не определилась, – брюки оказываются моими. Теперь-то я понимаю, почему все так удивляются, что я дочь Вивиан Гофман – иногда мне кажется, что я настоящая растяпа. Взяв сумочку и в последний раз глянув в зеркало, я спускаюсь вниз. Шагая по лестнице, я пишу бабушке сообщение о том, что уезжаю в Хантингтон до вечера. Пока она не успела напечатать ответ, в котором с вероятностью сто процентов попросит всё ей объяснить, я отключаю телефон и прячу его в карман.

Люк, словно сонная муха, маячит в холле перед лестницей. Я улыбаюсь, как только замечаю его, но понимаю, что что-то не так, когда подхожу ближе. Да, ему не помешало бы поспать часик-другой. Если бабушка увидит его спутанные кудрявые волосы, она сама лично захочет их расчесать. Даже боюсь представлять, что она додумается сделать с его мятой рубашкой. Оставив сумочку на пуфике, я спрашиваю:

– Всё в порядке? – я касаюсь тёплой щеки Люка, как делала это вчера за готовкой.

Он потирает глаза и зевает.

– Не выспался.

– Поздно лёг?

– Долго не мог уснуть.

– Что-то случилось? – тихо спрашиваю я, озираясь по сто-

ронам. В радиусе десяти метров не видно ни одного Билли Акерса.

– Да. Ты так и не спустилась вчера на ужин.

Я замираю и растерянно смотрю на Люка. Открываю рот, чтобы начать оправдываться, но в голове как на зло одно лишь перекаати-поле.

– Я... о, прости. Я заговорила с бабушкой, а потом ушла к себе.

Я прижимаюсь к Люку и утыкаюсь лицом ему в шею.

– Прости, совсем забыла предупредить.

Немного погодя, он обнимает меня в ответ. Зарывшись лицом в мои волосы, он тихо-тихо смеюсь, чтобы не привлекать к нам лишнего внимания. И, хотя в холле сейчас пусто, ребятам ничего не стоит внезапно появиться из-за угла игровой или кафетерия.

Да и как я, чёрт возьми, могу сопротивляться?

– Ты на фотосессию?

Его губы рядом с моей шеей, и я чувствую, как его дыхание принято щекочет кожу. От Люка доносится слабый аромат почти выветрившегося одеколона, и он перемешивается со сладким запахом моего кондиционера для волос.

– Нет, на встречу с подругой, – говорю я.

Люк опускается к моей шее, оставляя за собой дорожку из поцелуев. Я громко дышу, пока он спускается по моей коже всё ниже и ниже. Он бросает на меня взгляд снизу вверх, лукаво улыбаясь, а потом оставляет ещё один поцелуй рядом

с родинкой на ключице.

Я собираюсь с духом и тянусь к пуговицам его рубашки. Глаза успевают привыкнуть к полумраку холла, и я без особых проблем расстёгиваю самую верхнюю. Кожа там горячая, как костёр, но я не одёргиваю руку. Я, как кошка, прижимаюсь только сильнее и целую Люка прямо в местечко между ключицами.

Внезапно он отстраняется и окидывает меня непонимающим взглядом.

– А как же фотосессии?

На губах всё ещё сохнут его поцелуи, а глаза растерянно бегают по сторонам. Время как будто останавливается, и я вдруг ловлю себя на мысли, что готова зависнуть в этом моменте, лишь бы быть рядом с Люком. Думая о том, как лучше ответить, я отхожу к пуфику, беру сумку и снова поворачиваюсь к Люку.

– Я больше не буду ходить на них, – признаюсь я. – И собираюсь поменять программу обучения.

Он понимает меня с полуслова.

– Собираешься перевестись в другую школу?

– Скорее всего, мне придётся.

Доносящийся из игровой звонкий смех напоминает о том, что здесь лучше не говорить о таких вещах, если я не хочу, чтобы завтра о них знал весь Хантингтон.

– Ладно, я пойду, – я подхожу к Люку и коротко целую его в щёку. Затем снимаю с крючка прозрачный дождевик и

накидываю его на плечи.

– Встретимся вечером за роялем? – спрашивает Люк.

– Конечно. Дождись меня.

Покидая корпус, я в последний раз вдыхаю приятный аромат одеколона Люка и выхожу на улицу. Правда, он почти сразу забывается, когда я сталкиваюсь со сладким запахом влажной земли и цветущих у ворот лилий. Скатывающиеся с крон капли глухо бьют по капюшону, будто наигрывая уже знакомую мелодию.

Сезон дождей продлится до середины июля. Раньше в это время я любила сидеть в своей комнате с чашечкой чая и наблюдать за тем, как ветер гнёт деревья под моим окном, гонит реку и поливает луга. Но теперь мне нравится выходить на улицу и дышать накалившимся после грозы воздухом, перепрыгивать через лужи и наблюдать за тем, как в них расплывается мое отражение. В грозе и ливне есть нечто прекрасное. Сразу замечаешь, что у погоды тоже есть настроение.

Я сажусь на автобус и за двадцать минут доезжаю до кофейни, где мы с Энн договорились встретиться. Оставив свой дождевик на крючке, я занимаю свободный столик на двоих и оставляю сумочку на другом стуле.

Странно, но это напомнило мне один инцидент, произошедший здесь же пару лет назад. Однажды, когда мы с Морисом и Бет договорились встретиться в этой кофейне, я тоже пришла первой. Забыв оставить сумку хотя бы на одном

из стульев, я стала приманкой практически для всех юношей до семнадцати лет в этой кофейне. Как забавно бы это не звучало, но, когда появился Морис, мне пришлось выбрать его из всех кандидатов на чаепитие. Зато, когда пришла Бет, она смогла обзавестись двумя новыми знакомыми из старшей школы. Вспоминая это, я невольно расплываюсь в улыбке.

Кажется, что с тех пор прошло уже сто лет. В последнее время мы с Бет не обмениваемся и парой фраз: я... вроде как обиделась на её слова. Бывает такое, что, когда человек обижает тебя, ты уверен, что не будешь общаться с ним. Но, как только он исчезает, ты чувствуешь пустоту внутри, будто вместе с ним исчезла и часть тебя. Надо бы позвонить ей как-нибудь.

Я беру нам с Энн зелёный чай и молочный коктейль. Вспоминаю, как она рассказывала мне о своём детстве на прошлой прогулке. Много лет назад, когда Энн было всего десять, она с бабушкой летала в Соединённые Штаты, где впервые попробовала молочный коктейль. Она говорила, что тот был шоколадным, и с тех пор девушка не представляет ни одни свои выходные без него.

Энн не перестаёт хотеть в Соединённые Штаты с того самого дня, как покинула их. И я понимаю её: нас пленит место, переполненное новыми событиями и свежими эмоциями. Её пленит Нью-Йорк, где она впервые попробовала молочный коктейль, как меня пленит Хантингтон, где я впер-

вые по-настоящему влюбилась.

Дождь за окном усиливается. Я внимательно слежу за капельками, скатывающимися по стеклу окна, и мысленно болею за одну из них, чтобы та как можно быстрее добралась до карниза. Глупо, по-детски, но людям так важно обращать внимание на вещи, пусть даже абсурдные, но приносящие удовольствие.

Энн заходит в кофейню через несколько секунд, и я выпрямляюсь на стуле. Длинная рыжая чёлка чуть намокла, и волосы слиплись, напоминая тоненькие сосульки. Энн улыбается, замечая меня, а затем снимает свой дождевик и проходит ко мне.

Я поднимаюсь, чтобы обняться.

– Выглядишь невероятно! – я прихожу в восторг при виде её макияжа.

Рыжие, но неброские тени подходят под естественный цвет её волос, а стрелки придают взгляду остроты и хитрости. Энн точно лисичка, сбежавшая с экрана телевизора или детской книжки.

– Спасибо, ты тоже! – Энн крепко обнимает меня, и я чувствую сладкий ванильный аромат её духов.

Я нанесла лишь блеск для губ, да и оделась просто, но всё равно благодарю её за комплимент. Я поднимаю сумочку со стула Энн, и мы присаживаемся друг напротив друга. В эту же минуту нам приносят заказ: чай и молочный коктейль. Энн пододвигает коктейль ближе и делает глоток через тон-

кую трубочку.

– Шоколадный, как я люблю.

– Я знала, что тебе понравится, – улыбаюсь я.

Энн делает ещё глоток.

– Я верну тебе деньги на следующей фотосессии, обещаю.

Вот мы и подошли к теме. Я напрягаюсь и говорю:

– Не надо, я угощаю. И да, я больше не буду ходить на фотосессии.

Улыбка моментально пропадает с лица Энн. Я опускаю глаза и вдыхаю поднимающийся над чашкой горячий пар.

– И мы больше не будем видеться? – спрашивает она.

– Обязательно будем, просто немного реже.

Энн молча принимается за молочный коктейль. Я делаю несколько глотков чая и чуть обжигаю язык. Мне тоже жалко расставаться с новой подругой. С её появлением я поняла, ради чего живу. Я всегда буду благодарна судьбе за это знакомство.

– В любом случае, это твой выбор, и я рада, если он делает тебя счастливой.

– Спасибо.

Мы переключаемся на незамысловатую болтовню. Пока Энн рассказывает, как будут проходить съёмки для портфолио, я осознаю, насколько же она воодушевлена Нью-Йорком. Когда речь заходит о Центральном парке или горящем неоновыми вывесками Бродвее, у Энн как будто вырастают крылья, и кажется, что она в любой момент может взлететь.

Невозможно не улыбнуться, разговаривая об этом. Зная, как долго Энн шла к своей цели, я не могу перестать ей восхищаться.

Но что насчёт меня? Энн первая вспоминает о вчерашнем сообщении, и я снова перечисляю ей предметы, которые мне нравятся. Энн листает в поисковике список специальностей, на которые я могла бы пойти учиться после школы.

– Как тебе искусствоведение?

– Звучит неплохо, – загораюсь я.

– Так где именно ты хочешь учиться?

Я пожимаю плечами:

– Хотелось бы в Йорке.

– Хотелось бы? – она поднимает на меня глаза, оторвавшись от смартфона. – Не забывай, что Манчестер и Лондон в нескольких часах.

– Я просто не хочу далеко уезжать, вот и всё.

Энн коротко кивает и вновь утыкается в экран. Что-то быстро печатая, она расцветает. Кликнув на какой-то сайт, она открывает список нужных предметов для подачи документов. Энн внимательно изучает его, а я слежу за ровным выражением её лица.

– Тебе повезло, – начинает она после долгой паузы, за которую я успела накрутить на палец целый локон. – В Йоркском университете как раз есть то, что тебе нужно.

Меня отпускает. Я шумно выдыхаю и произношу:

– Это замечательно!

– На какие предметы у тебя сейчас идёт уклон?

– Экономика и общественные науки.

Энн хмурится.

– Так не пойдёт, – она откладывает телефон на край стола и складывает локти. – Ты же понимаешь, что тебе придётся сменить школу, чтобы хорошо подготовиться к нужным экзаменам?

– Я готова к этому.

Энн скептически изгибает бровь.

– Я го-то-ва, – повторяю я.

– Что ж, если так, – она выпрямляется. – В Ирsvике и Роклиффе есть школы с этим уклоном.

Ирsvик является практически частью Хантингтона. Это такое же небольшое поселение с раздробленными дорогами, ржавыми указателями и барахлящими светофорами. Проблема лишь в одном – большинство ребят из детского дома учатся там, включая Луиса, Джейкоба и Билли Акерса, с которыми мне меньше всего хочется пересекаться. Если же я буду учиться в Роклиффе – городке, который примыкает к историческому центру Йорка, – то мне придётся как минимум полтора часа в день проводить либо в автобусе, либо в компании мамы на её машине. И это с учётом, что на дорогах внезапно не образуются пробки.

Но всё лучше, чем учиться вместе с Акерсом.

– Мне бы хотелось учиться в Роклиффе.

– Уверена? До Ирsvика рукой подать, – продолжает наста-

ивать Энн.

– Я уверена. Мама будет подвозить меня.

Энн колеблется, но всё же говорит:

– Замечательно. Никому не помешала бы твоя стойкость, – замечает она, пытаясь разрядить обстановку. – Старшая школа Роклиффа довольно большая.

– Да?

– Моя младшая сестра училась там некоторое время, – поясняет Энн, и я удивляюсь.

– У тебя есть младшая сестра?

Энн тихо смеётся.

– Да, ей тринадцать, – она берёт стакан с молочным коктейлем и делает глоток. – Та ещё штучка.

Если бы у меня была младшая сестра, то от дома, наверное, ничего бы не осталось. По крайней мере, мне так кажется. У меня нет младших братьев и сестёр, поэтому мне всегда интересно слушать, каково это – жить вдвоём в одной комнате, делить ванную комнату и сражаться за последний кусочек торта.

К вечеру погода налаживается, и мы с Энн выходим на улицу. Перепрыгивая через лужи, залившие Хантингтон-роуд, мы доходим до остановки, где и прощаемся. Я ещё раз тепло обнимаю Энн и благодарю её за помощь. То, что она сделала, бесценно. Я желаю ей удачи с подготовкой портфолио и сажусь на автобус.

Энн много рассказывала о старшей школе Роклиффа.

Оказывается, она сильно отличается от той, в которой учусь я: мне придётся столкнуться с по-настоящему высокими требованиями от учителей и администрации. Если в старшей школе Хантингтона учителя иногда закрывали глаза даже на серьёзные проблемы, возникающие непосредственно прямо у них под номом, то в Роклиффе я буду под внимательным наблюдением.

По дороге в корпус я успеваю прочитать несколько отзывов о старшей школе Роклиффа. Многие, как и Энн, отмечают её строгие правила и порядки. Самодисциплина – важнейшее качество, которым должен обладать ученик, ступивший на порог старшей школы. Что ж, у меня этого не отнять.

Я пишу маме сообщение о том, что в ближайшие дни намерена забрать документы из Хантингтона и перевестись, а также покончить с деятельностью модели. Блокирую телефон прежде, чем мама начнёт присылать мне сообщения с просьбами как следует обдумать это решение.

Ветер гонит облака по розовой дали, как будто стараясь побыстрее спрятать солнце. Прощальные тени растут на глазах, пока я радостная бегу к корпусу. В закате есть что-то романтическое. Он похож на озаряющее всё вокруг пламя, которое рано или поздно гаснет – но всего на сутки, и только ради того, чтобы вспыхнуть вновь. И почему-то именно эта мысль вселяет в меня уверенность в завтрашнем дне.

Вернув дождевик на место, я тихо прохожу в холл. Внутри

стоит запах сладких пончиков и домашнего лимонада. Игнорируя недовольные взгляды ребят, я прохожу в кафетерий и наливаю себе стакан лимонада. Если бы у Билли вместо глаз были лазеры, от меня давно и мокрого места бы не осталось. Он пробормотал что-то невнятное, а и его дружки – Луис и Джейкоб, – сидящие рядом, тихо посмеялись. Сейчас это всё, на что он способен. Билли уже вряд ли заговорит со мной. Его раздутое эго лопнуло, как воздушный шарик.

В холле я встречаюсь с Люком. Если бы не стакан с лимонадом в руке, я бы прямо сейчас бросилась ему на шею.

– Привет, – говорю я, расплываясь в улыбке.

Я подхожу ближе кладу голову ему на грудь.

– Привет, – он нежно гладит меня по волосам, и мне так хочется, чтобы он не останавливался. – В честь чего пьём?

– Можешь меня поздравить, я выбрала новую школу и направление, на которое буду поступать.

Я выпрямляюсь и делаю несколько глотков. Лимонад оказывается даже вкуснее, чем я предполагала. Сочные дольки лимона ощущаются приятной кислинкой на языке.

– Поздравляю, – Люк внимательно следит за тем, как я делаю глоток за глотком. – И что за школа?

– В Роклиффе.

Люк вскидывает брови.

– Далековато. А направление?

– Искусствоведение.

– Ну, хоть тут я не удивлён, – довольно хмыкает Люк, об-

нимая меня.

– Это почему же?

Люк бегаёт глазами по сторонам. В полумраке я замечаю, как розовеют его щёки.

– Потому что ты для меня...

– ...Произведение искусства.

Я притягиваю Люка к себе и целую, заставляя его хотеть почувствовать вкус лимонада только больше. Немного растерявшись, он всё же отвечает на мой поцелуй со страстью и осязаемым желанием.

Я замечаю, как смешно округляются его глаза.

– Всё в порядке? – почти шепчу я.

– Это было... – Люк останавливается, чтобы подобрать нужные слова. – Вкусно. Да, это определённо было вкусно.

Парень сглатывает, и я замечаю, как подпрыгивает его острый кадык.

– Благодарности оставь для Хью, а я пока пойду в музыкальный зал, – я хлопаю его по плечу и разворачиваюсь к коридору.

Люк поворачивается ко мне.

– Разве ты не пойдёшь на ужин?

– Может, немного позже, – бросаю я через плечо, когда подхожу к витражным дверям музыкального зала.

Люк скрывается в кафетерии, пока я продолжаю стоять перед входом в музыкальный зал и думать о том, сколько всего произошло за последнее время. Наверное, я никогда не

ощущала себя так легко, как сейчас. Энн не соврала – когда ты свободен, у тебя вырастают крылья.

Люк будет на ужине примерно двадцать минут, а это означает, что у меня ещё есть время, чтобы поупражняться с гаммами.

Я вхожу в музыкальный зал и захопываю за собой двери. Лучи заходящего солнца нежно поглаживают ряды старых бархатных кресел и возвышающийся над ними рояль. Оставив лимонад на маленьком столике с разбросанными нотами, я поднимаюсь на сцену и сажусь на банкетку. Сердце бьётся быстрее, когда я задерживаю кисть над простирающейся дорогой в восемь октав. Округлив пальцы, как меня учил Люк, я нажимаю на клавишу и заполняю зал прекрасной «до», звенящей в хрустальных абажурах бра. Я тут же жму на соседнюю клавишу, а потом на другую, и так почти до конца. Играть, игнорируя зажим в руке, не так-то просто, поэтому, как только я пытаюсь специально немного расслабиться, моя кисть проваривается ниже клавиатуры.

– Вот же чёрт, – ругаюсь я вслух, уверенная, что меня никто не слышит.

Я поднимаю запястье и стараюсь задержать его в нужном положении, но мышцы снова сводит так, будто бы я пытаюсь поднять этот чёртов рояль. Сделав глубокий вдох, я начинаю всё сначала. Я нажимаю на первую клавишу, затем на вторую и успешно дохожу до третьей, где подкладываю палец под ладонь и без труда дотягиваюсь до четвёртой. Остановившись,

но не отрываясь от клавиатуры, я переношу запястье чуть правее. Нажимаю на пятую клавишу, а далее спокойно дохожу до восьмой. Когда целая октава остаётся позади, я снимаю руку, вскакиваю на ноги и уже хочу бежать к столику за стаканом с лимонадом, как вдруг замечаю Люка на последнем ряду. Забавно, но я даже не услышала, как он вошёл.

– Почему ты не на ужине? – я скрещиваю руки и выставляю вперёд одну ногу. Похлопывая носком, я представляю себя в роли разозлённой жены какой-нибудь американской комедии.

Люк, немного смущаясь, встаёт и идёт ко мне.

– Сказать честно?

– Валяй.

Люк за несколько шагов оказывается у сцены. Одно его плечо накрыто чёрной тенью, а другое освещено тусклым розовым светом.

– Ладно. Хотелось попить лимонад.

– У Хью в кафетерии его полно, – усмехаюсь я. – Врунишка.

– Я хотел попить лимонад с *тобой*. А ещё послушать, как ты играешь.

Я краснею и спускаюсь к нему.

– Тебе понравилось?

– Конечно, – Люк чешет затылок и отводит взгляд. – Просто я подумал, что тебе нужна помощь, но ты, я смотрю, быстро учишься.

Я подхожу к столику и беру в руку стакан с лимонадом. Запах ударяет в голову, и я закатываю глаза.

– Что ж, приму это за комплимент. А насчёт лимонада... Я просто решила отпраздновать свою первую победу, – с ноткой цинизма произношу я, поднося стакан к губам.

– Да, это действительно нужно отпраздновать.

– Неужели?

Перед тем, как его горячие губы накрывают мои, я успеваю лишь оставить лимонад на столике. Люк с неожиданной настойчивостью притягивает меня ближе, аккуратно взяв за талию. В следующую секунду его влажный, скользкий язык касается моего. Я отстраняюсь от него всего на секунду – чтобы снова увидеть эту довольную улыбку, которую меня так и тянет примерить на себя.

Мы отходим к роялю, и, когда я касаюсь ладонью клавиатуры позади, прозрачный перезвон заполняет пустой зал. Люк осторожно разворачивает меня спиной к нему, а затем берёт моё правое запястье и ставит на клавиши. Опустив подбородок на моё плечо, он тихо спрашивает:

– Сыграешь гамму ещё раз? Для меня?

Словно загипнотизированная, я играю гамму от «до» так легко, как будто всю жизнь только этим и занималась. Музыкальный зал тонет в звучании огромного старого инструмента.

– Отлично, мисс Лонг, – говорит Люк прямо под моим ухом, и по телу прокатывает волна мурашек. – Теперь сыг-

райте тоническое трезвучие.

Я прижимаюсь к его груди, которая беспокойно поднимается и падает раз за разом, и Люк обвивает руки вокруг моего тела. В его объятиях мне так тепло и комфортно, точно я стою где-то на солнечном пляже. Люк умеет зажигать солнце, даже когда за окном высоко поднимается луна.

– Что вы слышите, мисс Лонг?

Слышу его низкий голос, слышу рокот сердца и беспокойное дыхание. Слышу, как он называет моё имя каждый раз, будто впервые.

– Нашу любовь.

Глава 16

Время летит незаметно, когда сутки напролёт думаешь только о Люке. Дни идут, а он ни на секунду не покидает мои мысли: я засыпаю с мечтами о том, как мы вместе играем на фортепиано и купаемся в Ривер Фосс, я просыпаюсь и думаю о том, чем мы могли бы заняться. Клянусь, беглые гаммы безостановочно звучат в моей голове, кислый привкус лимона не сходит с моих губ, запястья вспыхивают каждый раз, когда я представляю, как Люк касается меня, а аромат фиалок уже вскружил мне голову. Похоже, одними таблетками от головокружения не обойтись – потому что я буквально заболела Люком. И это... прекрасно.

Когда я встаю с кровати, то первым делом подхожу к столу, над которым уже месяц висит мой маленький портрет. Я смотрю на него каждое утро, вспоминая, как грифель рассыпался в мои глаза, в которых одновременно застыли страх и желание. Как можно так тонко чувствовать человека? И главное – как можно изобразить целый мир на клочке бумаги? Вот оно, настоящее зеркало.

Если бы мы с Люком ещё раз спустились к Ривер Фосс, я бы обязательно спросила его об этом. Вспоминая ту прогулку под дождём, когда над водой поднимался белый туман и отовсюду доносился стрекот стрекоз, невозможно не за-

хотеть вернуться. Кажется, что с появлением в моей жизни Люка я начинаю нуждаться в Ривер Фосс даже больше, чем раньше.

Неожиданно на столе начинает вибрировать смартфон. Я неохотно смотрю на экран и принимаю вызов.

– Да?

– Кэтрин, доброе утро. Ты у себя? – дрожащий голос бабушки заставляет меня напрячься.

Потирая глаза, я отвечаю:

– Да, только что проснулась. Что-то случилось?

– Можно и так сказать. Я хотела предупредить, что меня сегодня не будет.

– Почему? Ты заболела?

Я начинаю прислушиваться к каждому звуку, доносящемуся из динамика. Крепче сжимаю телефон в руке и чуть спокойнее повторяю свой вопрос.

– Я оставила ключи от кабинета у Хью, можешь попросить их и взять себе какую-нибудь книгу, – бабушка пытается сменить тему, но я не поддаюсь.

– Так, что-то случилось?

Бабушка никогда не пропускает день просто так. Её немногословность быстро выводит меня из равновесия. Я постукиваю пальцами по спинке смартфона, считая секунды, проведённые в томном ожидании ответа.

– Я сейчас за городом. В больнице.

– В чём дело? – произношу я дрожащими губами.

Утренняя идиллия стремительно рушится. Если бабушка чувствует себя плохо, то мне придётся отложить не только запланированный поход на берег Ривер Фосс, но и подачу документов в школу Роклиффа. Но, какие бы у нас с бабушкой ни были отношения, я готова бросить все свои дела, чтобы удостовериться в том, что она в порядке.

– Со мной всё хорошо, – медленно отвечает она.

– Тогда почему ты там?

– Люк, – бабушке достаточно произнести одно имя, чтобы внутри меня что-то сломалось. Меня бросает в жар, затем в холод. Я падаю на стул, как подбитая птица.

– Что, – я повторяю в сотый раз. – Что произошло?

– Кэтрин, не переживай.

Мне хочется со всей силы бросить смартфон в стену, чтобы он разлетелся на тысячи кусочков, лишь бы не слышать эти глупые указания, что мне делать.

– Как он туда попал?

– Мы можем поговорить об этом потом?

Её и так еле слышно среди дребезжащих носилок и разговоры врачей, и, когда она специально начинает говорить тише, меня передёргивает от злости.

– Потом? – вскрикиваю я. – Сначала ты говоришь, что Люк в больнице, а теперь отказываешься рассказывать, как это произошло?

Знаю, мне не следует разговаривать с бабушкой в таком тоне, но я ничего не могу с собой поделать. Злоба, волнение

и страх играют со мной, как с марионеткой – потому что я по-настоящему боюсь потерять Люка.

Я делаю глубокий вдох и спрашиваю:

– Где вы?

Придерживая телефон плечом, я застёгиваю молнию на платье, а затем неуклюже обуваюсь в кеды. Выбегаю в коридор, как ошпаренная, и несусь к лестнице. Я слышу собственное тяжёлое дыхание, и мне начинает казаться, что бабушка давно отключилась.

– Где вы, чёрт возьми? – злобно бурчу я в трубку.

Внизу беспокойно: ребята торопливо носятся по комнатам, нянечки молчат – даже Хью не желает мне доброго утра.

– Мы в Фосс Парке.

– Я еду туда, – я отключаюсь, проходя в ванную, и оставляю смартфон на тумбе. Спустя некоторое время он начинает звонить вновь, но я не вижу смысла говорить, если бабушка всё равно не отвечает ни на один из моих вопросов.

Я чищу зубы так быстро, что придётся покупать новую щётку, и пытаюсь успокоиться. Мне представляется, как Люк, полностью замотанный в бинты, лежит на неудобной больничной койке и... я не знаю, плачет? Или молчит? Как он вообще там оказался? Даже не представляю, что могло произойти. Аллергия, отравление, перелом, – что должно случиться, чтобы ещё вчера полностью здоровый Люк теперь лежал в больнице. Пока этот вопрос крутится в голове, как пластинка, совесть карает меня за то, что я не поднялась

немного раньше. Успокоиться, мягко говоря, не получается, и я тихо ругаюсь, расчёсываясь и заплетая волосы в косу. Пряди выбиваются, но я решаю не переплетаться. Последнее, что сейчас должно меня волновать, это мой внешний вид.

Я выхожу из ванной, не забыв взять с собой смартфон, и иду на улицу. Солнце светит так ярко, что приходится жмуриться. Я прикрываю глаза и поднимаю голову вверх – на небе ни тучки. Сразу и не скажешь, что в такой ясный день случилось что-то по-настоящему страшное. Когда я спускаюсь с крыльца, то замечаю неспешно прогуливающихся по саду ребят. Зои бегают по вытоптаным тропинкам вокруг яблонь, а Луиза медленно плетётся за ней, разговаривая со своим плюшевым мишкой.

А прямо за ними идёт Билли Акерс.

Длинная тёмно-зелёная футболка испачкана кровью, а серые спортивные шорты помяты так, как будто их никогда и не гладили. Билли придерживает пачку со льдом около щеки.

Пазл так легко складывается в голове, что я даже удивляюсь, что не догадалась обо всём раньше.

Я срываюсь с места и направляюсь прямо к нему, даже не обходя лужи. Дорожка, усыпанная камешками, громко хрустит под ногами, и Акерс замечает меня. Мне окончательно сносит крышу.

– Что произошло? – кричу я, подойдя почти вплотную к Билли.

По самодовольной ухмылке на его лице я понимаю, что он ожидал от меня этого вопроса. Он останавливается и прислоняется к жухлой яблоне, покачивающейся от одного его прикосновения.

– Что ты наделал? – продолжаю я, не обращая внимания на остальных. – Какого чёрта ты затеял драку?

Я воплю так, что меня, наверное, слышно даже в Хантингтоне.

Билли отталкивается от деревца – тонкий ствол шатается так, будто сейчас сломается, – и делает шаг ближе. Меня накрывает его чёрной тенью, как волной.

– Что *ты* наделала, Кэт? – Билли дразнит меня, как маленькую.

Каким бы страшным он мне ни казался, сейчас я готова порвать его на части. Замахнувшись, я изо всех сил оставляю на его щеке грубую пощёчину – и оставила бы ещё, если бы не разом ахнувшие вокруг ребята. На лице Билли, прямо как сильнейший солнечный ожог, разгорается алый след от моей ладони. И это только малая часть того, что я хочу с ним сделать.

– Теперь тебе понадобится ещё одна пачка льда, грёбаный неудачник!

Внезапно Билли отбрасывает лёд в сторону и толкает меня так сильно, что я падаю прямо в лужу. Грязь разлетается по сторонам, как из фонтана. Акерс заливается звонким смехом, а к моим глазам подкатывают слёзы. Я смахиваю их

испачканной рукой и поднимаюсь на ноги. Через весь экран смартфона ползёт трещина, голубое платье испорчено, лицо в грязи, а Люк отлёживается в больнице по моей вине. Я должна положить этому конец.

– Я больше не буду молчать, – говорю я менее уверенно, чем хочется.

– Что ты там вякнула? – продолжает насмеяться Акерс.

– Я сказала, что твою поганую задницу спасёт только чудо.

– Ты выглядишь ужасно, – высокомерно бросает он.

Я нахожу в себе силы дать ему вторую пощёчину.

– А ты думаешь, что ради тебя я должна наряжаться?

Билли трёт щёку, как будто поправляя свою злую маску.

Пытаться предугадать его следующий ход бесполезно – потому что он всегда на шаг впереди. Оскалившись, он цедит:

– Хорошо, что ты послушала Люка и передумала ехать в Нью-Йорк. Шлюх там и без тебя полно.

Я не верю своим ушам.

– Что ты сказал?

– Что слышала.

Шлюха, шлюха... да пошёл он куда подальше со своими шлюхами, раз у него только они и на уме. От очередной пощёчины меня останавливает кое-что другое – Нью-Йорк. Если слух об этом дошёл до Билли, то он наверняка дошёл и до Люка – особенно страшно, если в такой же форме. Наверное, он разозлился, хотя, когда Люк в последний раз злился? Или, может, эта новость просто показалась ему абсурдной,

что уже больше похоже на правду? Но всё равно зря я не рассказала ему о Нью-Йорке сразу. Остаётся надеяться, что он не принял это на свой счёт.

Хотя какая сейчас, к чёрту, разница? Гори он синим пламенем, этот Нью-Йорк! Я просто хочу снова увидеть Люка, а остальное не важно.

Я разворачиваюсь и с высоко поднятой головой иду к воротам, игнорируя оскорбления Билли и просьбы ребят и слетевшихся, как наездки, нянечек вернуться.

В автобусе на меня озираются все кому не лень, и я чувствую себя какой-то подопытной мышью. Я немного подгибаю испачканный подол платья, но это не помогает. Всё моё лицо покрыто грязью, смешанной со слезами и потом, губы искусаны, а каштановые волосы растрёпаны. Когда автобус делает долгожданную остановку рядом с Фосс Парком, я вздыхаю с облегчением. Мои заплывшие от слёз глаза теряются в окнах больницы, пытаюсь отыскать в них Люка, а ноги сами ведут внутрь сквозь толпы стариков и прыгающих повсюду детишек. Коридоры Фосс Парка как назло длинные и извилистые, прямо как в лабиринте. Зато хотя бы здесь Люку ничего не угрожает – по крайней мере, пищащее отовсюду новое оборудование обещает его подлечить. Я прохожу к регистратуре сквозь толпы людей в белом, катающиеся туда-сюда носилки и телефонный звон. Голова уже кружится от запаха лекарств, а ведь я тут не больше трёх минут!

А может, дело не в них?

– Извините, – я обращаюсь к одной из девушек за стойкой. – Не подскажите, где палата Лукаса Грина?

Она смотрит на меня сверху вниз, и я, вспомнив свой прикид, готова провалиться под землю от стыда.

– Кем вы ему приходитесь?

– Я его девушка, – ком в горле мешает говорить.

Работница смотрит на меня жалеющим взглядом. Наверное, я больше похожа на Шрека, чем на обыкновенную девушку. Я нервно приглаживаю волосы и переминаюсь с ноги на ногу, а затем вдруг слышу быстрые-быстрые щелчки клавиатуры ноутбука.

– Он сейчас в тяжёлом состоянии, – медленно произносит девушка, и я сразу догадываюсь, к чему она клонит.

– Мне правда нужно увидеть его.

– Мне жаль, мисс, – кажется, ей всё равно, но я не сдаюсь.

– Моя бабушка сейчас там.

Я готова назвать ей тысячу причин, по которым мне нужно оказаться рядом с Люком, но ей хватает всего одной – потому что я говорю так, будто сама сейчас упаду в обморок. Работница вздыхает и отвечает:

– Медсёстры пригласят вас, но придётся подождать пару часов.

Даже если мне скажут ждать полдня, до заката, до следующего утра, я обязательно дождусь. Мне так важно быть сейчас рядом с Люком, чтобы попросить прощения и... быть

прощёной. Пока тяжёлое чувство вины лежит на моих плечах, я не могу даже выпрямить спину.

Девушка называет мне палату и предлагает взять бахилы. Я делаю всё, что она говорит, а после бегу вверх по лестнице на второй этаж. Сгорбившись, бабушка сидит на железном стуле около нужной палаты. Увидев меня, она поднимается, и я замечаю её полные слёз глаза. Не медля ни секунды, я подбегаю к ней и кидаюсь в объятия. Вдыхая аромат её любимых духов и утешая, как получается, я и сама стараюсь не расплакаться. Но получается, мягко говоря, не очень.

– Прости, Кэтрин. Мне так жаль, – горько всхлипывает бабушка на моём плече.

Я не свожу мокрых глаз с золотой таблички с номером палаты и щурюсь, как будто пытаюсь разглядеть Люка в узкой замочной скважине. Если бы я была на капельку сумасшедшее – хотя, казалось бы, куда больше? – я бы прямо сейчас бросилась в палату к человеку, который был готов отдать за меня всё, что имел. Но жизнь?.. Это стоит слишком дорого, Люк! Я из последних сил сдерживаю себя от этого шага, хотя сердце и требует обратного.

Я должна, нет, была обязана покончить со всем раньше. Но я боялась – боялась не рассказать бабушке о Билли, а самого Билли. Но теперь-то я понимаю, что в нём нет ничего, кроме костей и мяса. Для меня он не человек, а пустое место. Я всегда могла помочь Люку, даже стоя за закрытой дверью – было достаточно всего пары фраз, или одного телефонного

разговора, или... у меня было столько возможностей! Больше я не намерена не упускать ни одной. В борьбе страха и любви последняя обязательно победит.

Бабушка снимает очки и медленно протирает их своей накидкой. «И как с такими-то толстыми линзами я не разглядела в Билли негодяя?», – тихо спрашивает она сама у себя, и от её слов мне становится больно. Я опускаю глаза в пол и ковыряю носком кеда щель между кафелем. Хочется сказать, что я и сама не сразу поняла, кто такой Билли – потребовалось три года, чтобы я осознала: он меня не любил, а использовал. И мне всё равно, ради хвастовства или чего-то ещё. Главное, что в нашей истории наконец-то поставлена жирная точка. Эти слова давно вертятся на языке, но я никак их не произнесу. После *такой* победы не хочется вспоминать о поражениях, которые к ней привели. Я точно не готова к этому в ближайшее время.

– Почему-то мне было проще поверить ему, когда он обвинял Люка в нападениях, нежели неразговорчивому парнишке, – раскаивается бабушка. – Прости меня, Кэтрин.

Я и сама готова была верить Акерсу, если бы не Люк. Именно он показал мне, как мужчины по-настоящему должны обращаться с девушками.

– И ты действительно любишь Люка? – наконец произносит бабушка.

Я бросаю на неё взгляд сквозь застывшую в глазах боль.

– Да, люблю, – мой ответ остаётся неизменным. – Он помог мне в трудную минуту. А ещё он чертовски круто целуется.

Уже через минуту я не помню, озвучила ли я последнее или всё же оставила при себе. Когда я люблю, я могу сказать лишнего, потому что разум не властен над чувствами. У них нет фильтра – они такие, какие есть.

– И ты доверяешь ему?

– Абсолютно.

– Он не сделает тебе больно, как Билли?

– Не сделает, – уверяю я бабушку. Люк и Билли – это небо и земля.

Это Рай и ад.

Я запускаю руку в волосы и осторожно чешу затылок, пока она обдумывает мои слова.

– Наши с Люком чувства намного серьёзнее, чем ты думаешь, – дополняю я, погодя.

– Проблема в том, что поначалу все так считают, Кэтрин.

В коридоре повисает тишина, которую изредка нарушает звоночек для медсестёр. Где-то в конце коридора свистит старый чайник, от лестницы эхом расходятся немногочисленные шаги.

Я поднимаюсь и начинаю разминать затёкшие ноги. Чтобы успокоиться, я спускаюсь в кафетерий на первом этаже и беру нам с бабушкой по стаканчику чая. Его приятный запах уже расслабляет, а горячий стакан согревает пальцы.

– Что теперь будет? – спрашиваю я после долгой паузы.

Бабушка поворачивается ко мне, и я протягиваю ей картонный стаканчик с чаем. Она принимает его и опустошает за несколько глотков, как какую-то газировку.

– О чём ты?

– О детском доме.

Когда я произношу его имя, в глазах бабушки мелькает беспокойство. Она вытирает вспотевшие ладони о накидку и говорит:

– Я обязана сообщить о драке в социальную службу. Но тогда меня, скорее всего, отстранят.

– Это ужасно, – я медленно опускаюсь рядом с бабушкой и обнимаю её свободной рукой.

– Я не хочу всё потерять, Кэтрин.

Эта работа так много значит для бабушки, что трудно представить её где-то ещё. Если не она будет сидеть в большом кресле, то кто? Кто будет ухаживать за огромным садом, откуда постоянно доносится смех Луизы и Зои, за захлавленной оранжереей, в которой мы с Люком убирались? Кто будет больше, чем она, хвалить вкусную стряпню Хью, и кто будет рядом с каждым ребёнком, нуждающимся в родителе?

– Всё будет хорошо.

– Вряд ли.

Я отстраняюсь от бабушки и заглядываю в её бездонные голубые глаза, почти такие же, как у меня. Но вместо надежды я вижу в них... рифы, тысячу острых рифов. Через сколь-

ко же ей пришлось пройти? Сколько пришлось увидеть?

– Слушай своё сердце. Оно не обманывает, – говорю я, вспоминая слова Энн. Иногда жизнь вынуждает нас думать, что всё потеряно, но именно тогда нам открываются невиданные горизонты. – Билли получит по заслугам, – продолжаю я. – И справедливость восторжествует.

Спустя два долгих часа к нам подходят врачи и сообщают, что у Люка сотрясение лёгкой степени тяжести. Выслушивая это, я замечаю, как бледнеет бабушка, и на душе скребут кошки. Как бы я не успокаивала её, она не перестаёт быть уверенной в том, что виновата в произошедшем. Отчасти это и так, но я виновата гораздо больше. Только бы попросить у Люка прощения!

Врачи предупреждают, что войдут в палату вместе с нами, так как Люку всё ещё нехорошо. Мы и не думаем им перечить, потому что для нас обоих важно его здоровье. Взявшись за руки, мы ходим в палату. В дверном проёме я перестаю дышать; когда я делаю первый шаг навстречу больничной койке, то следом замирает и сердце.

– Люк! – шепчу я, пытаюсь обратить на себя его внимание. Внимание единственного человека, которого мне так не хватало последние несколько часов. Внимание, без которого мне было очень-очень холодно. Люк, тихо постанывая от боли, поворачивается на мой голос. Его глаза ещё закрыты, но я знаю, что они точно светятся ярким огнём, согревающим

меня до самой глубины.

Врачи внимательно изучают показатели на приборах и что-то фиксируют в бумагах, закреплённых на планшете.

Когда Люк наконец открывает глаза, под его ресницами появляется искрящиеся карие зрачки, окантованные будто бы кофейной пенкой. Сквозь горечь минувших событий мы улыбаемся при виде друг друга так широко, как будто никогда раньше не делали этого. Преодолевая пустые часы в одиночку, мы стали сильнее, а любовь связала нас такими крепкими узами, что их уже никому не разорвать.

– Кэтрин?

– Как ты? – я оказываюсь рядом с широкой больничной кроватью всего за несколько шагов.

Врачи оборачиваются и смотрят на меня так, будто я нарядилась в сетку для картошки, но мне нет до них никакого дела. Главное, что я снова вижу добрые глаза Люка и чувствую их теплоту. И я вновь слышу своё имя, слетающее с его губ. И я вновь ощущаю себя по-настоящему любимой.

Люк касается моей щеки холодными пальцами и проводит рукой осторожно, словно делает это в первый раз. Я вжимаюсь в его ладонь и закрываю глаза от удовольствия, после чего уже не могу сдержать ни смех, ни слёзы. Если одно прикосновение вызывает такой ураган эмоций, то что способно вызвать два?

С моей стороны было так глупо спрашивать у Люка, как он себя чувствует. Разумеется, он не на седьмом небе от сча-

стья. Но при нём я просто не могу перестать говорить всё, что думаю, раскаиваться за совершённые ошибки, перестать задавать глупые вопросы, на которые никто не знает ответа. Я веду себя, как ребёнок, которого сама бы не вытерпела. Но Люк терпит.

– На самом деле, не очень, – отвечает он.

– Прости, я просто очень волнуюсь. И у меня не было времени собраться. Не представляю, как можно любить такую растяпу, – я приглаживаю грязное платье и прячу волосы за плечами.

– Я люблю тебя не за внешность, ты же это понимаешь?

Люк такой первый, и это чудесно – ощущать тёплую, искреннюю любовь, рождающуюся в самом сердце.

– Спасибо.

– За любовь не нужно благодарить, Кэтрин.

Между нами повисает молчание. Медсестра отсчитывает оставшиеся минуты до того, когда нас с бабушкой можно будет выпроводить за дверь.

– Завтра мне нужно съездить в Хантингтон, чтобы забрать документы из школы и подать их в Роклифф, – я надеюсь, что Люк понимает, к чему я клоню. Он продолжает смотреть на меня, не произнося ни слова, и я продолжаю: – Я не смогу навестить тебя завтра.

– Я понимаю.

– Но я не могу оставить тебя здесь одного, – сопротивляюсь я.

Я не смогу поехать в Хантингтон, зная, что Люк находится здесь в полном одиночестве, что его единственным развлечением на ближайшие десять дней будет еле работающий телевизор, что ему не с кем будет поговорить во время грозы.

– Съезди в Хантингтон, – Люк проводит пальцами по моему запястью, и внутри будто взрывается тысяча фейерверков.

– Я обещаю, что приеду к тебе послезавтра, – по моей щеке уже катится слеза. – Я приеду, и тогда мы обязательно наверстаем упущенное.

Строгий голос медсестры прерывает нас:

– У вас осталось пять минут.

Наверное, ей уже наскучили мои непрекращающиеся слёзы и клятвы о любви, но я не могу её упрекать. Если бы несколько месяцев назад мне сказали, что я буду рыдать, склонившись над Люком, я бы рассмеялась в лицо, взяла ноги в руки и скрылась от греха подальше.

– Для тебя так много значит один день? – продолжает он, несмотря на замечание.

Я накрываю рукой его холодные пальцы и сжимаю их крепко, так, чтобы согреть, и чтобы Люк понял, что я питаю к нему то же тепло, что и он.

– Для меня так много значишь ты.

Глава 17

Уже несколько минут я поправляю воротник белой блузки, стоя перед зеркалом. Чистенькая, только с сушки ткань пропахла стиральным порошком, и, каждый раз вдыхая его зловонный цитрусовый аромат, я рискую расчихаться так, что стены пойдут трещинами. Когда я чихала в последний раз, меня было не остановить. Помню, как мука непроглядным белым облаком поднялась над столом и осела на наших с Люком лицах. Единственным, что помогло мне тогда, стал поцелуй – и неудивительно, потому что я не могу думать о чём-то ещё, когда Люк целует меня.

С тех пор, как мы виделись, не прошло и суток, но я уже виню себя за то, что не рядом – ни сейчас, ни когда-либо ещё. Ведь Люку, как и мне, тоже нужно плечо. Если бы я только могла ему позвонить или написать...

Слишком непривычно просыпаться и не встречать его в коридоре, завтракать и не ловить на себе его взгляд, не заставить его за книгой в углу кафетерия. Музыкальный зал погрузился в тишину: без Люка туда не идёт играть даже Зои. Невооружённым глазом видно, что она переживает за него больше всех. Если раньше она бегала по корпусу, сломя голову, и постоянно хохотала, то теперь она даже не улыбается. Я не трогаю её, потому что знаю: Зои держит на меня оби-

ду – и правильно делает. Удивительно, что отсутствие Люка, иногда не присутствующего даже на общих фотографиях, отчуждённого и одинокого, стало для нас серьёзным ударом. Как ни странно, неожиданные люди оказываются самыми нужными и очень быстро становятся частью нашей жизни.

Джейкоб, как и всегда, не упускает шанса подшутить надо мной. «Если бы Люк во время драки был в кастрюле, то никакого сотрясения бы не было». Конечно, Джейкоб, всё же так просто!

Бабушка, как и я, держится на волшебном зелёном чае Хью. Мне еле-еле удаётся справиться с отсутствием Люка. И, хоть я избегаю разговоров о нём, он ни на секунду не покидает мои мысли. Я при любой удобной возможности вспоминаю его улыбку, перепачканную мукой, его голос, глаза, его костюм, невидимый галстук, который он без конца поправляет, руки, пальцы, бегающие по клавиатуре рояля и теряющиеся между страниц романа. Если бы я послушалась его, всё было бы иначе. И эта мысль не даёт мне покоя.

У меня есть ещё семь дней, чтобы всё как следует обдумать. Семь подъёмов с мыслью о том, что остаётся всё меньше времени до выписки, семь отбоев с благодарностью Богу за то, что всё обошлось.

Наконец закончив с воротником, я беру сумочку и выхожу из корпуса. На парковке уже выстроился ряд автомобилей социальной службы, хотя ворота должны открыться только к девяти утра. Сейчас всего восемь, но малоприятные раз-

говоры с моей бабушкой должны начаться с минуты на минуту. Когда мы встретились в холле, она выглядела измотанной. Должно быть, она почти не спала этой ночью. Я коротко поцеловала её в щёку и горько улыбнулась – не специально, просто так вышло. Надеюсь, с бабушкой всё будет хорошо.

Я приезжаю в Хантингтон спустя двадцать минут и застаю маму около ворот школы. Она одета в свой самый любимый белый костюм, сидящей точно по фигуре. Поправив узкие солнцезащитные очки, постоянно скатывающиеся с переносицы, она спрашивает:

– Ты уверена в своём решении?

И так всегда – ни «привет!», ни «как дела?». Всё, что заботит маму, находится прямо на ней: стильный классический костюм, позолоченные наручные часы и длинные цепочки.

Мы вместе проходим на школьную территорию.

– Да, уверена, – твёрдо отвечаю я.

Вокруг непривычно пусто. Никто не резвится на лужайке, не спорит из-за места за новым деревянным столиком под дубом и не занимается на турниках. Спортивные площадки свободны, хотя в учебное время к ним не пробраться, а на крыльце не толпятся группы старшеклассников. Школьные коридоры выглядят намного просторнее без учеников. Когда меня перевели из средней школы, у меня был настоящий шок. Столько людей вокруг себя я никогда не встречала, несмотря на то, что неоднократно принимала участие в модных показах. Даже в домах моды было меньше людей,

чем здесь по понедельникам. Сейчас же мы с мамой легко идём вдоль заставленных шкафчиками стен.

И если здесь учится всего тысяча человек, то я даже представить не могу, какой должна быть школа Роклиффа, чтобы там учились все четыре. Энн предупредила, что мне потребуется не один день, чтобы освоиться. Но я готова к этому – лишь бы стать той, кем мне действительно хочется быть.

– Что происходит, Кэтрин? – вдруг спрашивает мама, когда мы уже подходим к кабинету секретаря.

– Я просто хочу чувствовать себя счастливой и делаю для этого всё возможное.

И больше она не говорит ни слова.

Уже через полчаса мы несёмся по дороге, соединяющей Хантингтон с Роклиффом, и я жду не дождусь, когда мы наконец въедем в городок. Изысканные и намного более старые, чем в Хантингтоне, кирпичные домики мелькают за окном тут и там. Деревьев здесь так много, что я даже не замечаю, когда мы оказываемся у моей новой школы. Природа окружает мой родной Хантингтон, а в Роклиффе... становится его частью, проникая на каждую улицу. Но жизнь здесь ощутимо бьёт ключом, не уступая сонному Хантингтону. Лавки и павильоны открываются один за другим, кафетерии до отвала заполняют зеваки, а общественный транспорт переполнен, хотя ещё нет и полудня.

Мама паркуется недалеко от входа в школу, которая ока-

зывается даже больше, чем на фотографиях. Глядя на главный вход, я думаю о том, что меня ждёт за дверями. Очередной обед с Бет и Морисом? Вряд ли. Всё будет новым и совсем не таким, каким я привыкла видеть.

Мне так жаль расставаться с Бет, что я не сдерживаюсь и звоню ей сразу после подачи документов, чтобы назначить встречу в кафетерии на шесть часов. Я буду рада, если у Мориса тоже получится прийти.

Когда гудки наконец обрываются, я слышу, как Бет удивлённо протягивает:

– Да-а-а?

Я с облегчением выдыхаю и говорю:

– Прости меня, ладно? Мне не стоило игнорировать тебя.

За всё то время, пока мы не общались, над иконками моих мессенджеров висели двузначные числа сообщений от лучшей подруги, но я была слишком горда, чтобы прочитать хотя бы одно из них.

– Мне правда жаль, я совсем потеряла голову.

Я признаюсь в этом не только Бет, но и самой себе. Каждое действие имеет последствия, и мне нужно было помнить об этом, когда я рвала со всеми связи. Вряд ли Бет захочет встретиться со мной, но, раз она продолжает слушать, то мне, может, хотя бы удастся извиниться.

– Да уж, это точно, – вздыхает она.

Наверное, прямо сейчас она закатывает глаза и думает, «какая же муха меня укусила». Почему-то только сейчас я

понимаю, как мне будет этого не хватать. Но я стараюсь не думать о том, что это последние дни, проведённые вместе, и продолжаю:

– Я просто хотела сказать, что не держу на тебя зла. Ты не была права, когда отзывалась о Люке, но и я не могу навязывать тебе своё мнение.

Бет медлит с ответом, и я проверяю, не отключилась ли она.

– Если ты его любишь, то я готова взять свои слова назад.

– Я люблю его.

Бет замолкает, и я даю ей время, чтобы осознать это. После недолгой паузы я продолжаю:

– И кстати, ты не хочешь встретиться в кофейне часов в шесть?

– Разве ты в Хантингтоне?

– Приезжаю сегодня днём.

– Хорошо, я приду.

– Что насчёт Мориса?

– Он уехал в Манчестер на выходные.

Этого следовало ожидать. В любом случае, я не разочаровываюсь: мы обязательно встретимся в другой день.

– Хорошо, – говорю я. – Тогда встретимся за столиком у окна.

Мама высаживает меня рядом с кофейней, и я маячу перед входом, скрываясь за пиджаком от поднявшегося ветра.

Он не прекращает подгонять серые тучи к Хантингтону, и, кажется, уже к восьми часам начнётся сильнейший за лето ливень.

Я просто обязана быть завтра с Люком. Его история тронула меня до глубины души, и я хочу, чтобы он, как и я, посмотрел в глаза своему страху и сказал, что он больше его не боится. Мне придётся потрудиться, чтобы сделать из страха любовь, но Люк уже проворачивал этот трюк. Теперь я считаю своим долгом отплатить ему той же монетой.

Решив больше не мёрзнуть на улице, я захожу в кофейню, где меня вмиг обволакивает аромат корицы и молотых кофейных зерен. Присев за уже полюбившийся столик, я заказываю нам чайник чая и принимаюсь ждать – но Бет приходит на двадцать минут раньше. На ней её любимый джинсовый сарафан и белая футболка. Выпрямленные светлые волосы отстрижены – теперь Бет с каре, и ей очень идёт.

– Привет, – я убираю сумочку с её стула и присаживаюсь напротив. – Ты рано.

Она садится, широко улыбаясь.

– Надеюсь, ты не станешь ругать меня за это, как на занятиях в модельной школе?

Бет неисправима.

– Итак, – начинаю я. – Как у тебя дела?

– Лето в самом разгаре, – загадочно отвечает она, – что насчёт тебя?

Я оказываюсь совершенно неготовой её к вопросу. Расте-

рянно переводя взгляд со столика на столик, я пытаюсь придумать что-нибудь, чтобы не так скоро подойти к теме, которую мы просто не можем не обсудить. Но ничего не приходит на ум, поэтому я, нервно сглотнув, отвечаю:

– Я поменяла школу.

По изменяющемуся выражению лица Бет я понимаю, что она в смятении после моих слов.

– Ты перевелась из Хантингтона?

Я киваю, и локти Бет расходятся в разные стороны.

Она делает заказ, но даже после этого всё равно не разговаривает со мной. Мы обе знаем, как ей будет тяжело без меня – с другой стороны, она легко заводит новые знакомства, и вряд ли она будет вспоминать обо мне так часто, как может подумать. Мне самой не очень приятно думать о предстоящей разлуке, ведь мы учились вместе так долго, что успели сродниться.

Когда нам приносят мой чай и пирожное для Бет, она спрашивает:

– И где ты теперь учишься?

– В Роклиффе, – я грею пальцы о кружку. – Я поступила на гуманитарное направление и буду подготавливаться к поступлению на искусствоведа.

– Но ведь это совсем... другое, – возражает Бет. – Да и требования там намного выше, чем у нас.

Я вздыхаю.

– Согласна, это настоящее чудо, что меня приняли. Если

честно, мне никогда не нравилось учиться в нашей школе.

– Тогда почему ты не перевелась раньше?

Я могла бы сказать, что всему виной мама, но истинная причина кроется во мне – я боялась всё потерять, боялась не ощущать твёрдую почву под ногами, не осознавая, в каком болоте на самом деле тонула. Я бы давно начала протестовать, давно бы перевелась из Хантингтона и забыла те ужасные дни, когда в расписании стояли несколько уроков математики подряд, но страх всё это время сковывал меня.

– Пыталась вбить себе в голову, что мне это не нужно, – говорю я. – Но теперь я понимаю, что именно мне нравится.

– А что об этом думает твоя мама?

– О, лучше не спрашивай. Она негодует, как и бабушка. И вообще, когда они узнали, что я не хочу лететь в Нью-Йорк, подняли такой шум!

– Ты действительно от многого отказываешься, – не может не заметить Бет.

– Уж лучше я уступлю место тому, кто по-настоящему хочет туда, чем сама полечу непонятно зачем.

– Итак, раз уж мы больше не сможем видеться в школе, – тоскливо произносит Бет. – Я бы хотела устроить для нас последнюю вечеринку.

– Думаю, Морис с радостью поможет тебе в этом. Я буду скучать по его нелепым шуткам, – признаюсь я.

Бет смеётся:

– А он будет скучать по твоим выразительным глазам, –

она всегда припоминает мне времена пятого класса, когда Морис в шутку флиртовал со мной.

– Уверена, он с удовольствием утонет в чьих-нибудь других.

– Ты неисправима!

– Я безнадёжный романтик, – с улыбкой поправляю я Бет.

Глава 18

К утру дождь успеваает разгуляться, и, когда я поднимаюсь с кровати, за окном льёт стеной, напоминая мне день первого поцелуя с Люком. Я как будто вновь вдыхаю запах его насквозь промокнутой рубахи, слышу тяжёлое дыхание и погружаюсь губами в его губы. И в этот момент мне кажется, что в мире нет ничего прекраснее.

Скинув в рюкзак мешочек с ещё тёплым печеньем и телефон с наушниками, я пулей вылетаю из корпуса. Готова поспорить, вслед мне сейчас смотрит далеко не одна пара глаз: внутри всё происходило так быстро, что просто не могло остаться без внимания. Вот я ещё несусь вниз по лестнице, словно по горячим углям, а вот уже захлопываю входную дверь, оставляя после себя лишь призрачный аромат сладких духов. Кажется, я перебрала все духи в магазине на Хантингтон-роуд, но это определённо того стоило.

Люк уже не раз говорил мне, что ему нравится мой запах. Помню, с каким наслаждением он зарывался в мои волосы, вдыхая меня, будто кислород. Иногда кажется, что моя кожа скучает по его обжигающему дыханию.

Я повыше застёгиваю молнию на дождевике. Посвистывая, ветер подхватывает обломленные сухие веточки и закручивает в воздухе, как ему угодно. Тёмные тучи заслони-

ли когда-то палящее солнце, распластавшись по всему небосклону. Отчаянные крики гагар, прячущихся под кронами от урагана, доносятся из недалёкой лесополосы. Лужицы заливаясь в трещины плиток, и каждый последующий шаг обращается в хлюпанье. Капли, приземляясь, живо бурлят и расплываются мелкими пузырями.

Только устроившись в автобусе на местечке у окна, я проверяю время. Мне совсем не хочется пропустить короткие часы посещения больных в Фосс Парке. Всю дорогу я заглядываю в телефон, чтобы удостовериться, что я не потеряю ни минуты. Мне не хочется оставлять Люка в одиночестве в такой день. Пускай он будет знать, что я буду с ним в ясный день и в ураган, что он не так одинок в огромном мире, насколько может показаться.

Вскоре автобус подъезжает к больнице, и я самая первая выбегаю на улицу, сбивая с ног прохожих. Пробегая сквозь белые халаты врачей внутри Фосс Парка, я направляюсь прямо в палату Люка. В руке уже приготовлен мешочек с печеньем. Я осторожно толкаю нужную дверь, чтобы ненароком не разбудить ещё спящих в соседних палатах пациентов, и, сделав несколько шагов, не забываю закрыться.

– Люк? – шепчу я, выглядывая из небольшой прихожей в надежде, что он обрадуется. Но один его взгляд разбивает моё сердце. Поникшими глазами Люк рассматривает сбегающие по окну дождевые капли, а после каждого раската содрогается от испуга.

– Привет, Кэтрин, – тускло улыбается он, осторожно поворачивая голову в мою сторону.

Я подхожу ближе и... не знаю, что я пытаюсь сделать. Заставить поверить, что он не один, как и планировала? Но как это сделать? Взять за руку? Подойти ближе? Всё это пугает меня не меньше Люка, и вот мы смотрим друг на друга – два испуганных ребёнка, желающие развести костёр под ливнем.

Люк смотрит на мои спрятанные за спиной руки и спрашивает:

– Что у тебя там?

– Это сюрприз.

Его зрачки расширяются, и теперь я могу полностью в них утонуть. Они затягивают меня всё глубже, словно два водоворота.

– Хью передаёт тебе гостинцы!

Я выставляю перед собой целлофановый мешочек и делаю маленький шаг к кровати.

– Разумеется, по моему заказу, – без лишней скромности добавляю я, пряча за длинными промокшими локонами румянец.

Мы устроились рядом, поглощённые уютом и пряным запахом печенья. Ни одного, даже самого искреннего «спасибо» не будет достаточно, чтобы как следует отблагодарить Хью. Она никогда не подводит.

Мы с Люком болтаем без умолку обо всём на свете. Я рассказываю ему о социальной службе, которая уже приехала

в детский дом, о новой школе и прощанием с Бет, лицо которой Люк едва помнит, а он вдруг перечисляет мне книги, которые ему вчера привезли мистер и миссис Кларк.

– Мистер и миссис Кларк навещали тебя? – удивлённо спрашиваю я.

– Да, и это было очень неожиданно.

– Ага, – говорю я. – Не знала, что они так заботятся о ребятах.

– Они постоянно дарят Луису чёрные футболки, – замечает Люк. – А весной, когда у Билли был день рождения, мистер Кларк подарил ему наручные часы.

Кажется, я знаю, о каких часах идёт речь. Щедростью мистера и миссис Кларк можно только восхищаться.

– Вообще-то я не была знакома с ними до этого лета, но они показались мне очень милыми. Теперь я даже и не знаю, что думать. Неужели весь детский дом держится на их помощи?

– Они приезжают пару раз в год, чтобы помочь миссис Лонг с ремонтом, а ещё привозят новую одежду. Лин сказала, что мистер и миссис Кларк неплохо зарабатывают – она следит за их страничками в соцсетях.

– Хорошо, я могу понять их внимание к деталям. Но с чего бы им навещать тебя в Фосс Парк? Неужели из обыкновенной милости?

Никто из нас не может ответить на этот вопрос лучше, чем сами мистер и миссис Кларк.

Я провожу ладонью по мягкому одеялу и стараюсь собраться с мыслями. Наверное, мистер и миссис Кларк были очень расстроены, когда узнали о драке Люка и Билли, раз наведывались сюда – даже кажется, что больше меня. Я знаю, что это не так, но... так странно, что вчера вместо меня приехали они. Мне стыдно одновременно и перед Люком, и перед мистером и миссис Кларк.

Я знаю, что должна извиниться за то, что случилось. И я буду делать это столько раз, сколько совесть будет подталкивать меня к этому. И как бы Люк не говорил, что всё в порядке, я не буду в этом до конца уверена. До того дня мне казалось, что нашей любви ничего не может помешать. Но нерешённые проблемы всегда дают о себе знать в самый неожиданный момент.

Люк вдруг говорит:

– Я не знаю, как тебя отблагодарить! Это печенье...

Я прикасаюсь указательным пальцем к его губам и перебиваю:

– Ты уже сделал то, что должен был, если не больше. Я перед тобой в долгу. Я оставила весь этот ужас в прошлом благодаря тебе.

Поверить только, мне нельзя было сделать ни шага за границу, обозначенную мамой и Билли. И каждый раз, когда я пыталась пересечь её, мной овладевал страх и смятение, неуверенность в себе и своём будущем – удивительно, что тогда я вообще считала, что оно у меня есть! Зато сейчас я

уверена в себе – и своих чувствах к Люку – как никогда. Моя душа расцветает, как роза с приходом весны.

Когда небо вспыхивает яркими молниями, а Люк вздрагивает, я наклоняюсь и целую его. Целую, пока об оконное стекло разбиваются тысячи капель, пока над Хантингтоном сгущаются тучи, пока из-за грома дрожит земля. Рокот грозы заставляет голубей вспорхнуть с карниза и разлететься в разные стороны.

– Я здесь, – шепчу я. – Я рядом.

И всегда буду.

Я одна шагаю к корпусу под кваканье лягушек. Их всегда становится больше во время дождей, но я уже привыкла. Солнце ненадолго выглядывает из-за туч перед тем, как я шмыгаю за дверь.

Мне предстоит провести ещё неделю без Люка, но, несмотря на расстояние, мы оба ощущаем присутствие друг друга. Мы знаем, что за несколько километров бьётся точно такое же влюблённое сердце, а этого достаточно, чтобы спать спокойно. Хотя иногда кажется, у меня это долго не будет получаться. Но, если это получится у Люка, я буду по-настоящему счастлива. Надеюсь, что, когда тучи в очередной раз вздумают обрушить на Хантингтон ливень, он будет вспоминать не пустую просёлочную дорогу, собачий лай и дикий холод, а... наш поцелуй. Не знаю, можно ли склеить осколки чьего-то сердца, но я готова попытаться.

В холле детского дома непривычно чисто. Я даже забываю, о чём только что думала, когда оказываюсь внутри. Старая люстра старается изо всех сил, чтобы осветить обычно тёмную лестницу. В начищенном зеркале мелькают блики, а на комодѣ идеальный порядок. Даже уборщицы стали подметать вместо нянечек, а Хью и другие повара – готовить в разы больше. Садовник теперь заглядывает в оранжерею каждый вечер, чтобы удобрить почву и полить цветы. За пару дней вместо увядших под солнцем пионов были высажены душистые фиалки – это, наверное, радует меня больше всего.

Я прохожу мимо игровой, откуда на меня пялится вечно недовольный Акерс, высокомерный Луис и Джейкоб. И только маленькая Зои искренне улыбается, замечая мою фигуру в дверном проёме. Поднявшись наверх, я застаю бабушку на своём обычном месте – в кабинете, за рабочим столом, заваленном стопками бумаг.

– Привет, – я прохожу, прикрыв дверь, и присаживаюсь в кресло. Бабушка отрывается от документов, и я продолжаю: – Есть новости?

Она без лишних вступлений обрисовывает мне общую картину:

– Социальная служба разочарована последними инцидентами, но решила никуда *выше* не жаловаться, – робко, но рассудительно произносит бабушка.

Я облегчённо выдыхаю.

– Вместо этого она занимается поиском семей, которые

приняли бы к себе проблемных детей.

– Ты говоришь о Билли? – я заканчиваю за неё, и у меня будто камень с души сваливается.

– И не только.

Теперь я настораживаюсь. Выпрямившись в кресле, я складываю руки на подлокотниках и начинаю ритмично постукивать пальцами.

– Уже есть семья, готовая принять Билли, – продолжает бабушка. – Это мистер и миссис Гилберт, они живут в Ир-свике и владеют спортивно-оздоровительным комплексом на подъезде к Манчестеру, – она достаёт из папки их фотографию и протягивает мне. – Они приезжали вчера знакомиться, пока ты была в Фосс Парке.

– Судя по всему, они достаточно обеспечены, – замечаю я, внимательно рассматривая дорогой костюм мистера Гилберта и позолоченные украшения миссис Гилберт. Всё просто как дважды два: они не могли не понравиться алчному до мозга костей Билли.

– Да, социальную службу они вполне устраивают, – перефразировала мои слова бабушка.

Я отдаю ей фотографию и откидываюсь в кресле.

– Что ж, я рада, что Билли скоро уедет, и вообще...

– Кэтрин?

– Да? – удивляюсь я, когда бабушка внезапно прерывает меня.

– Прости меня ещё раз, – она опускает глаза и поджимает

губы.

Я бы могла сказать, что не стоит извиняться передо мной слишком много, что я не держу на неё зла и что почти забыла все оскорбления Акерса, если бы сама не была такой же.

– Всё в порядке, – отвечаю я, погодя. – Всё *будет* в порядке.

– Как там Люк?

– Ему уже лучше, – отвечаю я. – Его здоровьем интересовалась семья Кларк, ты знала об этом?

Кажется, бабушка ожидала, что я спрошу это.

– Да, я знала, – загадочно отвечает она, и в моей голове всё складывается в единую картину. Догадаться о том, что мистер и миссис Кларк присматриваются к детям, было проще простого, но я как обычно не обращала внимания на говорящие факты.

– Они хотят усыновить Люка? – удивлённо спрашиваю я. В ответ бабушка кивает.

Фортепианная музыка медленно наполняет пустой зал. Мне пришлось перерыть всю небольшую тумбочку, набитую нотными листами, чтобы отыскать то самое произведение, которое когда-то играл Люк. Наконец, отыскав его в одном из дальних углов ящика, я принялась разучивать ноты. Сложенный несколько раз лист исписан чёрной гелиевой ручкой. Разбирать написанное трудно, но возможно, да и мне не хочется останавливаться. Кажется, я готова утонуть в этих ак-

кордах.

Перед тем, как начать, я сыграла несколько мажорных и минорных гамм, потренировалась играть трезвучия, чтобы как следует разогреть пальцы, но и теперь моя правая кисть не слишком легко погружается в клавиши. Без Люка игра даётся тяжело, но я стараюсь изо всех сил, чтобы мелодия не прервалась. Шагая пальчиками по белым клавишам, я наконец-то узнаю знакомую песенку. Стоит только вспомнить тот день, когда Люк коснулся моего запястья, как мне тут же становится легче.

Единственное, что всё ещё мешает, это знак понижения – бемоль. Читая с листа, я намеренно игнорирую его, чтобы не отвлекаться на чёрные клавиши, но мелодия звучит немного не так. Пропущенные знаки неприятно режут ухо.

Люк уже пытался обратить моё внимание на чёрные клавиши, но... что сказать, я была непослушной ученицей. У меня легко получалось играть тоническое трезвучие той тональности, в которой написана пьеса, но вот при игре я совершенно забывала о знаках при ключе. Вот бы сейчас Люк подсел и подсказал, какой аппликатурой мне лучше играть, чтобы захватить все знаки. Если мои руки не слушаются меня, то, может, они будут слушаться Люка?

Мне кажется, что только истинный виртуоз сможет без ошибок сыграть это произведение.

Я представляю, как Люк сидит рядом со мной на банкетке и наблюдает за каждым движением кистей, как следит за

плавностью, изяществом и манерностью моего исполнения. Как его тёплое дыхание слышится совсем рядом, рядом с мочкой уха. Как меня будоражит его прикосновение, когда он поднимает мою руку и ставит на клавиатуру так, чтобы мне было удобно. Незаметно для самой себя я ставлю руку на клавиатуру и почти идеально проигрываю несколько тактов. Результат налицо.

Я закрываю глаза и оказываюсь в центре большой сцены, сидя напротив отполированного рояля. Где-то под расписным потолком оживают изображённые ангелы, порхая на широких, как паруса, крыльях под звуки музыки. Пока я неторопливо играю Моцарта, они кружат над публикой, разодетой в строгие костюмы и прекрасные платья, и поют. Все смотрят на мои быстрые руки – на наши с Люком быстрые руки.

Он сидит на краю банкетки и рассыпает на клавиатуру ноты, как зерно, из которых вскоре вырастает мелодия. Ладони Люка прыгают через мои, когда он играет октавы, мои пальцы порхают на триолях, когда он отдаляется на аккомпанемент. Тяжёлый бас гармонирует с короткими восьмушками. В моём воображении мы играем, не видя конца, и, наверное, я готова провести так всю жизнь.

С Билли я не могла представить, что нас что-то ждёт впереди. Будущее рядом с ним выглядело даже не блеклым, а чёрным. С ним я забыла о том, что такое воображение.

А с Люком мои фантазии становятся реальными. Без него

я бы ни за что на свете не села за рояль и не начала разбирать понравившееся мне произведение. Я бы только на секунду представила, каково это – быть пианисткой, но почти сразу забыла бы об этом. Зато теперь...

Глава 19

В глубине души я, может, и хотела, чтобы Люка усыновили, но, столкнувшись с этим в реальности, немного испугалась. То, что другим может показаться началом новой жизни, для Люка может стать лишней головной болью. Я боюсь даже не того, что это снова напомним ему о той ночи, когда его оставили биологические родители, – я боюсь, что мистер и миссис Кларк поступят так же. А Люк заслуживает лучшего.

Я и не заметила, как его ощущения слились с моими. После того рассказа я как будто сама пережила весь этот кошмар наяву, когда ты остаёшься один посреди дороги, хочешь ринуться вперёд за машиной, но из-за страха не можешь сделать ни шага. Я не могу допустить, чтобы это повторилось.

И мне жаль, если это вообще с кем-то ещё повторяется.

Но, похоже, я зря переживаю, потому что Люк настроен оптимистично и любые новшества в своей жизни принимает за подарки судьбы. Что ж, если верить его впечатлениям от мистера и миссис Кларк, то они и вправду настоящий подарок. Если меня когда-нибудь спросят о самых щедрых людях в моей жизни, я без колебаний назову их. И дело не только в жертвованиях детским домам, но и во внимании, которое они оказывают друг другу и окружающим.

– Мистер Кларк души не чает в Саре, – говорит Люк, по-

тягивая чай. Мы выбрали небольшой столик у стены в кафетерии Фосс Парка, чтобы не мешать пациентам своими разговорами. Было глупо полагать, что в часы посещения здесь мало народа. В любом случае, это последнее неудобство в наших с Люком отношениях: уже совсем скоро мы сможем встречаться там, где нам будет удобно. – Ты бы видела, как он с ней обходится!

– Он показался мне очень воспитанным, когда мы впервые встретились, – соглашаюсь я, улыбаясь.

– Давно это было?

– Да нет, в начале лета. Миссис Кларк, кстати, была с ним.

Сара Кларк выглядит потрясающе для своих лет – с этим трудно поспорить. Её большие глаза горят жизнью, губы всегда чуть приоткрыты в той самой улыбке, от которой тепло на душе, когда смотришь на неё. От миссис Кларк всегда веет каким-то странным, заразным чувством лёгкости, заставляющим бросить дела и пуститься во все тяжкие. Так сразу и не скажешь, что ей недавно исполнилось пятьдесят. Люди вроде неё кажутся вечно молодыми – и очень счастливыми.

При очередном упоминании Сары Люк почему-то улыбается.

– Что такое? – интересуюсь я.

– Она обожает мёд, – говорит Люк. – Мистер Кларк просто очень смешно упомянул об этом... целых десять раз.

– Э-э-э... а зачем?

– Она уроженка Манчестера.

– Это всё объясняет, – смеюсь я.

Пчёлы с девятнадцатого века являются символом Манчестера, символизируя трудолюбие и считаясь талисманом у местных. Кажется, с недавнего времени она стали ещё и эмблемой одной из кампаний по производству мёда. Я не раз видела таблички с гравировками пчёл, когда была там.

От Йорка до Манчестера чуть больше ста километров. Туда можно ездить на выходных и без лишней спешки возвращаться к началу рабочей недели. Раньше мама часто ездила туда за новыми костюмами.

– Я даже не верю, что всё это по-настоящему, – говорит вдруг Люк. – В смысле что мистер и миссис Кларк усыновляют меня. У меня появится новый дом, новые родители... и я даже стану чуть ближе к тебе.

Люк поправился быстрее срока, и уже завтра – то есть спустя пять дней в больнице – его должны забрать к себе мистер и миссис Кларк, проживающие на окраине Хантингтона. Представить только, нас больше не будут держать в четырёх стенах, заставляя жить по расписанию и запрещать покидать территорию детского дома во время «грозы» – мы обретаем счастье, свободу и любовь, проверенную временем.

Раздумывая о том, где бы лучше прогуляться в Хантингтоне, я невольно расплываюсь в улыбке. Мы с Люком могли бы сходить в небольшой сквер на Хантингтон-роуд и попробовать сахарную вату всех вкусов, могли бы побродить по моей любимой каменной набережной, почти сравнявшейся

с земель, и насладиться спокойствием Ривер Фосс, могли бы есть вкусное мороженое и смеяться до упаду в любимой кофейне. То, что ждёт нас впереди, может согреть душу, растопить сердце и залечить даже самые глубокие раны.

– Разрешешь мне навестить вас послезавтра? – спрашиваю я у Люка, поднимаясь с места.

– Почему не завтра?

– Я так не могу, – признаюсь я. – Я ценю твою привязанность, но мистер и миссис Кларк теперь твоя семья.

Люк встаёт вместе со мной и заставляет провалиться в его тёплые объятия.

– Ты всегда будешь для меня на первом месте, – говорит он, и я чувствую вибрацию его груди.

Я прижимаюсь к Люку так сильно, насколько могу. Я хочу просочиться сквозь кожу и мышцы, я хочу быть в самом его сердце. И оно так дико бьётся в груди Люка. Я слышу его совсем близко, всего в нескольких дюймах. Это может означать только одно – я всё-таки добралась.

– Но я правда считаю, что тебе нужно провести с ними хотя бы немного времени, – напоминаю я. Мне приходится чуть отстраниться, чтобы заглянуть в его глаза, полные любви и преданности. – Они ведь так стараются найти с тобой общий язык! А насчёт меня не беспокойся – я всегда рядом, не забыл?

Он не забыл. Он никогда не забудет.

– Поблагодари от меня миссис Гофман и миссис Лонг, по-

жалуйста, – говорит Люк. – Первую за чудесную дочь, а вторую за доброе сердце.

Я вспоминаю зелёные холмы, макушки высоких деревьев, тонкие сплетённые ветви и резвое журчание Ривер Фосс. Я вспоминаю бабушку, с которой проводила каждое лето. Я вспоминаю её мягкие щёки, которые я любила целовать по праздникам в детстве; я вспоминаю её нежные руки, которые гладили мою голову в самые трудные времена; я вспоминаю слова утешения; я вспоминаю внутреннюю борьбу, через которую ей пришлось пройти этим летом.

– Обязательно, Люк.

Люк прав: я зря беспокоюсь. Разве он мог бы говорить с такой уверенностью и так ясно смотреть в будущее, если бы переживал? Всё это заставляет меня почувствовать некоторое облегчение и даже немного быстрее перебирать ногами – хотя мне и не хочется отходить далеко от Люка. Я слишком привыкла видеть его рядом, чтобы теперь оставлять в Фосс Парке.

Но правила есть правила, и нарушать их сейчас, когда всё почти наладилось, было бы верхом глупости. Я оставляю Фосс Парк позади и шагаю к остановке под Битлз – главный страх моих наушников. Солнце уже почти село, уступив место луне. Таинственный белый свет озаряет небо, высыпавшее сотню звёзд, точно маленькие бриллианты.

И, кажется, одна из них только что упала, потому что сто-

ящая у остановки Бет светится от счастья, когда замечает меня. Мы договорились вместе провести вечер ещё полчаса назад – точнее, Бет предупредила, что встретит меня у Фосс Парка, чтобы что-то рассказать. На её языке это означает: «Подними челюсть, Кэтрин, и дай мне договорить». Что ж, я в предвкушении. Как только я перехожу дорогу, она бежит ко мне со всех ног, чтобы обняться.

– Кэт, нам определённо нужно видеться чаще! Ты так хорошела с последней встречи! В чём твой секрет?

– У меня нет никаких секретов. Просто... кажется, всё хорошо.

Я одета совсем скромно по сравнению с тем, как мне приходилось вырядаться на фотосессии и на занятия в модельной школе. Сейчас на мне любимая синяя юбка, подол которой вытянут временем, и простая белая блузка. Это, конечно, не те вещи, которые должна носить девушка с супер-пупер благородной фамилией Лонг, если верить словам мамы. Но какая разница?

Сейчас, когда всё налаживается, моя душа расцветает. Я даже не помню, когда в последний раз пользовалась косметикой. Теперь всё, что мне нужно, это сладкая гигиеничка и немного пудры. А внешняя красота, о которой говорит Бет, – всего лишь отражение внутренней. Я сияю так же, как Бет от радости видеть меня. Так же, как звезда.

И люди – *люди* – ценят именно это.

– Все так просто? – спрашивает Бет.

– Похоже, что да.

Но я понимаю: нет, не просто. Просто сейчас, когда я уже рассталась с парнем-тираном, периодически поднимающим на меня руку; когда о поездке в Нью-Йорк больше никто не напоминает; когда математика с экономикой – и искрящиеся розетками на физике – остались в прошлом.

Кстати о них. До начала занятий остаётся ещё месяц – всего тридцать один день на то, чтобы насладиться теплом, безмятежностью и близкими. Но больше всего меня тревожит предстоящая разлука с Бет – моим любимым соседом по парте, с которым можно обсуждать всё, начиная решением задач и заканчивая парнями из другого класса; самым отвязным человеком во всей Великобритании (вторым после Мориса); и, главное, моей подругой. Мне придётся постараться, чтобы найти друзей в старшей школе Роклиффа – хотя бы на половину таких же классных, как здесь.

Мы садимся на автобус и едем по Хантингтон-роуд, пока в темноте не вырастает большой парк. Выложенная плиткой дорожка ведёт нас прямо к небольшому столику на веранде кафе, за которым мы и располагаемся. Отовсюду веет свежим хлебом и сладостями, в нос ударяет аромат выдержанного вина и эклеров. Но среди этих разных запахов есть один, главный, перебивающий все остальные – и это свежее дыхание Ривер Фосс. Из-за музыки почти не слышно, как шумит вода, но я знаю: река где-то рядом. Тихий августовский ветер теряется среди растущих здесь плакучих ив.

– Надеюсь, ты помнишь о вечеринке? – начинает Бет. – Она через несколько дней, ты сможешь прийти? Всё будет проходить у Мориса.

– Морис специально для меня организовал вечеринку? – подшучиваю я. – Щедрый поступок, если учитывать ущерб после них.

– Ты так похожа на свою маму, – протягивает Бет с довольной ухмылкой, зная, что я точно начну это отрицать.

Хотя, в чем-то она права.

– Мы разные, – всё же упираюсь я, а Бет радуется, что сумела поймать меня на крючок. – Так, во сколько мне приходиться?

– Как обычно, в шесть.

– Поняла.

– Морис подойдёт через несколько минут, – Бет откладывает смартфон и принимается разглядывать меню. – Попросил взять ему стаканчик виски.

– Это на него так похоже, – говорю я. – Боюсь, здесь нам откажут, и ему придётся выбрать что-нибудь другое.

Бета поднимает на меня испуганные глаза:

– Перестань, он просто шутит.

От неловкости я перевожу взгляд на соседний столик. Пока родители обсуждают свои дела за бокалом вина, их дети резвятся на спортивной площадке неподалёку, на другой стороне дорожки.

– Я возьму нам чай и пару стейков, – говорит Бет и под-

зывает официанта.

Нам обещают принести заказ в течение пятнадцати минут, и мы снова остаёмся одни.

Стейки готовят прямо на улице, из-за у веранды, где мы сидим, витает аппетитный аромат жаренного мяса и специй. Приходится внимательно следить, чтобы у меня не потекли слюнки.

Пока Бет зависает в интернете, я решаю ещё немного почитать о старшей школе Рокклиффа. Кажется, я не прекращала это делать с того самого дня, как подала документы. Мне хочется как можно основательнее подготовиться к учебному году, хотя я и понимаю, что с таким количеством новых предметов, учителей и корпусов это будет непросто. Конечно, я не выучу историю от Древности до Новейшего времени за месяц, зато это хотя бы будет интересно. Основной упор у меня будет делаться на литературу и всеобщую историю, и это не может меня не радовать. В Хантингтоне я занималась только расчётами бухгалтерских издержек, а теперь я смогу проводить перемены в библиотеке за книгами, которые так люблю.

К тому же в моей новой школе есть несколько творческих кружков, в которые я непременно вступлю. Мои пальцы уже скучают по клавишам, а сердце – по мелодии, так хорошо запомнившейся мне ещё в июне. Мои пальцы скучает по страницам, а глаза – по сюжету, перебегающему с одного абзаца на другой.

К слову, мне пришлось написать несколько тестов по истории и литературе, чтобы в школе смогли трезво оценить мои знания профильных предметов. Но я справилась с ними даже лучше, чем ожидала, поэтому меня приняли без лишних вопросов.

Морис неожиданно подсаживается к нам, вырывая меня из мыслей. Я выпрямляюсь и бросаю на него восхищённый взгляд: на нём рваная джинсовая куртка, неаккуратно уложенные волосы, а в зубах – алая роза. Всё это слишком... киношному романтично, чтобы быть правдой.

Бет отрывается от смартфона и вскакивает на ноги от неожиданности. Но что самое интересное – она медленно подходит к Морису и осторожно, боясь уколоться, забирает у него розу. Я уже хочу спросить, что за чудесную сценку они разыгрывают, но влюблённый взгляд Мориса уже отвечает на все мои вопросы.

– Красивая, – смущённо говорит Бет. – Спасибо.

Когда нам приносят заказ, я принимаюсь расставлять тарелки. Бет и Морис мило воркуют, держась за руки под столом и, наверное, думая, что я ничего не замечаю. Но улыбка выдаёт меня с потрохами. И как я проглядела момент, когда они начали встречаться? Мы же так много времени проводили вместе! «В последний раз вы виделись полмесяца назад, – напоминает внутренний голос, – этого времени более чем достаточно, чтобы влюбиться, неужели ты сама не зна-

ешь?».

Когда Бет и Морис наконец признаются, что уже как две недели состоят в отношениях, я готова завизжать от радости. Но, как бы мне ни хотелось, я не спешу углубляться в подробности.

– Итак, вечеринка в силе? – спрашиваю я у Мориса.

– О, ещё как! – отвечает он. – Я накачал столько музыки, что Хантингтон не уснёт до утра, если, конечно, мои подлещи-соседи не решат снова всё испортить.

– В смысле вызвать полицию?

– И забросать дом яйцами, – фыркает Морис, накалывая на вилку кусочек стейка.

– Звучит не очень весело, – замечаю я.

– Только не начинай, – встречает Бет. – Послушай, вечеринка – это не только про веселье. Это наш способ выразить свою любовь и попроситься с тобой. Поэтому не строй из себя маменькину дочку и просто приходи.

Бет права – мне надо перестать слишком много думать и просто дать расслабиться и себе, и остальным. Сделав глоток чая, я отвечаю:

– Извини, ты права. Конечно, я приду.

– Можешь позвать Люка, – предлагает Морис. – Будете вдвоём уворачиваться от летящих яиц.

Я легко пинаю его под столом и смеюсь.

Время за разговорами летит слишком быстро, и я не успеваю моргнуть, как город проваливается в ночь. Лишь туск-

лый свет гирлянд, растянутых под крышей веранды, освещает лица моих друзей. Вдалеке, за деревьями, поблёскивает золотой купол собора, в который мы с бабушкой ходим каждую весну. Последний на сегодня колокольный звон гуляет над Хантингтоном перед тем, как окончательно уступить шумным ветрам и звону посуды в маленьком ресторанном дворике.

– Вы правда разрешите Люку прийти? – спрашиваю я.

Морис отвечает не медля:

– Двери моего дома открыты для всех. Вопрос в том, захочет ли прийти он?

– Да и сможет ли? – добавляет Бет. – Кстати, как он себя чувствует?

– Ему уже лучше, – говорю я. – Завтра его забирают к себе новые родители, а послезавтра – то есть перед вечеринкой – я пойду знакомиться с ними.

– Подумать только, всё началось с письма, – качает головой Бет.

Я и сама не могу в это поверить.

– Тебе стоило бы любить мои вечеринки, – подмечает Морис.

– Точно, – я поднимаю свою кружку с чаем и торжественно произношу. – За Мориса и его вечеринки!

Глава 20

Весь следующий день я не отхожу от мамы ни на шаг. Ей потребовалась помощь, чтобы опустошить туалетный столик в гардеробной и целую секцию в шкафу с вещами. Пока я только и успеваю раскладывать всё по чемоданам, мама достаёт платья одно за другим.

Джули Вебер напомнила о себе в начале августа, когда моделям пришлось суматошно заканчивать работу над новым портфолио и подготавливаться к поездке в Нью-Йорк. Работа кипела, мама целыми днями пропадала на работе, а я даже не догадывалась о скором отъезде.

Когда я спрашиваю у мамы, почему она не предупредила меня заранее, она начинает оправдываться как только может. Ну, знаете, то смартфон сел прямо перед тем, как она хотела мне позвонить, то связь подкачала, то после работы хотелось немножко расслабиться с бокалом вина. Но даже так я не верю, что она не могла выделить минутку на звонок мне.

На самом деле она затаила на меня глубокую обиду из-за того, что я не еду в Нью-Йорк вместе с остальными. Мама знает, что я ни за что на свете не вернусь в агентство. Я даже слушать не хочу о возможностях, которые открылись бы передо мной, будь я чуточку податливее. Сейчас я бы тоже собирала чемоданы в предвкушении семичасового перелёта

из Лондона в Нью-Йорк, готовилась бы к показам и учила бы реплики для интервью, а спустя время созерцала бы свои фотографии в модных журналах. Но ничего из этого не сделало бы меня счастливой. Как бы я ни старалась доказать ей, что это не принесёт мне ничего по-настоящему стоящего, мама не слушала меня. А я просто смирилась и перестала искать повод для разговора.

Наверное, это даже правильно, потому что мама ходит взволнованная с самого утра. Попасть под горячую – к тому же сметающую всё на своём пути – руку мне совсем не хочется. Я молча помогаю ей упаковывать тонны косметики и горы одежды.

– Когда ты собираешься к бабушке? – спрашивает она за обедом.

– Не знаю. Может, в конце недели. Вообще-то у меня есть планы на завтра.

По вопросительному взгляду мамы понимаю, что она ожидает продолжения. Я делаю глубокий вдох и говорю:

– Сегодня Люка забирают его приёмные родители, с которыми я завтра иду знакомится. После этого мы с Люком пойдём к Морису и Бет на вечеринку.

– Морис устраивает вечеринку специально для тебя?

– Они с Бет занимаются этим вместе, – подчёркиваю я. – А теперь они ещё и пара. Правда здорово?

– Ты снова упустила своё счастье, – злобно бормочет мама себе под нос. – Ну, как так можно?

Боюсь, Морис совершенно не «моё счастья», да и я в его глазах далеко не бриллиант. Ему нужен кто-то более храбрый, кто-то, кто бы пошёл против него, если бы он оказался неправ. Морису нужна девушка, которая стала бы его учителем и проводником, и Бет идеально подходит на эту роль.

– Они отлично смотрятся вместе, – произношу я, не обращая внимания на слова мамы.

Она лишь закатывает глаза и скрывается в гардеробной. Вскоре в гостиной появляются два раскрытых чемодана и ещё больше стопок одежды. Пока я раскладываю мамины костюмы и платья, она быстренько делает пару фото и загружает истории в соцсети. Я, конечно же, вновь попадаю в объектив, и вскоре на мой телефон приходит уведомление об отметке.

Дешёвый трюк, мам. Я к этому не вернусь. Сейчас мои профили завалены самыми разными фотографиями из студии – и пейзажами Хантингтона, от которых мама старательно избавлялась в течение нескольких лет. Но я знаю: если чему-то и нужно исчезнуть, так это фальшивым снимкам, где я с накладными волосами и цветными контактными линзами.

Когда с чемоданами покончено, мама переодевается в роскошное белое платье. Клянусь на книгах Агаты Кристи, это её самый дорогой наряд из всех, что я видела. Как обычно заколов волосы, она обувается в светлые туфли на высоком каблуке и смотрится в зеркало.

– Как я выгляжу?

Платье действительно хорошо сидит. Кто бы что ни говорил, белый цвет отлично подчёркивает мамину фигуру.

– Превосходно.

Но один Бог знает, как она в этом полетит.

На её строгом лице появляется тусклая улыбка. Поставив чемоданы на колёсики и выдвинув ручки, мама выкатывает их в прихожую и вызывает такси.

– Мы вернёмся ближе к сентябрю, – повторяет мне она. – Пока что не могу сказать, на сколько затянутся показы и фотосессии, но, если кто-то подпишет контракт, то можешь не ждать нас раньше октября. Бабушка присмотрит за тобой, хоть ты уже и взрослая.

Взрослая, которая, по её мнению, постоянно совершает детские ошибки. По одному взгляду понятно, что мама больше не питает себя иллюзиями о моей успешной карьере.

– Мам, – я присаживаюсь на пуфик у стены и подтягиваю ноги. Слова вертятся на языке, но произнести их оказывается очень сложно. Пересилив себя, я произношу: – Спасибо тебе.

– За что? – недоумевает она.

– За всё, – я поднимаюсь с пуфа и тепло обнимаю её.

За то, что учила меня манерам, привила чувство стиля и в общем вырастила замечательную дочь. За то, что тратила на меня так много сил и времени, несмотря на различия между нами. За то, что пусть и строго, но воспитала меня.

Это будут по-настоящему долгие каникулы в Соединён-

ных Штатах. Уверена, маме не хватит и года, чтобы обойти весь Нью-Йорк, наведаться во все известные бутики и скупить половину магазинов. Она такая предсказуемая, и почему-то это кажется мне очень милым. Я с наслаждением вдыхаю запах её духов и медленно отстраняюсь, тоскливо осознавая, что не увижу её ближайšie несколько месяцев.

– Желаю хорошо провести время, – говорю я, хоть и знаю, что иначе быть не может. Мама не упустит ни одну возможность потратить сотню баксов.

– Спасибо. Не шуми здесь.

Я закатываю глаза:

– Ладно, – как будто я когда-то это делала!

Как только мама выходит за порог, я хватаюсь за телефон и печатаю Энн несколько сообщений с пожеланиями счастливого полёта. Рейс в семь – к тому времени мама, Джули и девушки из агентства должны прибыть в Лондон и приготовиться к долгому перелёту. По ответу от Энн понимаю, насколько она рада вновь оказаться за океаном, заняться делом, которое она так любит и посетить то самое кафе, где она впервые попробовала молочный коктейль. Её сообщения не могут не вызвать у меня улыбку.

Надев неприглядную футболку и джинсы, я отправляюсь в ближайший супермаркет на Хантингтон-роуд, чтобы прикупить фруктов и упаковку пряного печенья. Высоко поднявшееся солнце хорошенько пригревает сырую после до-

жда землю, и побитые тяжёлыми каплями цветы на клумбах начинают заметно восходить. Малейшее дуновение ветра разносит зонтики одуванчиков над Ривер Фосс и уносит вниз по течению, а под окнами домов распускаются душистые розы. Глядя на всё это, слушая, как радостно лают собаки на другой стороне Хантингтон-роуд и поют птицы, мне так и хочется лечь на траву и просто смотреть в небо.

Как только я оказываюсь в супермаркете, глаза разбегаются по сторонам. Отыскать что-то подходящее среди заставленных прилавков оказывается сложнее, чем я думала. Изначально слоёное печенье кажется мне неплохим вариантом, но, как только я перевожу взгляд на зерновое, а потом и на шоколадное, то начинаю сомневаться. Вокруг столько всего, что я теряюсь и не знаю, что окажется наиболее выигрышным.

– Вам чем-то помочь? – очень кстати спрашивает у меня девушка за кассой.

– Да, пожалуйста, – киваю я.

Мне не хочется ударить лицом в грязь перед мистером и миссис Кларк, поэтому варианты дешевле пяти фунтов я даже не рассматриваю. Но, как назло, девушка не может предложить мне ничего стоящего. Мы перебираем пачки с печеньем одну за другой, но я никак не могу остановиться на чем-то одном. Дорогое печенье выглядит скудно, а то, что подешевле, наоборот, как будто кричит: «Я вкусное, но заставлю тебя пробежать тысячу километров на беговой дорожке».

Отчаявшись, я выхожу из магазина с небольшой корзиной фруктов, которую успеваю взять по скидке. Не то чтобы все эти маленькие яблочки стоят того, что я за них отдала, но корзинка оформлена просто великолепно! Вместе с тонкими алыми ленточками по краям и бантиком на ручке она сразу выглядит праздничной.

Шум ярмарки заставляет меня поднять глаза. Повсюду стоят прилавки со свежими фруктами и овощами, тележки с тыквенными пирогами и ягодными компотами. Меня даже окутывает аромат свежего мыла от лаванды до мяты. Где-то в глубине ярмарки я замечаю небольшую деревянную тележку, заставленную коробками с печеньем – тем самым, которое я себе и представляла, рассыпчатое с мелкой шоколадной крошкой.

– Извините, сколько стоит это печенье? – спрашиваю я у продавца, дождавшись своей очереди.

– Восемь фунтов стерлингов. Ручная работа.

Мысленно успокаивая себя тем, что печенье ТОЧНО стоит того, я передаю продавцу оставшиеся деньги и забираю коробку.

Глава 21

Мой план найти у мамы в гардеробе что-то сдержанное с треском провалился, потому что пёстрых платьев у неё больше, чем у любой поп-звезды. Я всё утро роюсь в её вещах, стараясь отыскать хотя бы что-то подходящее для визита к мистеру и миссис Кларк, но, судя по всему, зря. Перед глазами уже рябит, когда я в очередной раз провожу рукой по оставшимся нарядам, поэтому я разочарованно закрываю одну секцию и перехожу к другой.

И – хвала небесам! – наконец-то нахожу что-то, похожее на *одежду*.

Пара классических костюмов висит в дальнем углу и ждет, когда я сниму её с плечиков. Среди чёрных и серых брюк мне удаётся найти одни белые и подобрать к ним блузку с маленькими чёрными пуговицами. Упустить это было бы преступлением, поэтому я быстро-быстро, как какой-то грабитель, складываю одежду на предплечье и закрываю шкаф. Оставив всё на спинке кресла, я сажусь перед туалетным столиком и мастерски возвращаюсь в строй красоток с обложек буквально за десять минут.

Люк прав – мне нужно чаще благодарить маму. Без её уроков по макияжу я бы вряд ли управилась бы и за день. А может, я вообще покрасила бы волосы в зелёный и начала но-

сильно растянутые до колен толстовки. Мама вложила в меня многое, о чём я позабыла. Без неё я вряд ли была бы той, кого сейчас вижу в зеркале.

Я снова беру брюки с блузкой, прихватываю чёрную резинку для волос с туфлями на низком каблучке и переодеваюсь за деревянной ширмой. Собрав невысокий хвост, я немного распушаю волосы расчёской и убираю чёлку за уши. Накинув на плечи пиджак и оглядев себя с ног до головы, я отправляю несколько сообщений Энн. **Иду знакомиться (снова) с мистером и миссис Кларк. Немного нервничаю. А ты как?** Вместо ответа Энн присылает несколько фотографий номера, в котором она разместилась прошлым вечером, и я понимаю: лучше и быть не может. Просторная, освещена тусклым светом торшеров комната парит прямо над Центральным парком в сердце Манхеттена. Две одноместные кровати аккуратно заправлены, а на покрывалах сложены полотенца. **Прекрасно! Разместились вчера вечером вместе с занудой Синтией. Напишу, когда обойду тут все кафешки. Уже скучаю Удачи!** От мамы тоже приходит пара сообщений – по классике: как круто просыпаться под шум самолётов и как же я облажалась, оставшись в Хантингтоне. **И я тебя люблю, мам.**

Сунув телефон в карман, я беру фрукты с печеньем и отправляюсь в путь. Думая о том, с чего лучше начать разговор, я как-то слишком быстро оказываюсь у коттеджа мистера и миссис Кларк. Если не задумываясь идти по старой на-

бережной вдоль реки, можно и не заметить этот неприглядный одноэтажный домик с крыльцом, на котором едва помешается дверной коврик. Тем не менее он не кажется маленьким – он скорее скромным, уютным. Оставив корзинку у ног, я делаю несколько глубоких вдохов и... замираю перед дверью с поднятой рукой.

Нет, я не позволю моим сомнениям разделить нас с Люком.

Расправив плечи, я коротко стучусь.

Шаги приближаются к двери, и я сглатываю. Я успеваю поднять корзинку и печенье с крыльца за секунду до того, как дверь должна была перевернуть их. Замок щёлкает, и передо мной появляется Сара Кларк – такая же улыбчивая, как и в нашу первую встречу, и мне моментально становится легче.

– Добрый день, я могу чем-то помочь? – удивлённо спрашивает она, замечая полную фруктов корзинку с печеньем.

– Здравствуйте, миссис Кларк. Может, вы меня помните? Я Кэтрин, мы виделись в июне в бабушкином приюте.

Я решаю не продолжать в надежде, что Сара поняла, кто я. Люк не мог не рассказать ей обо мне, я знаю. На секунду миссис Кларк меняется в лице, и с ещё более широкой улыбкой приглашает меня войти.

– Кэтрин, ну конечно! Я так давно хотела познакомиться с тобой поближе, ты не представляешь. Проходи, только тихо, – она, прямо как моя бабушка, прислоняет палец к гу-

бам. – Люк устал после переезда и спит у себя.

Я прохожу в дом и киваю миссис Кларк в знак благодарности. Холл сияет от чистоты: на туалетном столике убрано, только в углу лежит связка ключей. Я быстро соображаю.

– Извините, миссис Кларк, я вас не сильно отвлекаю?

– Прошу, просто Сара. Нет-нет, всё в порядке, у меня в запасе ещё полтора часа, – суетливо говорит она, и я скромно улыбаюсь. Этого более чем достаточно, чтобы как следует поговорить. Мне столько всего хочется обсудить с миссис Кларк, что я просто не могу уйти раньше, чем через час. Но есть один человек, о котором я не могу не спросить в первую очередь.

– Как Люк себя чувствует?

Сара захлопывает дверь и зовёт меня в гостиную. Я расстёгиваю застёжки и оставляю туфли в специальной тумбе напротив столика.

– Он в порядке, только стал больше спать. Что-то беспокоит его, и мы с мужем его понимаем. Пытаемся понять, – краснея, дополняет Сара. – Мы знаем, что ему пришлось несладко в последнее время.

– Да, – отвечаю я, горько осознавая, что причастна к этому не меньше Билли.

Пройдя в просторную, освещённую полуденным светом гостиную, я ставлю коробку с печеньем и фрукты на небольшой журнальный столик, где как по заказу приготовлены две чайные кружки с блюдцами, а в центре – цветущий букет

фиалок.

– Он купил их для тебя, – миссис Кларк легко поглаживает меня по плечу, и я таю от её тёплых слов.

Мы вместе садимся на диван, и миссис Кларк, пододвинув ко мне чашку, принимается разливать только что заваренный чай. Горячий пар клубами поднимается вверх.

– Спасибо, – говорю я, поднося чашку к губам. – А мистер Кларк не хочет присоединиться к нам?

– Он ждёт меня в офисе, мы тут одни, – с улыбкой отвечает Сара. – Спасибо за печенье и за фрукты. Это очень мило с твоей стороны.

– А кем вы работаете? – спрашиваю я, не подумав, и сразу прикусываю язык.

Я уже готовлюсь ощущать на себе осуждающий взгляд миссис Кларк, как это часто бывает с мамой, но, к моему удивлению, она начинает улыбаться только шире.

– Менеджер по рекламе и связям в одной из Йоркских кампаний, – медленно произносит она, оставляя чайник в стороне. – О, и кстати, приятного чаепития.

– Спасибо, – говорю я, а затем добавляю: – Вы бы точно понравились моей маме. Она обожает связи с общественностью и тому подобные вещи.

– Правда? – удивляется миссис Кларк.

– О, да, – я закатываю глаза. – Она стилист, и просто обожает давать интервью разным модным журналам.

Миссис Кларк оставляет чашку на столике.

– Кэтрин, – задумывается она, произнося моё имя – словно пробуя конфету на вкус и решая, нравится она ей или нет. – Кэтрин Лонг. Дочь Вивиан Гофман?

– Так точно, – усмехаюсь я, когда полный удивления взгляд Сары останавливается на мне.

– И как я сразу не вспомнила, – качает головой миссис Кларк, даже слегка краснея. – Миссис Лонг же столько о тебе рассказывала!

– Я и не сомневаюсь, – тихо смеюсь я.

– Мне было очень приятно снова встретиться с тобой, – качает головой миссис Кларк, и мне хочется громко смеяться. Она говорит с таким уважением, как будто перед ней сидит сама королева.

– Мне тоже, миссис Кларк! Скажите, а я могу... увидеть Люка?

– Можешь отнести фрукты ему в комнату, только тихо, – миссис Кларк стреляет хитрым взглядом, когда начинает убирать с журнального столика чашки, – его комната сразу за столовой.

Поблагодарив миссис Кларк за гостеприимство и вкусный чай, я выхожу в холл и зажмуриваюсь так сильно, будто сейчас взорвусь от радости. Кажется, если я продолжу вприпрыжку идти по коридору, то я не только разбужу Люка, но и проломлю головой потолок.

Миссис Кларк – не просто подарок, а целый подарочный

магазин! Я и не думала, что наша беседа пойдёт так легко и непринуждённо. Как она держится! Как говорит! Как шутит! Выражаясь математическим языком Бет и Мориса – который я понимаю примерно дважды в год, – она милая в квадрате, и в квадрате, и в квадрате.

Если честно, я даже не ожидала такого приёма. Зато мама до самой посадки на самолёт уговаривала меня не ходить к мистеру и миссис Кларк – как ни странно, только потому, что они зарабатывают меньше нас (кстати, после моего вопроса «Откуда ты знаешь?» она бросила трубку а-ля «отключила телефон на время полёта»). Но, судя по убранству коттеджа семьи Кларк, в деньгах они ограничены примерно так же, как моя мама – то есть никак.

Вообще-то мама никогда не считала нужным вести себя сдержанно, когда дело касается обсуждений чужого дохода. Когда её не слышали коллеги, она с удовольствием вдавалась во все подробности об их банковских сбережениях, как будто следила за ними сутки напролёт. За спиной она бесстыжая, бестактная и грубая, и мне становится очень грустно, когда я вспоминаю это. Её целеустремлённость и твёрдость меркнет в сравнении с её недостатками. Кажется, что ей совсем не важно, какие на самом деле люди – лишь бы у них было много денег.

Если честно, я даже по-белому завидую Люку, что у него есть такая семья.

Тихо приблизившись к его комнате, я опускаю ладонь на

ручку и прислушиваюсь. Пока миссис Кларк моет чашки на кухне, а в гостиной шумит кондиционер, за дверью Люка ни звука. Даже не знаю, радоваться или плакать – ведь мне так хотелось поговорить! Взяв себя в руки – и проверив, что я не выронила фрукты где-нибудь по дороге, – я вхожу в комнату и закрываю за собой дверь. Замок щёлкает так, как обычно щёлкает, когда рядом кто-то спит, и я зажмуриваюсь. Но Люк только поворачивается на другой бок.

Вот он, мой красавец – спит сном младенца, зарывшись лицом в одеяло и раскидав свои кудри по всей подушке. Воспоминания о том, как я наматывала их на палец, доводят меня до приятной дрожи. Вот бы снова сделать это – прямо здесь, прямо сейчас! А потом забраться под одеяло, свернуться комочком и провести так всю ночь, просто чтобы проснуться рядом, увидеть вместо экрана смартфона сонное лицо Люка, поцеловать его губы и...

Остановись, Кэтрин. У фантазии должны быть границы.

С трудом оторвавшись от Люка, я осматриваю комнату. Рядом с кроватью стоят две небольшие тумбы, заваленные вещами, а прямо около двери – стеллаж, уже забитый книгами. Парочка моих любимых детективов заставляет улыбнуться. Интересно, Люк уже прочитал «Десять негритят»? А «Смерть на Ниле»? На единственной пустой полке тлеет свеча, наполняя комнату лёгким ароматом карамельного яблока.

– Вкусно пахнет, да?

Я вздрагиваю и чуть не роняю корзинку. Люк, довольный удавшейся пакостью, выглядывает из-под одеяла и тихо смеётся.

– Ты меня напугал! – возмущаюсь я.

– А ты снова вошла без стука, так что мы квиты, – хохочет он.

– Миссис Кларк подумает, что я тебя разбудила!

– Она знает, что я просто валяюсь, – Люк переворачивается на спину и сбрасывает с себя одеяло. – Я всё равно я планировал встать к обеду. Что это у тебя?

Я подхожу к Люку и, подвинув гору новых футболок и светильник, прикрытый необычным бумажным абажуром, и ставлю на край тумбочки фрукты. Люк поднимается на локтях и заглядывает в корзинку.

– Купила вчера для вас с мистером и миссис Кларк.

– Спасибо. Иди сюда.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать Люка, но что-то маленькое и белое, торчащее из-под его подушки, заставляет меня остановиться. Удивлённый Люк следит за моим взглядом, а затем расплывается в улыбке.

– Можешь взять, если интересно.

Заинтригованная, я достаю и расправляю свёрнутый нотный лист, пытаюсь угадать, что там может быть, и... вместо длинного письма, картинок и всего, что я успела напредставлять, я вижу написанную от руки мелодию. Неизвестную мелодию.

– Я сочинил её для тебя, чтобы было, с чего начать. У миссис Лонг, конечно, много хрестоматий, но я подумал...

– Стоп, – останавливаю я Люка. – Ты что, сочиняешь?

– Вроде того, – скромно отвечает он.

– Вроде того?! – я смотрю на лист, а затем снова на Люка. –

Тебе когда-нибудь говорили, что мы гений?

– Там нет ничего сложного.

– Как много людей в нашем городе могут сочинить мелодию?

– Э-э-э... ну, может, пара десятков? – предполагает Люк.

– А мне кажется, что только ты.

Я осторожно-осторожно, боясь случайно порвать лист, сворачиваю его и кладу на место. Хотя, наверное, ему место где-нибудь в музее – или где там хранятся произведения композиторов-гениев?

– Ты обязательно сыграешь мне её, обещаешь?

Люк кладёт ладонь на грудь:

– Слово музыканта, – я уже в предвкушении. – Может, ты хочешь пройтись?

– Вообще-то Бет и Морис позвали нас на прощальную вечеринку из-за моего перевода в Рокклифф, и я думала, может, ты захочешь пойти?

– Нас? – я киваю, и он продолжает: – Ты уверена, что меня пригласили? Я вряд ли впишусь в общую картину, – беспокоится он.

– Более чем впишешься, – уверяю я его. – У нас есть

несколько часов, чтобы собраться. Хочешь пойти?

В его глазах видно смятение, но, несмотря на это, он коротко пожимает плечами, поднимается с кровати и говорит:

– Было бы здорово.

– Супер! – я подпрыгиваю от радости. – Тогда встретимся у Мориса в шесть. Ты же знаешь Мориса?

Люк хмыкает.

– Кажется, его знает весь Хантингтон. Особенно по ночам.

Возвращаясь домой в приподнятом настроении, я не могу не перепрыгивать через каждую встречающуюся на плитке щель. Встреча с миссис Кларк прошла даже лучше, чем я планировала, и моей радости нет предела. Я то и дело вспоминаю наш милый разговор за чашечкой вкусного чая. Душистый запах фиалок разносился по гостиной. Я обязательно снова наведаюсь к ним в гости – во-первых, чтобы поближе познакомиться с мистером Кларк, и, во-вторых, чтобы провести как можно больше времени с Люком.

Мне не приходится долго выбирать, в чём пойти к Морису: моё любимое, к тому же постиранное и выглаженное голубое платье ждало меня в гардеробной ещё со вчерашнего утра. Нанеся на губы прозрачный блеск и слегка подкрасив ресницы, я решаю, что уже готова к выходу.

Интересно, в чём придёт Люк? Было бы здорово, если бы он надел костюм, который мы купили вместе на Хантингтон-роуд, но, наверное, слишком странно для *такой* вечеринки.

Взяв телефон, я спрашиваю у мамы и Энн, как идут дела в Нью-Йорке. Ответ от Энн, как обычно, приходит быстрее. Кажется, я не успеваю отправить сообщение, как она уже посылает мне пять. В Центральном парке прошла неформальная встреча с представителями модного дома, с которым она сотрудничает, всё остальное будет позже, когда до показа останется всего пара дней и когда Вивиан Гофман успеет скупить все бутики на Манхеттене. И, судя по тому, что спустя тридцать минут моё сообщение остаётся прочитанным, мама уже на низком старте.

Бросив телефон в сумочку, я отправляюсь к Морису. Летний вечер сверкает фонарями на улицах Хантингтона, хотя солнце ещё даже не зашло. Ворота старшей школы закрыты, для меня – навсегда, и это навеивает тоску по старым добрым денькам, когда мы с ребятами просто бегали по двору а физкультуре, списывали на математике и считали секунды до конца урока. Три, две, одна... звонок спасает нас от очередной контрольной, и мы удираем. Морис бежит впереди, мы с Бет – всегда у него на хвосте, даже если одна из нас подвернула ногу. Подняв свой велосипед, Морис укатывает вдаль, а мы, смеясь, падаем на траву и радуемся, что ещё один учебный день остался позади. Но сейчас у школы ни учеников, ни велосипедов, даже звонков не слышно. Каникулы.

Последние каникулы перед началом взрослой жизни.

К дому Мориса, как обычно, не подойти: родительские

машины брошены как попало – но есть надежда, что гремящая музыка вызовет землетрясение и откатит их от дорожки. Даже не знаю, есть ли смысл стучаться, если меня всё равно никто не услышит. Морис такой Морис... я уже скучаю.

Дождавшись, пока из дома кто-то выйдет, я проскальзываю внутрь и... первым, что я слышу, становится треск осколков, царапающих ламинат в гостиной. Сначала мне кажется, что кто-то всего лишь разбил бутылку, но, когда я заглядываю в комнату, то понимаю, что кто-то дерётся. Музыка бьёт по ушам, и у меня начинает кружиться голова. Изза толпы, заслонившей всё происходящее, ничего не разглядеть. Я ищу глазами Бет и Мориса, но вдруг замечаю кудрявую макушку Люка и уже хочу, извиняясь, протиснуться к нему, как вдруг...

Он заносит кулак и ударяет Мориса? Подхваченная волной негодования, я ахаю вместе с остальными, когда Люк, как зверь, бросается на Мориса и сваливает его на пол. Мои глаза мечутся от места к месту – но кровь повсюду: на полу, на стенах, на футболке Люка... *на футболке Билли-Люка*, на лице Мориса.

Люк бросает взгляд в мою сторону, но я могу только промычать. Я даже сама до конца не понимаю, что я хотела этим сказать. Да и хочется ли мне вообще что-то сказать? Во взгляде Люка свистит выюга, потушившие все искры в моём сердце, бушуют прохладные волны океана, потопившие корабль моих надежд.

Ноги подкашиваются, и я чувствую, что вот-вот упаду.

Секунда повисает в воздухе. Стеклянный звон разлетевшихся осколков стихает. Сладкий туман электронных сигарет растворяется над головами, как будто помогая мне детально рассмотреть всю сцену. Морис. Люк. *Билли-Люк*. Морис. Люк. *Билли-Люк*.

Господи, Морису же нужна помощь!

Но ведь главное – не сопротивляться?

Иначе будет только хуже.

Страх уводит меня прочь из гостиной, но мне до последнего тяжело оторвать взгляд от Мориса. Ему нужна помощь. Кто-нибудь, пожалуйста, помогите ему!

Но кто поможет мне?

Подобно мелкому паруснику, я ловко маневрирую между толпой подростков в коридоре. Я витаю между комнатами, не имея ни малейшего понятия, куда бежать: в полной столовой не протолкнуться, а выход забаррикадировали целующиеся парочки. Я готова провалиться под землю, если бы она была подо мной – лишь бы меня больше ничего не связывало с Люком, лишь бы он не шёл сейчас за мной. Как на ветру, я взлетаю на второй этаж по крутой лестнице.

Музыка позади утихает, оставляя во внимании ритмичные шаги.

Можете не верить, но среди тридцати пар ног я распознаю именно шаги Люка. Серый туман рассеивается перед глазами, когда я судорожно толкаю первую попавшуюся дверь. В

кресле уютится сладкая парочка, а в их глазах сверкают искры. Те самые, которые когда-то разжёл в моих Люк, а затем потушил. Я оступаюсь, не отпуская скрипучую дверную ручку, но паре, похоже, всё равно. Ладони парня скользят по её плечам, путаясь в длинных прямых волосах. Миллиметр за миллиметром, они приближаются к её острым лопаткам. Девушка интимно вздыхает между поцелуями. Прямо как я. Прямо как *мы*.

Но «мы» развалились. По крайней мере, меня там больше нет.

Я медленно отхожу назад до тех пор, пока не упираюсь спиной в дверь ванной комнаты. Топот уже на лестнице.

– Кэтрин, стой!

Мне приходится быстро ориентироваться. Забежав внутрь, я хватаюсь за ручку и с треском захлопываю дверь. В этот момент дребезжит всё вокруг: и стены, и руки, и осколки моего счастья.

Трясущимся телом я прислоняюсь к двери и запираюсь. У меня скручивает живот, когда тяжёлые шаги оказываются совсем близко.

– Кэтрин, прошу, открой дверь!

Но положение защёлки неизменно. Я нерешительно отпускаю ручку и отхожу подальше от двери. Когда мои бёдра сталкиваются с ванной, стоящей у дальней стены, я подскакиваю от страха.

Каждый поворот дверной ручки кажется мне до боли зна-

комным. Я как будто снова стою в своей комнате – там, где когда-то жили Луиза и Зои, – и жду, когда Акерс вломится внутрь и... сделает то, что ему захочется. Всё, что угодно.

С тех пор многое изменилось. С тех пор я изменилась. Мои взгляды удалось поменять одному лишь Люку, убедив, что не все парни способны на жестокость. Но, если это так, то почему Люк сам только что избивал моего друга? Я пытаюсь найти ответ, но ничего не выходит.

Инстинкт самосохранения подсказывает, что мне срочно нужно скрыться. Я хватаюсь двумя руками за голову и судорожно оглядываюсь: за единственной дверью меня ожидает Люк. От безвыходности я присаживаюсь на скользкий край ванны и начинаю тихо всхлипывать.

– Кэт, пожалуйста, нам надо поговорить! – Люк оставляет в покое дверную ручку, которая, наверное, уже разболталась до невозможности.

Я не могу ответить. *Не могу.* Люк взмаливается:

– Кэт, пожалуйста, – в его голосе слышится боль и отчаяние, и на мгновение мне кажется, что за дверью стоит мой прежний Люк. Тот, который не поднял бы руку первым.

Я сглатываю и произношу:

– Что тебе нужно? – слова звучат настолько невнятно, и я боюсь, что Люк ничего не расслышал. Но на большее меня просто не хватит.

– Морис рассказал мне правду о тебе, – он шмыгает носом, и осколки моего сердца начинают болезненно скрести

плоть. – Всю правду, Кэт.

У меня не получается припомнить ничего, что предвещало бы беду. Я прокручиваю в голове события одно за другим, но не могу вспомнить того, о чём говорит Люк. Вместо этого мои мысли постоянно возвращаются к Акерсу, к его холодному взгляду и устрашающему выражению лица. В этот момент я решаю, что больше не произнесу ни слова.

Ещё в полдень всё было хорошо. Я встречалась с мамой Люка и благодарила Вселенную за обретённое счастье. Я гладила его по щеке и представляла, как когда-нибудь смогу сделать это снова.

Что могло произойти?

– Письмо, Кэт, – напоминает о себе Люк, тихо перебирая пальцами по запертой двери. – Это было твоё действие. Ты просто взяла и влюбила меня в себя, потому что не осилила стакан алкоголя?

Внутри меня всё рушится. От внутреннего мира ничего не остаётся, когда я понимаю, какой же отвратительной идеей было приглашение Люка на вечеринку. Нет, какой же позорной была идея написать письмо с признанием в любви только потому, что мне не хотелось расстраивать своих друзей!

– Скажи, что всё было иначе, – требовательный тон Люка быстро сменяется истерикой. – Скажи, что Морис соврал, скажи, что не поступила бы так со мной!

Но я уже поступила.

– Кэт, не молчи!

– Это правда, – говорю я, скатываясь с края ванны на холодный пол. Обняв колени, я утыкаюсь в них мокрыми от слёз глазами.

Теперь я понимаю, почему Люк набросился на Мориса. Его любовь была настолько сильной, что просто не перенесла бы такой подлости с моей стороны. Зная Мориса и его навязчивость, он наверняка получил по заслугам. Но от этой мысли мне не легче. Наоборот, с каждой секундой, проведённой по разные стороны двери, я чувствую, как пропасть между мной и Люком увеличивается.

И это разбивает мне сердце.

Глава 22

Кажется, что теперь необъятную пропасть между мной и Люком никому не преодолеть. Мы настолько далеко друг от друга, что уже забываем, каково это, крепко обниматься, вдыхать запах друг друга. А, может, он *уже* забыл.

Без него я сама не своя. На моём лице совсем не появляется улыбки, а, если уголки губ и нервно поднимаются от глупых шуток Бет, то это почти праздник. Она не отходит от меня ни на шаг. Мы вместе смотрим фильмы, что-то читаем и обсуждаем даже прогноз погоды, лишь бы я не замолчала. После вечеринки я стала неразговорчивой. Бет тоже приходится несладко, и я её понимаю. Она вкладывает в меня столько сил, а я даже благодарность не могу из себя вытянуть. Она несколько раз уходила, оставляя меня в давящем одиночестве, а я продолжала тупо валяться в кресле и хрустеть попкорном.

По ночам мне особенно часто вспоминается, как, обняв колени и содрогаясь от рыданий, я слушала мерные удаляющиеся шаги, но не могла подняться и побежать за Люком. Как он жалко плакал, когда осознавал, из *чего* возникли наши чувства. Как он забывал всё, что нас связывало, как вычёркивал из жизни эпизод за эпизодом, связанным со мной, как переставал верить в нас. Тогда я просыпаюсь под покро-

вом звёзд и набираю номер Бет. За час, может, полтора, я высказываю все свои сожаления по поводу случившегося, раскаиваюсь, выворачиваю душу наизнанку. Бет приходит ко мне среди ночи с пакетом сладостей, иногда со старой сухой пиццей и упаковкой салфеток, рискуя оказаться в полицейском участке после комендантского часа. Но, когда она переступает порог моего дома, я уже не могу заговорить так же, как по телефону. Мы с натягом перебрасываемся несколькими фразами, и на этом всё. Ночь – самое странное время.

Мне кажется, что словами я только отталкиваю от себя людей. Я всегда была капризной и никогда не отрицала этого, но последствия моего поведения я стала осознавать только сейчас, когда Люк по моей воле оказался в доме Мориса. Ведь я могла просто промолчать в тот день, могла бы поинтересоваться, как у него дела в новой семье. Но ничего из этого я не сделала, потому что думала только о себе. Я позволила фантазии зайти настолько далеко, что она сыграла со мной злую шутку.

Я перестала писать маме и Энн. Пока они отдыхают и работают в Соединённых Штатах, я сгниваю напротив телека. Бабушка, как и говорила мама, навещает меня каждые несколько дней, но она ни о чём не догадывается: из Бет вышел бы отличный визажист. Бабушка приносит последний урожай фруктов, в основном яблоки. Я не могу перестать прожигать их взглядом, пока они лежат на хрустальном блюде.

Когда бабушка уходит, я не сдерживаюсь и бью посуду. Бет не успевает убирать осколки одного сервиза, как я принимаюсь за другой. Тогда её терпение заканчивается, и она начинает кричать на меня. Я кричу на неё в ответ, швыряя чашки в стену и выбрасывая яблоки в окно. Бет снова уходит, хлопнув дверью, а я снова ору ей вслед, чтобы она не возвращалась.

Но, судя по всему, я большая эгоистка, чем предполагала, потому что обычно звоню ей следующей же ночью.

Последней каплей для меня стала разбитая любимая ароматическая свеча. Вот я подхватываю её, а вот в порыве ярости бросаю прямо в ноги. Я вымещаю на когда-то приносящей радость вещи всю злобу, таившуюся внутри на саму себя, всю обиду, которая постоянно убивала меня изнутри. Стекланный подсвечник разбивается вдребезги, разлетаясь по сторонам мелкими осколками.

Голова трещит от боли. Сердце то бьётся быстрее, то замедляется. Я собираю осколки дрожащими, умоляя Бога, чтобы всё это оказалось страшным сном, но стекло продолжает резать ладони.

Тогда я начинаю винить во всём Люка. Это он виноват, что они с Морисом подрались, что мы поссорились, что мы **БОЛЬШЕ НЕ ОБЩАЕМСЯ**.

Я решаю, что больше ни за что на свете не поведу с парнями, какими бы милыми они ни были. Удалив все новые фотографии новой себя из сети, спрятав подаренный нотный

лист подальше в шкаф и вставив наушники в уши, я надеюсь навсегда забыть лето две тысячи шестнадцатого. Музыка бьёт по перепонкам, а я делаю звук громче и громче.

Только так, спихнув вину с себя на Люка, я впервые расслабляюсь. Я принимаю горячую ванну и стараюсь не возвращаться к вечеру у Мориса. Я выпиваю кружку чая и пытаюсь забыть долгие разговоры в кофейне. Несколько ночей подряд я засыпаю под звуки дождя, и надеюсь не увидеть во сне берег Ривер Фосс.

Но всё напоминает о Люке. Что бы я ни сделала, куда бы ни пошла, мои мысли сводятся к нему: к запаху его кожи, глубоким карим глазам и горячим кончикам пальцев. Я не застаю момент, когда по щекам начинают скатываться слёзы. Вроде всего минуту назад я чувствовала себя лучше, чем в остальные дни без Люка, но теперь совесть разрывает меня на части.

Медленно набирая номер, я звоню Бет.

Это замкнутый круг, и мне некуда бежать. Я молчу, затем смеюсь, но вскоре мой смех становится истеричным, и я берушь разносить в пух и прах всё, что попадает под руку. Бет больше не пытается меня успокоить, пока я разбиваю одну тарелку за другой.

Я обессилено падаю на диван и прижимаю к груди подушку. За последние дни она уже впитала столько слёз, что её наверняка можно выжимать.

– Это не должно больше продолжаться, – Бет ставит ло-

коть на спинку дивана и подпирает рукой голову. – Ты делаешь хуже только себе, мучаясь здесь дни напролёт.

Августовские грозы хоть и не такие мощные, как июльские, но всё же не внушают доверия. Сверкая над Хантингтоном, они озаряют своим призрачным светом пустующие улицы, отражаются в прозрачных витринах одиноких магазинов. За всё это время я ни разу не узнала у Люка, как он переносит грозы, потому что сначала дулась на себя, а после проклинала его.

Я добила телефон несколько дней назад, когда мама в очередной раз написала мне об упущенной возможности побывать в Нью-Йорке. Мне пришлось швырнуть смартфон в пол экраном вниз, чтоб он наконец замолчал, чтобы мне больше не приходили фотографии с Манхеттена.

– Всё потеряно. Навсегда.

Я уставилась на пустой потолок. Тени оконных рам играют на нём после каждой ударяющей в небо молнии.

– Ты знаешь, что это не так, – продолжает Бет.

Она приняла Люка прямо перед тем, как мне пришлось с ним расставаться – вот же ирония судьбы. В любом случае, я ценю проявленное внимание к нему, хоть он и избил Мориса – возлюбленного Бет. Для меня было бы достаточно одного этого пункта, чтобы прекратить общение. Но Бет, похоже, в разы умнее меня.

Морис, кстати, отделался несколькими синяками и ссадинами. Состояние, в котором я его видела на вечеринке, легко

объясняет выпитый алкоголь. Этот парень никогда не держал своих обещаний. Я изо дня в день задаюсь вопросом, как же Бет выносит его, но решаю не лезть в чужие отношения.

– Я не смогу связаться с Люком по телефону.

– И не надо, – отвечает подруга. – Тебе нужно встретиться с ним.

Я выгляжу отвратительно. Я не мыла голову с того дня, как мы виделись в последний раз. Мои волосы спутались и отливают жирным блеском. Под глазами большие мешки, а на лбу повыскакивали прыщики. К тому же я совсем забыла о маникюре, и гель-лак шелушится уже несколько дней. Мне потребуется много сил, чтобы суметь хотя бы привести себя в порядок.

Но готова ли я к этому?

Нет, нет, нет. Я осознаю всю абсурдность ситуации и уже хочу повернуть назад, но до коттеджа Кларков остаётся всего ничего. Мы с Люком не общались больше двух недель, и за это время многое могло измениться. Я уже не могу вспомнить ни одной приготовленной темы для разговора, не считая главной. Мне становится всё страшнее. Страшно за себя, страшно за Люка. Мне страшно за нас.

После инцидента на вечеринке я думала, что моя жизнь закончена. Только благодаря Бет я не сошла с ума. Ничего не могу сказать по поводу Люка, и это настораживает. Он переживал грозы без меня. Он адаптировался в новой семье без

меня. Это могло послужить поводом для серьёзной обиды, а я и не подозревала. Точнее, подозревала, но не хотела думать об этом. Единственным, чего я хотела, было забвение. Мне хотелось забыть его улыбку, голос, глаза, которые сверкали ярче звёзд. Но ничего не вышло.

Мне стыдно перед мистером и миссис Кларк. Появившись однажды с печеньем и фруктами в руках на пороге их дома, я с гордостью назвала себя девушкой Люка, а в последние две недели от меня не было ни слуху ни духу. Даже боюсь представить, с каким презрением на меня посмотрит Сара, когда выйдет на крыльцо. Правда, в этот раз на мне будет куча косметики, а в руках лишь собственный смартфон.

Я нервно сглатываю.

Проходя по дорожке к ступенькам, я оглядываюсь по сторонам. Опустевшие клубы навивают тоску по прошедшему лету, а гипсовые фигурки будто специально смотрят на меня исподлобья.

Нет, слишком сложно. Я разворачиваюсь на середине пути и удаляюсь к дороге. Успешно перейдя её, я спрыгиваю с тротуара в высокую траву, чьи колоски почти достигают моей груди, и решительно спускаюсь вниз. Проходя под спутанными ветвями, которыми изредка игрался уже прохладный вечерний ветер, я огибаю норки невиданных зверьков и стараюсь не задеть повисшие на деревьях осиные гнёзда.

В чаще холодно. Остановившись на секунду, я застёгиваю несколько пуговиц на джинсовке и чуть ниже опускаю подол

платья. Морозящий ветер не упускает возможности задуть под одежду, но я не намерена возвращаться.

Я боюсь быть отвергнутой. Столько лет мне приходилось отбиваться от парней, в теперь я сама стала той, кого можно запросто оттолкнуть за промах. За весомый, очень весомый промах.

Природа никогда меня не отталкивала. Я находила в ней утешение. Природа и история заставляли меня двигаться вперёд и не оглядываться назад. Кажется, что я шагала по древней набережной много лет назад, а не в начале этого лета. С тех пор много воды утекло. Природа породила человека. Она дала мне всё, и даже больше. *Люка*. Жаль, что я собственноручно уничтожила *нас*. Я не могу не всплакнуть, вспоминая наши разговоры за работой в оранжерее, вспоминая его смешное лицо, когда ещё не нагретая вода Ривер Фосс накатила ему на ногу.

Моя выдуманная ненависть к Люку была такой неоправданной. Все эти дни я искала утешения, и находила его в самых разных эмоциях. Наверное, мне был необходим гнев, чтобы выпустить пар, но совесть всё равно напоминает о себе доносящимся издали громом. Я не могла ненавидеть его, когда так любила. Когда продолжаю любить.

Я выхожу к крутому берегу над рекой. Набираю полные лёгкие сладкого запаха и наслаждаюсь каждой секундой, проведённой здесь. Я тут чуть ли не впервые, но мне тут уже нравится: небольшая полянка, усеянная увядшими одуван-

чиками, покрыта росой. Если поднять голову вверх, можно увидеть купол, свитый из тысячи ветвей. Некоторые напоминают мне лесных зверей, а некоторые музыкальные инструменты. Веточки берёзы словно по велению музыкантов срослись в изысканную скрипку, а наполовину выцветшая под солнцем лиственница напоминает клавиатуру фортепиано.

– Я хотел передать тебе кое-что.

Я не оборачиваюсь. Шелест травы сменяется чудным голосом, а тот, в свою очередь, уволакивает бурная речка.

– Это «Спешите любить» Николаса Спаркса. Я бы вернул книгу миссис Лонг сам, но у меня слишком мало времени.

Я закрываю глаза и стою в оцепенении. Он пришёл за мной. Пришёл после всего, что произошло, пришёл после четырнадцати дней молчания, чтобы наградить меня словом.

– Мы переезжаем в Нью-Йорк через несколько дней. Это окончательное решение, – в его голосе слышится неуверенность. – Прощай, Кэтрин.

Я открываю глаза. Передо мной книга в тканевой обложке, какие очень любит моя бабушка. Я поднимаю ладонь и медленно, с наслаждением провожу рукой по выгравированным золотым буквам.

Громящая головная боль отвлекает от мыслей. Слова невозможно связать друг с другом – всё превращается в полнейшую неразбериху. Пред глазами темнеет, и Люк становится лишь силуэтом, постепенно отдаляющимся от меня. Он так быстро становится расплывающимся пятном, и мне

уже не верится, что все три месяца лета парень был реальным.

Он был моей мечтой. Мечтой, которая воплотилась в реальность, в которую я влюбилась и которую не готова отпустить. Люк был моим спасательным кругом в бушующем океане, в бурлящих водах, которые должны были утянуть меня на дно. Когда он скрывается за деревьями, из моей груди вырывается жалкий стон.

Я закрываю глаза, и тогда из-под ресниц выбегают слёзы. Книга падает на землю и раскрывается на середине. Ветер листает страницы, и вскоре бумажный шелест становится невыносимо громким. Я зажмуриваюсь и пинаю книгу с такой силой, что она отлетает к поваленному дереву в нескольких метрах от меня. Я падаю на колени, царапаясь о камни, и зажмуриваюсь ещё сильнее.

Неужели я не была для Люка чем-то значимым, неужели не занимала несколько места в его сердце? Неужели ему всё это время было так легко порвать со мной, неужели за три месяца он так и не привязался ко мне, как я к нему? Ответ на вопрос один, и он крутится на кончике языка. Хочется рвать, кричать и проклинать, но разве я могу пойти против собственной любви? Ответ всё тот же.

Нет, Люк не бросит меня.

Глава 23

Месяц спустя...

Как мама и говорила, она задержалась в Нью-Йорке до октября. Дела идут в гору: девушки продолжают покорять сердца миллионов, участвуя в показах и фотосессиях. Моделям приходится тратить уйму времени, но оно того стоит. Мама рассказывает, что им уже не впервой доводится встречать на улице желающих сделать совместное фото. Энн по-настоящему счастлива находиться в Штатах – по её фотографиям видно, как она расцветает день ото дня. Несмотря на плотный график, девушки позволяют себе расслабляться по пятницам. Нью-Йорк не спит, и ночная жизнь там куда интереснее, чем здесь. Глаза разбегаются по сторонам, стоит выйти на улицу.

И всё же я не жалею, что отказалась от поездки. Может, в Хантингтоне и нет ночных клубов, казино и аттракционов, но это мой дом, и я люблю его таким, какой он есть. Правда, после переезда Люка городок кажется мне пустым, лишённым изюминки, значимой делами. Я больше не могу не задумываясь мчаться по Хантингтон-роуд, не вспоминая, как мы шли за руку; не могу садиться за столик в кафетерии, не вспоминая один важный разговор в дождливый день.

Новая школа оправдала все мои ожидания. Помимо боль-

ших перемен, удачно подобранной программы и чистых кабинетов приятным сюрпризом для меня стал новый коллектив. Ребята в Роклиффе общительнее и добрее – я даже вступила в волонтерский кружок на следующий день после начала занятий. Они занимаются помощью пожилым, проводят благотворительные акции и жертвуют собранные средства приютам для животных.

– Как насчёт помощи детским домам? – выдвигает своё предложение моя соседка по парте. – Мы могли бы собрать деньги и прикупить ребятам что-нибудь на Хэллоуин.

Юноша, имени которого я до сих пор не запомнила, сидит за учительским столом. Несмотря на то, что мы сидим за предпоследней партой, нам отлично его слышно.

– Хорошая идея.

В кабинете не больше десяти человек. Собрания волонтеров проводятся по воскресеньям, но лишь малая часть готова вставать пораньше в выходной. На самом же деле волонтеров в старшей школе Роклиффа больше тридцати. Я, быть может, тоже бы не ходила по одной простой причине...

– Приближается Рождество, – дополняет кто-то.

– Новый год не за горами, – подхватывает другой.

– Тогда решено, – парень поднимается и оглядывает лица присутствующих. Его взгляд строг и решителен – сразу видно, что юноша не намерен отказываться от затеи. – Кэтрин, ты разумеешь, как обстоят дела в ближайших детских домах?

Все вокруг ожидают моего ответа.

– Разумеется, – соглашаюсь я, помедлив. – Да, конечно.

– Здорово, – заключает мой собеседник. – Тогда встретимся на следующем собрании и как следует всё обсудим. У нас ещё есть время до праздников.

Спорные вопросы здесь решаются просто, как по щелчку пальцев. Раньше я и не догадывалась о том, что такое возможно.

Я прощаюсь и выхожу в холл. Отовсюду видны витрины с наградами: золотыми кубками, медалями и грамотами. Моя школа славится баскетбольным клубом и умелыми тренерами. Куда бы я ни ступила, всюду будет развешено расписание занятий и матчей. Вскоре должны состояться состязания с ребятами из Манчестера, и я жду не дождусь момента, когда смогу позвать на них Бет и Мориса.

Надеюсь, они будут рады приглашению. В последний раз, когда мы виделись с Морисом, между нами осталось некоторое недопонимание. С Бет всё сложнее: мои слова задели её, и я должна извиниться. Она была рядом весь август, а я почти не обращала на это внимания. В чём-то она была права, когда называла меня «маминой дочкой». В момент отчаяния я думала только о себе.

Мне не хватает её. Теперь мне приходится одной ходить по длинным коридорам, стоять в очереди в школьном кафетерии и сидеть за столиком. Но я уверена, всё впереди. Стоит стать чуточку общительнее, и люди потянутся ко мне. До-

вольно с меня скрытности и псевдонимов.

Акерс теперь живёт у Гилбертов, и, как мне передала бабушка, его всё устраивает: они души в нём не чают. У мистера Гилберта есть небольшой спортивный клуб в Ирскике, и он ожидал, что Билли захочет присоединиться к тренировкам. Насколько мне известно, Акерсу пока далеко до спортсмена, но кулаками размахивать у него получается неплохо. Я надеюсь, что отныне он будет прибегать к ним исключительно во благо спортивного клуба.

Билли хватило нескольких дней, чтобы собраться и навсегда покинуть детский дом. Его койка заправлена, полки пусты. Ничего тут больше не напоминает о том, что Акерс прожил в детском доме большую часть своей жизни. Даже его фотография в бабушкином кабинете покинула своё прежнее место. «С глаз долой», – начала было бабушка, но я закончила быстрее. Билли не достанется никакого местечка в моём сердце, не дождётся.

Всё его занял Люк. Я скучаю по нему. Непривычно проходить мимо музыкального зала и не слышать, как он занимается с Зои, а когда мне доводилось спускаться к Ривер Фосс, в груди покалывало от волнения. Здешние места хранят воспоминания о днях, когда я была счастливее, чем когда-либо. Душная, тесная оранжерея вместила в себя самое большое воспоминание из всех. Я постоянно навещаю туда, чтобы вспомнить жаркий июль.

Сейчас погода лишь изредка напоминает ту. Холода приближаются: это чувствуется в северном ветре, опадающей листве и жухлой траве. Но моё сердце не тлеет.

– Мы хотим собрать деньги на подарки, – говорю я бабушке. – Можешь устроить здесь что-то в роде опроса, чтобы мы хотя бы примерно знали, что дарить ребятам, пожалуйста?

Она отрывается от книги и удивлённо смотрит на меня. Я вопросительно изгибаю бровь.

– Ты можешь сходу перечислить желания каждого, Кэтрин. Ты знаешь этих детей как свои пять пальцев.

Я стою в недоумении.

– Футболка Луису, – начинает она, но останавливается, когда замечает мою улыбку. – Продолжишь за меня? Ты знаешь их лучше, чем думаешь, поверь мне.

Бабушка права.

– Чехол для телефона Лин, – перечисляю я. – Печенье для Луизы и плюшевые игрушки для Зои.

– Что было, то было, и ты не убежишь от этого. Не притворяйся, что не помнишь ничего, Кэтрин. Не беги от прошлого, а научись жить с ним. У тебя за спиной столько опыта, сколько нет ни у мамы, ни у меня, – бабушка разводит руками. – Ведь так говорил Люк?

Не дожидаясь моего ответа, она говорит:

– Хороший мальчик, – в этих словах больше добра, чем в любой детской книжке.

Эпилог

Люк, 2021

В шестнадцать мы не были уверены ни в чём, кроме своих чувств, поэтому я связался с Кэтрин сразу по прилёте в Нью-Йорк. Отыскать её в социальных сетях было легче лёгкого. Я помню, как подолгу рассматривал каждую фотографию, и мои глаза наполнялись слезами, а сердце – болью. Но сравнивать её с той, которую я причинил Кэтрин, было глупо. Отчего-то мне казалось, что крест, поставленный на нас, поможет нам легче перенести разлуку. Но я даже представить не мог, как это отразится на Кэтрин. Одно лишь чудо помогло нам не стать друг другу врагами тем летом.

Чудо и шепотка любви.

Таксист привёз меня к аэропорту за несколько часов до регистрации. Мысли о Кэтрин перенесли меня за океан быстрее самолёта, поэтому, как только я занял своё место, передо мной словно замелькали её русые волосы, засверкала ослепительная улыбка и засияли голубые, точно небо, глаза.

Мы с Кэтрин видимся после каждого семестра, не изменяя традиции. В конце последнего учебного дня мы списываемся, договариваемся о встрече, а уже через сутки я лечу через весь свет, чтобы снова поцеловать девушку, зарыться

пальцами в её волосы и прошептать на ухо, как она мне дорога.

Всё оставшееся время мы поддерживали отношения на расстоянии, созваниваясь по FaceTime. Мы болтали без умолку с утра до ночи, несмотря на разницу во времени и – на минуточку! – океан между нами. Мы вместе выбирали Кэтрин платье на выпускной – я настоял на том, чтобы она была в своём любимом платье, и она прислушалась ко мне. Я еле сдержался, чтобы не заклеить распечатками её фотографий весь дом. Я звонил ей, когда собирался на свой выпускной, и Кэтрин не могла оторвать глаз от моего костюма. Конечно, смотря на него, мы оба вспоминали тот дождливый день, когда впервые вместе выехали в Хантингтон.

Мы обсудили просто го-о-ору книг. Я рассказывал ей о новинках Николаса Спаркса, а Кэтрин – о Кинге и его знаменитой «Тёмной башне». Знали бы вы, какой же оглушительный был её визг, когда я пообещал привезти ей экземпляр самого первого американского издания «Стрелка». Мы были, остаёмся и будем самыми счастливыми книголюбями в мире.

Я помню, как покидал университетскую аудиторию во время занятия, когда на экране мобильного высвечивалось её имя. Я прислонялся спиной к стене, принимаясь выслушивать Кэтрин. Когда она плакала там, далеко, и у меня не было возможности притянуть её к себе и сказать, что всё будет хорошо, моё сердце разрывалось на куски. Тихие всхли-

пы и громкие истерики – мы всё переживали вместе, хоть и не были рядом. Кэтрин была мне благодарна, а это для меня важнее всего.

Наши детские страхи оказались ничтожными по сравнению с теми, с которыми нас пришлось столкнуться после... моего переезда. Я не спал ночами, представляя, как кто-то другой обнимает мою Кэтрин, как занимается с ней готовкой или просто смотрит на неё. Кэтрин исписала десятки листов личного дневника, опасаясь, что я могу влюбиться в нью-йоркскую красотку и позабыть о ней – о ней! Да, новые страхи оказались куда сильнее, но мы стойко прошли испытание расстоянием и временем. Наша любовь не только не угасла – кажется, искра, промелькнувшая однажды, разгорелась до яркого пламени.

Никто из нас не сломался, пока мы чувствовали любовь и поддержку на разных концах света. Когда нам двоим угрожало одиночество, пламя любви согревало наши сердца.

Я покидаю терминал, вспоминая, как же знатно нас потрясло в небе над Великобританией. Ночной Лондон встречает меня мелким дождём и туманом, осевшим в ногах. Не теряя времени, я шагаю к ближайшему такси и стараюсь не испачкать недавно купленный чемодан. Назвав водителю адрес вокзала, я уже через час оказываюсь на платформе, а ещё через несколько часов – в Йорке, в номере отеля, где меня уже ждалась Кэтрин.

Нет ничего лучше жара её тела в постели, нет ничего при-

ятнее запаха её волос, нет ничего более забавного её мерного сопения под титры романтического кино. Мы проснулись больше двух часов назад, но так и не решились покинуть тёплую кровать. Вместо этого я предложил Кэтрин посмотреть фильм, на что она с радостью согласилась. Признаюсь, я специально выбрал романтику – мне хотелось ещё раз увидеть её спящую, хотелось снова убрать прядь волос с лица и развеять её полудрём нежным поцелуем.

– Люк, – невнятно произносит она, отстраняясь, – фильм уже закончился? – её глаза округляются, когда вместо экрана перед собой она видит меня, и я негромко смеюсь.

– Всё только начинается.

Кэтрин сильно изменилась с тех пор, как мы познакомились. Она всё ещё любит музыку и архитектуру, с удовольствием слушает лекции по истории искусств, обожает клубнику и наслаждается запахом фиалок. Но она рассталась со своими страхами и наконец стала той, кем всегда хотела быть, и за это я хочу сделать ей один приятный сюрприз.

Кэтрин обожает проводить время у окна за чашечкой чая. Как-то раз я застал её в кресле, укутанную в тёплый розовый плед и с книгой в руках. Она захлёб читала привезённого мною «Стрелка», пока по стеклу стучали капли дождя. Когда в небе засверкали молнии, она отложила книгу и позвала меня к себе.

– Мы же не поместимся, – отмахивался я тогда, подходя всё ближе, – нет, тут точно не найдётся местечка для меня, –

я коснулся её руки, и девушка притянула меня к себе. – Хорошо, давай попытаемся отыскать его.

Она сидела на моих коленях и листала страницы, бегая глазами по абзацам. Я почти не интересуюсь Стивеном Кингом, но могу сказать, что он совершенно точно хороший человек лишь потому, что делает Кэтрин счастливой. Я всегда готов пожать ему руку.

Миссис Лонг продолжает охотно делиться со мной книгами из своей библиотеки. Приезжая в Хантингтон, я зачитываюсь романами не меньше Кэтрин. Миссис Лонг всегда рада встретить меня, а я счастлив видеть её. При встрече у нас обоих на глазах наворачиваются слёзы, но это того стоит.

Сара Кларк оказалась не меньшей любительницей Кинга. Отец постоянно балует маму новыми книжками, а она в свою очередь тает от одного взгляда на обложку. Мне очень повезло с Кларками: они оказались именно такими родителями, о которых рассказывают в передачах по выходным и пишут в журналах. Жизнь с ними под одной крышей оказалась сказкой.

Мы с Кэтрин плотно обедаем в небольшом кафетерии, после чего выдвигаемся в путь. Я беру нам два билета до Манчестера, где мы хотим провести остаток дня. Я только и успеваю разглядывать древние здания, которые проносятся за окном друг за другом. Один фасад краше другого. Мы то попадаем в район, состоящий из стеклянных высоток, то в древние части города, где каждый кирпичик несёт на себе бремя

многовековой истории.

Кэтрин водит пальцем по стеклу, приговаривая:

– Это здание построено в стиле барокко. Отдалённо может напоминать классицизм, – она поворачивается ко мне, чтобы удостовериться, что я её слушаю. – Но барокко – более напыщенный стиль. Ему не обойтись без золота и серебра, понимаешь?

– Пытаюсь, – она болтает без умолку, но мне приносит удовольствие слушать её.

Она – удовольствие.

Больше всего меня впечатляет Центральная библиотека, которую Кэтрин так хотела увидеть. Снаружи, как и внутри, здание просто огромных размеров. Широкие колонны возвышаются над землёй на десятки метров, французские узорчатые окна выходят на все стороны света. Внутри нас встречает просторный холл с бесчисленным количеством читальных залов, мягкая мебель и книжные галереи, в которых мечтает потеряться каждый заядлый читатель. Я поднимаю голову – потолки не просто высокие, их практически нет! Мы ходим от одного зала к другому, и в каждом есть что-то своё. Некоторые украшены позолоченными гербами герцогства Ланкастер, а другие могут похвастаться разноцветными витражами. Мы скитаемся от полки к полке, перебираем книгу за книгой, и каждая рождает в Кэтрин столько эмоций, что у неё не получается сдержать довольного писка. Я выискиваю на полках романы о любви, романы о боли и

забвении, а Кэтрин – романы о преступлениях и тайнах. Кажется, что здесь есть всевозможные авторы: от классиков до современников. Все обложки в идеальном состоянии, страницы чистые – похоже, мы в настоящем читательском раю.

Мы выходим на оживлённую площадь спустя несколько часов. Отовсюду доносится музыка: площадь заполнена уличными музыкантами. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не пуститься в пляс, но Кэтрин только увеличивает моё желание танцевать своим жестом:

– Позвольте пригласить вас на танец, – она встаёт в позу, точно списанной с какой-нибудь картины, и предлагает мне руку.

Я звонко смеюсь, а затем предлагаю ей свою. Кэтрин любит напоминать мне о танце, который я подарил ей под виноградными лозами много лет назад.

– Тебе будто снова шестнадцать! – говорю я.

– Мы стареем телом, но не душой, – загадочно отвечает она.

Она кладёт руку в мою ладонь, и мы начинаем кружиться в нежном танце. Люди вокруг расступаются: кто-то свистит, кто-то громко хлопает, а кто-то недовольно бурчит себе под нос. Но мы не обращаем внимания, потому что слишком очарованы друг другом.

Я ещё минуту собираюсь с силами, чтобы отстраниться от Кэтрин. Я не представляю, как я жил пять лет без этой улыбки, как я жил без этих мягких ладоней, которые поте-

ют каждый раз, когда я касаюсь их. Уму непостижимо, как я только засыпал по ночам под городской гул, а не под её тихое сопение. Мне хочется засыпать только под него. Этот звук приятнее колыбельной, приятнее любой музыки.

Нужные слова никак не приходят мне в голову. Я то и дело возвращаюсь к одной и той же фразе, хоть умом и понимаю, что нельзя торопиться. Моё сердце выскакивает из груди, мчится, как паровоз, разгоняя кровь по венам до головокружительной скорости, и совсем не хочет ждать. Мои мысли – как распутавшийся клубок. Вроде бы собрать их вместе предельно просто, да только трудно сделать первый шаг. Шаг, чтобы раз и навсегда приблизиться к Кэтрин и больше никогда не оставлять её за океаном.

– Я люблю тебя, – я отхожу в сторону и шмыгаю рукой в карман пальто.

Её глаза так горят, так горят... Ветер мягко подхватывает её локоны, студит её разгоряченную кожу. Её щёки покрываются розовым румянцем. Она медленно произносит:

– Я тоже люблю тебя, Люк, – её слова сливаются с мелодиями уличных музыкантов. Смычок скользит по струнам скрипки, будто бы обволакивая голос Кэтрин.

Она прекрасна.

На дне кармана я нащупываю заветную коробочку.

– Кэтрин Лонг, – я присаживаюсь на одно колено и ставлю её на ладонь, предварительно аккуратно раскрыв. – Ты выйдешь за меня?

Кэтрин встаёт на месте. Ветер играет с её пальто. В момент её лицо озаряется самым яркими лучами, на какие только способно солнце в середине октября, а в глазах встают слёзы. Она соглашается.

Я смог зажечь её.

Мы смогли зажечь друг друга.